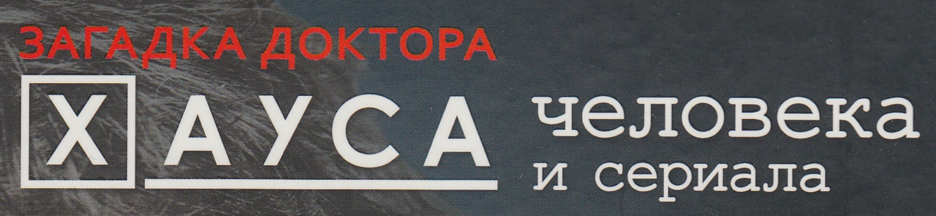

Популярнейший телесериал «Доктор Хаус» с удовольствием смотрят миллионы зрителей — и у многих из них возникают вопросы.

Кто такой Грегори Хаус: герой или антигерой, великий учитель или просто грубиян? Что общего между ним и Шерлоком Холмсом? Почему он нанял именно этих подчиненных и постоянно подвергает их жесткому психологическому тестированию? Мог ли он оказаться не врачом, а водопроводчиком или пожарным?

Эта книга поможет вам ответить на все или почти на все вопросы, касающиеся доктора Хауса, понять его психологию, оценить его достоинства и недостатки. Секс, ложь, семья, педагогика, культура — эти и многие другие темы рассмотрены применительно к доктору Хаусу, человеку и сериалу.

Разгадайте непростую загадку доктора Хауса с помощью этой увлекательной книги, в которой, как сказал бы Бомарше, «смешался глас рассудка с блеском легкой болтовни».

ПИТЕР®

Заказ книг:
197198, Санкт-Петербург, а/я 127
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com
61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

Под редакцией Л. УИЛСОН

ЗАГАДКА ДОКТОРА

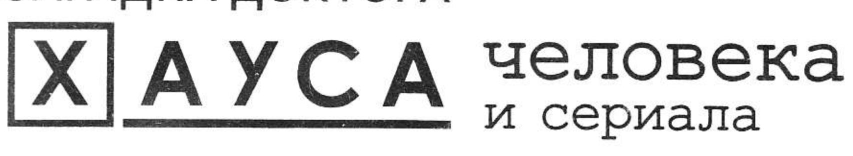
ЧЕЛОВЕКА И СЕРИАЛА

Под редакцией Л. УИЛСОН

ЗАГАДКА ДОКТОРА ХАУСА человека и сериала

ПИТЕР®

ЗАГАДКА ДОКТОРА
ХАУСА
человека
и сериала

HOUSE
Unauthorized

Vasculitis, Clinic Duty, and Bad Bedside Manner

edited by
LEAH WILSON

BENBELLA BOOKS, INC.
Dallas, Texas

Под редакцией Л. УИЛСОН

ЗАГАДКА ДОКТОРА ХАУСА
человека
и сериала

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2010

ББК 88.5
УДК 316.6
З-14

З-14 Загадка доктора Хауса — человека и сериала / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2010. — 283 с.
ISBN 978-5-49807-733-8

Популярнейший телесериал «Доктор Хаус» с удовольствием смотрят миллионы зрителей — и у многих из них возникают вопросы. Кто такой Грегори Хаус: герой или антигерой, великий учитель или просто грубиян? Что общего между ним и Шерлоком Холмсом? Почему он нанял именно этих подчиненных и постоянно подвергает их жесткому психологическому тестированию? Мог ли он оказаться не врачом, а водопроводчиком или пожарным? Эта книга поможет вам ответить на все или почти на все вопросы, касающиеся доктора Хауса, понять его психологию, оценить его достоинства и недостатки. Секс, ложь, семья, педагогика, культура — эти и многие другие темы рассмотрены применительно к доктору Хаусу, человеку и сериалу.

Разгадайте непростую загадку доктора Хауса с помощью этой увлекательной книги, в которой, как сказал бы Бомарше, «смешался глас рассудка с блеском легкой болтовни».

ББК 88.5
УДК 316.6

ISBN 1-933771-23-2 (англ.)
ISBN 978-5-49807-733-8

Содержание

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО смотрите сериал «Доктор Хаус»

Сериалы, подобные «Доктору Хаусу», не появляются сразу в законченном виде; это результат многомесячной работы сценаристов, режиссеров, продюсеров, дизайнеров и всех тех, чья работа остается за кадром. Глен Макдональд описывает один из этапов создания сериала и показывает, что именно превращает Хауса в Хауса (доктора Хауса).

ХАУС, ОДОБРЕНО

Глен Макдональд

Как это обычно и бывает с пилотными проектами на телевизионных каналах, первоначальный замысел невероятно популярного медицинского сериала «Хаус» прежде, чем выйти на телеэкраны, претерпел многочисленные изменения. Внимательные телезрители вспоминают, что дебют сериала состоялся под полным названием — «Доктор Хаус». Это было сделано для того, чтобы лучше передать его сущность, раскрывающую работу врачей в отличие от, к примеру, работы судебных медицинских экспертов, полицейских, военных, юристов, военных юристов, историков и представителей любых других профессий, повествования о которых составляют 95% всех драматических сериалов на телевидении.

Однако малоизвестно, что сначала «Хаус» задумывался отнюдь не как медицинский сериал. До первого пробного эпизода замысел «Хауса» претерпел несколько важных и даже радикальных изменений. По сути дела, сама профессия главного героя менялась с первых эпизодов. Лишь после длительной переработки сценария Грегори Хаус обрел свой дом при университетской больнице Принстон-Плэйнсборо. Далее вы увидите некоторые образцы из ранних версий проекта «Хаус».

Хаус, ремонт отопительных систем и выполнение слесарных работ. Пробный эпизод, версия № 4в

Место: ванная комната в жилом доме, день.

ГРЕГОРИ ХАУС, выполняющий ремонт отопительных систем и сантехники, разговаривает с тремя рабочими в тесной ванной комнате в загородном доме. Его внимательно слушают симпатичный и амбициозный Эрик Форман, привлекательная и серьезная Элисон Кэмерон и приятный внешне, но высокомерный Роберт Чейз. После первых титров мы попадаем на своеобразную лекцию.

ХАУС:

…Итак, запомните, что от этого вы не умрете, только получите ожоги лица и рук третьей степени. А теперь давайте посмотрим на эту замечательную керамическую раковину. Нам сообщили, что течет кран. Что мы видим?

Кэмерон и Форман обмениваются взглядами, выражающими непонимание.

ФОРМАН:

Кран действительно течет.

ХАУС:

На взгляд дилетанта, так оно и есть. Но ведь все мы выпускники профессионального колледжа, так? Кэмерон, что ты видишь?

КЭМЕРОН:

Я вижу кран. И он течет.

Хаус приносит классную доску на подставке и пишет: «Протечка крана».

ХАУС:

Начнем сначала. Чейз, как ты охарактеризуешь степень влажности в помещении? Здесь сухо?

ЧЕЙЗ:

Да нет, скорее сыро. И, возможно, кое-где есть плесень.

ХАУС:

Совершенно верно.

Хаус пишет на доске слово «Сырость».

ХАУС (продолжает):

Форман, а что ты скажешь насчет атмосферного давления?

ФОРМАН:

Откуда я знаю?

ХАУС:

Замечательный ответ. Ты прав, оно совершенно не важно и существует исключительно для того, чтобы ты дышал и двигался. Кэмерон, а что ты скажешь насчет того, что еще есть в этом помещении?

КЭМЕРОН:

Ну, много всяких игрушек для игры в ванне.

ХАУС:

Игрушки для ванны! Верно!

Хаус пишет на доске «Игрушки для ванны».

ХАУС (продолжает):

Какие игрушки?

КЭМЕРОН:

Резиновые утята.

ЧЕЙЗ:

Полотенце с физиономией Элмо.[1]

ФОРМАН:

Пена для ванны.

Хаус пишет все эти названия на доске.

[1] Персонаж из сериала «Улица Сезам». — *Здесь и далее — примечания переводчика, кроме специально оговоренных.*

ХАУС:

Какая пена для ванны?

ФОРМАН:

«Скуби Ду». Пена «Скуби Ду».

ХАУС:

Благодарю. Детали крайне важны для диагностики. Одна мельчайшая деталь может стоить жизни вашему больному!

КЭМЕРОН:

Вы имеете в виду — сантехнике?

ХАУС:

Не прерывай. Мы можем заключить на основании полученных данных, что ванной пользуется маленький ребенок, возраст три или три с половиной года, уже хорошо говорит, склонен к непослушанию, у него зеленые глаза, и он левша. Когда подрастет, вполне вероятно, станет болеть за «Чикаго кабз» или «Цинцинатти редз».

КЭМЕРОН (обращается к Форману):

Откуда он это знает?

ФОРМАН (обращается к Кэмерон):

Оставь, его понесло.

ХАУС:

Таким образом, сырость и легкий запах технической смолы говорят о том, что протечка в данном случае является просто симптомом более фундаментальной проблемы. Обратите внимание на светильники. Сделаны в Китае, если не ошибаюсь, в провинции Шицуань. Нам также известно, что этот дом расположен более чем в трех милях от федеральной трассы, но менее чем в пяти милях от нее. Итак, учитывая, что коллекция компакт-дисков в соседней комнате — это, главным образом, музыка в стиле кантри и что демократы имеют небольшой перевес в сенате этого штата, мы можем с уверенностью сделать заключение.

Хаус передает Форману электрический фонарик.

ХАУС (продолжает):

Форман, загляни-ка под раковину. Видишь трубу между теплообменником и вентилем отвода? Медно-никелевый сплав, установлен в 1972, нет-нет, в 1973 году. Подвержен коррозии, если расположен рядом с сифоном или вентиляционной трубой.

ФОРМАН:

А он прав!

ХАУС:

Замени ее.

Хаус кидает в рот две таблетки викодина и направляется к выходу.[1]

КЭМЕРОН:

А как насчет текущего крана?

Хаус возвращается и заворачивает кран.

ХАУС:

Его нужно просто завернуть.

Эта ранняя версия «Хауса» явно показывает, что в ней изначально присутствуют многочисленные элементы, характерные для производственного сериала. Однако создается впечатление, что в данной среде феноменальные диагностические способности Хауса несколько теряются. В следующем отрывке из сценария мы увидим, как авторы начинают представлять Хауса симпатичным мизантропом. Обратите внимание на то, с какой настойчивостью они избегают повествования о жизни главного персонажа вне экрана.

Хаус, специалист по телефонным и интернет-продажам. Пробный эпизод, версия № 5а

Место: кухня.

[1] Викодин — наркотический анальгетик, содержащий гидрокодон и ацетаминофен.

Солнечный день, загородный дом. Кити Престон, домохозяйка, возраст 30 лет или немного старше, моет посуду. Раздается телефонный звонок.

КИТТИ:

Алло.

ХАУС:

Миссис Престон?

КИТИ:

Да, слушаю.

ХАУС:

Это Грегори Хаус из компании «Гейко». Послушайте, я заготовил целую речь о том, как вы можете сэкономить до 15% на автостраховке, но давайте-ка лучше перейдем к делу.

КИТТИ:

Не поняла?

ХАУС:

Ведь вам за сорок. Красота уходит, а вместо нее появляются лишний вес и морщины. Сила тяготения сказывается на вашей анатомии — задница становится толще…

КИТТИ:

Да кто это, черт побери?

ХАУС:

Я уже это вам объяснил. Память тоже ухудшается? Жалко. Средний возраст действует губительно, могу только посочувствовать. Но дело в том, что с возрастом у вас, по крайней мере, появляется относительная финансовая стабильность. А это лучше, чем, будучи студенткой, спускать все деньги на алкоголь и пробовать на себе альтернативные стили жизни. Помните эту беспринципность, бездумные поступки, коктейли с экстази…?

КИТТИ:

Что?!

ХАУС:

Метилендиоксиметамфетамин. Стимулирует выработку в мозге серотонина и дофамина, вызывает ощущение открытости, сопереживания, энергии, эйфории и благополучия. Вам хочется танцевать под дурацкую техномузыку и заниматься любовью с соседом по комнате…

КИТТИ:

Я понятия не имею, кто вы и что за игру вы ведете…

ХАУС:

Послушай, сестренка, ты думаешь, у меня в запасе целый день? Будем менять твою страховку или нет? Обещаю, что я никому не расскажу про твоего соседа.

КИТТИ:

Пошел к черту!!

Китти вешает трубку. Телефон звонит снова. Китти хватает трубку.

ХАУС:

Мое предложение все еще в силе.

Понятно, что характер Грегори Хауса становится более определенным. Однако этот вариант сценария продюсеры тоже отвергли, так как телефонный коммивояжер в качестве главного героя был весьма равнодушно воспринят зрителями. Далее мы обратимся к еще одной профессии, той, в которой, как казалось, Хаус обретает достойного партнера. Обратите внимание на появление такой важной особы, как Кадди, которая дотянула до появления окончательной версии сериала.

Хаус, штатный преподаватель английского языка. Пробный эпизод, версия № 3а

Место — учебная аудитория, день.

Преподаватель Грегори Хаус приходит на первое занятие в престижной академии в Вилшире. Директор колледжа и одновременно его декан, Лиза Кадди, приняла Хауса на работу, зная, что он замечательный ученый, хотя и со странностями. Принимая во внимание его непростой характер, она решает посетить несколько его первых занятий.

Входит Хаус, тянет вниз экран для проектора и глотает горсть таблеток.

ХАУС:

Приветствую вас, убогие и тянущиеся к знаниям. В целях экономии времени и дабы избежать ваших ошеломительно скучных вопросов, предлагаю установить несколько основополагающих правил. Я — профессор Грегори Хаус. Вы можете называть меня «Профессор», «Профессор Хаус» или «О великий». Я — автор и ученый, окончивший Гарвард, меня публиковали в стольких местах, что вы и представить себе не можете. У меня две специальности в области критической теории и американской литературы эпохи постмодернизма. А самое главное — у меня постоянная ставка. Для тех, кто имеет слабое представление о замечательном институте постоянных ставок, сообщу, что я могу нести любую ахинею, и мне за это ничего не будет, ибо все это делается во имя академической свободы. Это значит, что меня практически нельзя уволить, не правда ли, декан Кадди?

КАДДИ (страшным шепотом):

Что вы несете, Хаус?

ХАУС:

Простите, я забыл о хороших манерах. Студенты, это декан, Лиза Кадди, директор, администратор и главный арбитр в том, что касается вашего образования и моей зарплаты. Если вы полагаете, что она сейчас неплохо выглядит, то вы не видели ее всего пару лет назад. Кстати, возможно до вас дошли слухи о том, что в прошлом декан Кадди и я состояли в близких отношениях. Я хочу, чтобы меня

поняли правильно. Имейте в виду, что я не подтверждаю, но и не отрицаю тот факт, что я шлепал по этой шикарной套 заднице.

КАДДИ:

Профессор Хаус! Можно вас на пару слов?

ХАУС (обращаясь к студентам, наклонив голову):

Вы что-нибудь слышали? Пищала мышь? Продолжаем. Я не буду вести учет посещаемости. Я не буду проверять ваши работы, для этого есть ассистенты. Они же будут готовить ваше расписание занятий и вести учет посещаемости. Ну, а я по условиям контракта обязан проводить индивидуальные консультации для студентов в приемные часы, только я призываю вас немедленно забыть об этом обстоятельстве, тотчас же. Если по каким-то причинам вы пожелаете получить у меня консультацию, прошу вас помнить, что я наркоман, что я вооружен тростью. Дубовой тростью, из твердой древесины. С плотностью в ноль целых семьдесят пять сотых грамма на кубический сантиметр.

КАДДИ:

Профессор Хаус! Я требую немедленно!..

ХАУС:

Опять этот странный звук… И последнее. Отныне я буду проводить свои вдохновенные и насыщенные занятия в этой аудитории по вторникам и четвергам с 11 до 11-50. Посещать их или нет, ваше дело. Мы немного подискутируем на наших встречах, что позволит мне определить, на кого из вас ваши родители не зря тратят деньги. Я буду курировать каждого из вас, и если вы будете поступать так, как я говорю, у вас появится возможность заняться диссертацией, причем на условиях полного финансирования. Остальные получат свои «тройки» при условии, что не будут мне докучать. Есть вопросы? Хорошо. Сегодня я принес вам DVD с сериалом «Больница». Свадьба Люка и Лоры. Смотрите и рыдайте.

Хаус вставляет диск в плеер, разворачивается и направляется к выходу.

КАДДИ:

Хаус!

ХАУС:

Ах да. Декан Кадди. Я собирался поговорить с вами. Когда будет мой первый творческий отпуск?

Обратите внимание на детали поведения Хауса, которые начинают складываться в образ: пренебрежение нормами профессионального поведения, намек на прошлую интимную связь между ним и Кадди и его любовь к телесериалам, идущим в дневное время. В следующем отрывке мы можем почувствовать определенный творческий кризис, охватывающий создателей сериала. Отчаявшись найти для Хауса подходящую среду обитания, авторы пытаются достичь успеха, копируя телесериалы, обращенные к сходной зрительской аудитории.

Хаус — заключенный, желающий выбраться из тюрьмы на волю. Пробный эпизод, версия № 3b

Место: тюремный двор, день.

ГРЕГОРИ ХАУС, осужден за нелегальную торговлю «Викодином». Заключенные из тюремного блока «Д» развлекается поднятием тяжестей. Лучший друг и сокамерник Хауса, Джеймс Уилсон, прозванный Кровавым Джеем, заканчивает делать наколку «Паскудная жизнь» на животе Хауса. Чтобы скоротать время, они занимаются тем, что пытаются угадать прошлое других заключенных и совершенные ими преступления.

ХАУС:

А вон тот парень?

УИЛСОН:

Хм. Фигуристый, неслабый шрам. Бритая голова, татуировка в виде паутины. Я бы сказал, что он ариец.

ХАУС:

М-да. Очень односторонне. Лучше тебя и не спрашивать. Посмотри, как он хромает, как оглядывается назад. И все норовит залезть на территорию для калек. Страдает суицидальным комплексом или нарциссизмом. А это подергивание четырехглавой мышцы… Анаэробный процесс. Вероятнее всего, повышенное содержание молочной кислоты. Дай-ка подумать… Учитывая дифференциальные признаки, я бы предположил… расстройства, связанные с псевдопсихопатической личностью, параноидально-нарциссические черты, а сидит он за нападение с применением физического насилия и вооруженное ограбление, принадлежит к банде «Нацистские помои».

УИЛСОН:

Как ты это делаешь?

ХАУС:

Вообще-то он мой двоюродный брат.

Очевидно, что этот замысел был обречен на провал, хотя небезынтересно отметить, что подлинные устремления Хауса обращены к медицине. К сожалению, эта линия развития, оказавшаяся впоследствии столь успешной, не была вовремя взята на вооружение. Вместо этого продюсерам по настоянию руководителей телеканала пришлось поместить Хауса в спортивную среду, которая в большей степени отвечала вкусам мужской части телезрителей в возрасте от 18 до 35 лет.

Хаус, игрок главной бейсбольной лиги «Даймонд». Пробный эпизод, версия № 6а

Место: стадион «Даймонд», матч главной бейсбольной лиги, день.

ГРЕГОРИ ХАУС, девятнадцатый номер, стоит на первой базе, он только что отбил удар питчера и сделал уок.[1] Хаус — замечательный шорт-стоп[2], хотя со странностями и с репутацией непредсказуемого игрока. Он делает

[1] Питчер — игрок защищающейся команды; Уок — передвинуться на следующую базу.

[2] Шорт-стоп — игрок, находящийся между второй и третьей базой.

небольшой шаг в сторону игрока из команды противника с первой базы и начинает с ним болтать.

КАКОЙ-ТО ЗРИТЕЛЬ:

Странно, он что, бьет тростью?

ХАУС:

А вес вашего питчера зашкаливает. Заметил? И почему все питчеры такие жирные? И не только питчеры. На первой базе игроки, насколько я знаю, такие же толстяки.

ИГРОК ИЗ КОМАНДЫ ПРОТИВНИКА С ПЕРВОЙ БАЗЫ:

Да пошел ты...

ХАУС:

Пошел бы, но, как видишь, игра в разгаре.

Питчер бросает мяч на первую базу, пытаясь сделать перехват. Хаус возвращается на свою базу и легко обыгрывает тэг.[1]

Хороший удар, Ширли. Твой муж тоже играет в нашей лиге?

ИГРОК ИЗ КОМАНДЫ ПРОТИВНИКА С ПЕРВОЙ БАЗЫ:

Поцелуй мою задницу.

ХАУС:

Что-то ты на мне зациклился. Да ладно, не стесняйся. Я же чертовски привлекателен. Я тоже заметил этого мачо, атлетические типы склонны сублимировать свои сексуальные фантазии при помощи крепких словечек. Так чего ты хочешь? Грубого секса? Обычного секса?

ИГРОК ИЗ КОМАНДЫ ПРОТИВНИКА С ПЕРВОЙ БАЗЫ:

Да заткнись ты ради бога!

ХАУС:

То есть ты хочешь обычного грубого секса?

[1] Тэг — салочка.

Бэттер[1] резко бьет вдоль линии по первой базе. Игрок из команды противника с первой базы отвлекся и пропустил мяч. Мяч пролетает мимо него за поле.

ХАУС (хромает ко второй базе):

Опс! Ну, мне надо бежать. А тебе надо тренироваться, тогда все получится!

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Место: помещение национальной Лиги президентов, менеджеров и игроков в бейсбол «Дагаут», день.

ХАУС на своем излюбленном месте (у классной доски) держит речь перед другими игроками и менеджерами. Взгляд менеджера команды Скиппер Кадди выдает раздражение.

ХАУС:

...итак, у нас счет 2:1, игроки нападения на первой и третьей базах, левша на подаче, левша на приеме, инфилд[2] глубоко в поле. Что вы видите?

Первый игрок:

Дабл стил?[3]

ХАУС:

Только не с Родригесом на первой. Он слишком медленно играл в последнем иннинге.[4]

Второй игрок:

Рвануть наугад вперед?

ХАУС:

Не забывай, что левша «дома».[5]

Третий игрок:

Ударить — и деру?

[1] Бэттер — игрок нападения с битой в бейсболе.
[2] Инфилд — игрок внутреннего поля.
[3] Дабл стил — удар, при котором мяч перелетает через две базы.
[4] Иннинг — период бейсбольного матча.
[5] «Дом» — база.

ХАУС:

Куда ему с повышенным натрием — он весь день грыз семечки. У него, похоже, ишемия кишечника. Или острый вирусный гастроэнтерит.

Первый игрок:

Наследственная болезнь Квинке?

Второй игрок:

Мелкоклеточный васкулит?

ХАУС:

Запишите-ка этого игрока на электрогазоскопическое исследование и колоноскопию.

СКИППЕР КАДДИ:

Да что это вы несете?

И вот мы видим, что авторы наконец-то нашли верное направление для своего главного героя. На сцене появляется врач-консультант, и сериал «Хаус» быстро обретает характер производственного кино, действие которого происходит в больнице. Были и еще некоторые варианты — пробная версия, называемая «Хаус: лошадиный доктор», сделала несколько кругов, но дальше не пошла.

Каким бы невероятным это ни показалось, но подобное развитие событий не является чем-то необычным для Голливуда. Сколько хранилищ Бербанка[1] завалены неудачными черновыми проектами, которые впоследствии становились легендарными телевизионными программами, включая такие забытые шедевры, как «Анатомия Гэри», «Отчаянные маляры», «Место преступления: Акрон» и «23». Творческая разработка пробного телесценария — это процесс, полный сюрпризов, но, как нам убедительно показывает «Хаус», в конечном итоге все дело заключается в герое. А ведь для американцев нет лучшего персонажа, чем эмоционально неуравновешенный мизантроп, который говорит предельно понятными словами и сидит на таблетках.

[1] Бербанк — городок неподалеку от Лос-Анджелеса, где находятся многие известные киностудии.

Глен Макдональд пишет о том, как взаимосвязаны кино, телевизионные технологии, игры и поп-культура, для различных интернет-сайтов и журналов. Он является автором таких работ, как «Возьмите меня в игру: интернет-казино», «Большие соревнования и новый покер», а также сотрудничает с программой «Подождите, подождите... Дайте подумать» на Национальном общественном радио. О его юмористических эссе говорят, что они «грамматически выдержаны» и «появляются с завидной частотой». Он обитает в нескольких тайных бункерах, а виртуально доступен на сайте glenn-mcdonald.com.

Сегодня сериал «Доктор Хаус» крутят вовсю. В нем присутствует определенная доля качества, но вряд ли что-то более того. И тем не менее «Хаус» является исключением, не так ли? Не совсем так, не соглашается Стивен Рубио... или, по крайней мере, в меньшей степени, чем мы того ожидали.

ЭТО ДЕСЯТЬ БАЛЛОВ

Почему доктор Хаус лучше самого сериала о докторе Хаусе

Стивен Рубио

Он придурок

О вкусах не спорят.

Некая группа, именующая себя «Родительский совет по телевещанию», объявила об итогах ежегодного анализа религиозного содержания в телевизионных программах. Канал «Фокс» был назван «самым антирелигиозным» в отношении передач, транслирующихся в лучшее эфирное время (Гилдемайстер).[1] Некоторые доводы «Совета» не вызывают удивления. В основном он обрушил свой гнев на мультсериалы «Гриффины» и «Симпсоны». Но помимо них был назван и эпизод еще одного фоксовского сериала, «Хаус», в котором, как они утверждают, «Хаус говорит верующему больному, что тот либо психопат, либо мошенник, если утверждает, что с ним разговаривает сам Господь». «Родительский совет» дает скрупулезную характеристику Хаусу:

> Доктор Хаус — гений, но в то же время человек со странностями, находящийся на грани мизантропии. Он (sic) уже много лет страдает от боли, поэтому пристрастился к викодину. Боль — причина того, что его характер стал вздорным и взрывным. Отношения Хауса с окружающими вызывают много вопросов, он нетерпим к больным и их самым обычным проблемам, он лжет, чтобы отвертеться от работы, он утверждает, что у него заболевание, не признаваемое таковым традиционной медициной. Хаус — это скорее исследователь, которого интересует болезнь, а не люди...

[1] Кристофер Гилдемайстер — обозреватель и публицист.

Все это, по мнению «Родительского комитета», является причиной того, что «Хаус» — плохой сериал, тогда как я буду утверждать, что именно из-за сказанного мы и должны его смотреть.

В «Хаусе» мы видим одного из самых замечательных телевизионных персонажей в исполнении Хью Лори — и играет он превосходно. И дело не только в Лори: без сварливого Хауса мы просто получили бы еще один больничный сериал, как бы ни был хорош Лори. Хаус — это удивительный герой, который не был бы таковым, если бы не страдал из-за самоанализа, а он страдает, потому что сломан — причем сломан неизлечимо, а не так, как Энди Сипович,[1] сломан основательно, он дошел до человеконенавистничества, что, в общем-то, совершенно не типично для массового телевидения.

Лори умеет играть своего героя без видимых признаков сопереживания или добрых чувств, но при этом своей игрой заставляет зрителя понять, что в нем есть нечто большее, чем лежит на поверхности. И при этом часто кажется, что создателям «Хауса» и не ведомо, кого они заполучили. Было бы глупо ворчать по поводу того, что создатели сериала недооценивают свою звезду, хотя Лори находится в центре внимания рекламы сериала. Канал «Фокс» желает, чтобы именно Лори был на глазах зрителей «Хауса». Но все это не столь очевидно, когда мы начинаем смотреть сам сериал. В целом «Хаус» строится по определенной формуле и отступает от нее лишь один раз в сезон, когда создатели выбирают «Особый эпизод» для выдвижения Лори на премию «Эмми». Нужно просмотреть много серий, чтобы понять, что можно перевести часы вперед и начать предска-

[1] Энди Сипович — персонаж сериала, NYPD *Blue*, «Полицейский отдел Нью-Йорка».

зывать, что произойдет дальше и когда это случится. Результат чаще всего разочаровывает зрителя, поскольку его лишают лучшего, что у них есть, — Лори и его героя, а кроме того, веры в неожиданное стечение обстоятельств.

Возьмем, к примеру, имевшую успех у публики в начале сезона третью серию — «Линии на песке» (3–4). «Больной дня» — десятилетний мальчик, страдающий аутизмом. Серия строится по стандартной формуле, что неудивительно: необычное заболевание, с трудом поддающееся диагностике, несколько ошибочных диагнозов, поездка и проникновение в дом больного в поисках ключей к разгадке — и вот! За несколько минут до окончания серии Хаус решает загадку. Все это как следует перемешано, дабы показать, что за придурок этот Хаус. Тем не менее серия «Линии на песке» положительно отличается от остальных серий «Хауса» — главным образом, потому, что много внимания уделено мелким деталям, которые позволяют назвать «Хаус» хорошим сериалом, и особенно благодаря диалогам Хауса с больными и коллегами (язык не поворачивается назвать их друзьями, даже Уилсона, который считается его самым близким приятелем). «Хаус» часто балансирует между намеком и откровенным ударом по мозгам зрителя. Бывают замечательные моменты, когда верх берет первое. Именно тогда Лори получает возможность показать глубину своего героя. Все теряется, когда создатели «Хауса» упускают из виду нюансы. И именно тогда зрителям становится обидно.

Между Хаусом и мальчиком в «Линиях на песке» возникает необычайно глубокая связь, поскольку, как он сам замечает в какой-то момент, он начинает завидовать этому ребенку:

> Этому парнишке не нужно притворяться, что его волнует ваш ревматизм, или то, как вы сходили в сортир, или что чешется у вашей бабулечки. Представьте, как хорошо было бы жить, если бы мы избавились от всех этих надоевших приличий. Мне не жалко мальчишку, я ему завидую.

В отличие от Хауса мы сострадаем этому ребенку, но у нас появляется и предмет зависти — сам Хаус. Мы также начинаем воображать мир без социальных условностей. Хаус обычно поступает так, как будто он уже освободился от них, поэтому одно из удовольствий от просмотра этого сериала заключается в том, что мы видим, как он плюет на социальные нормы.

Уилсон привносит нечто иное в понимание поведения Хауса. Подобно многим любителями сериала он, возможно, задает себе вопрос: нет ли у Хауса синдрома Аспергера,[1] не страдает ли он умеренной формой аутизма, проявляющейся в «трудности установления дружеских контактов при игре со сверстниками» и в «проблемах с соблюдением социальных норм». Директор больницы, доктор Кадди, отвечает без экивоков: «Хаус не страдает синдромом Аспергера. Диагноз гораздо проще. Он — придурок». Вероятно, ей удалось убедить Уилсона, поскольку позже он наставляет Хауса:

> Аутизмом ты не страдаешь. У тебя даже нет синдрома Аспергера. А жаль. Это избавило бы тебя от необходимости соблюдать правила. Дало бы свободу. Избавило от обязательств. Позволило ходить на свидания с семнадцатилетними. Но самое главное — это означало бы, что ты не просто придурок.

В такие моменты «Хаус» приближается к совершенству. Формула сериала помогает четко показать нам главного героя. Обратите внимание на то, что Уилсон говорит все это не для того, чтобы усовершенствовать своего друга (хотя в других сериях он делает такую попытку), а вместо этого называет Хауса тем же словом, которое услышал от Кадди: придурок. (Это хорошо, поскольку вместо обычного «извлечем из этого урок» телевидение прибегло к повествованию в том направлении, в котором движется сам герой.)

Хаус остается придурком, и в этом есть свои преимущества, главное из которых заключается в том, что это выделяет «Хаус» из ряда прочих больничных телесериалов. Однако необходим некий баланс между придурковатостью и возможным спасением этого проекта. Некоторые из нас просто счастливы лицезреть на экране телевизора энергичного грубияна, но если не появится «Новый Хаус», весь этот сериал при-

---

[1] Синдром Аспергера — форма аутизма.

кажет долго жить. В «Линиях на песке» такой баланс найден в конце серии, когда мальчишка с аутизмом дарит Хаусу свою игровую приставку (Хаус постоянно играет в видеоигры, а мальчишку, похоже, не оторвать от его приставки). Хью Лори играет эту сцену идеально; мы видим, как тонко выстроен прорыв его оборонительного рубежа в тот момент, когда он принимает подарок (малыш Брэден Лемастерс тоже молчит. В роли больного он вполне состоялся).

Если бы создатели «Хауса» полностью доверяли зрителям, этот эпизод мог бы закончиться так: мальчик и его родители покидают больницу, камера в последний раз показывает лицо Хауса. Но, как это часто происходит, создатели считают, что зритель недостаточно умен. Во-первых, в тот момент, когда мальчик и его родители готовятся уйти, Хаус говорит Уилсону, что по десятибалльной шкале спасение этого ребенка от смерти можно было бы оценить в десять баллов, ну а его родители «едва нащелкивают на шесть с половиной», потому что, хотя они и любят своего сына, воспитывать ребенка, страдающего аутизмом, будет для них очень непростым делом. Семья покидает больницу, мальчик дарит Хаусу игровую приставку, они обмениваются взглядами, троица выходит, а Уилсон произносит: «Это — десять баллов».

Все отношение к зрительской аудитории можно выразить этими тремя словами. Если бы создатели сериала доверяли своей зрительской аудитории, они обошлись бы без слов Уилсона, которые как молот упали на нашу голову. Когда Уилсон объясняет то, что только что произошло, нам снова остается гадать, понимают ли эти умники-режиссеры, что Хью Лори может передать нужные эмоции без ненужного объяснения.

Но это еще не конец. Когда Уилсон произносит свои слова, голос Бена Харпера на звуковой дорожке затягивает песню «Я жду ангела»:

> Я жду ангела,
> Чтобы он отнес меня домой,
> Не задерживайся,
> Потому что я не хочу уходить один...

Нет, с песней Харпера все нормально. Ненормально то, что мы ее слышим именно в этот момент. Подобно трем словам Уилсона слова Харпера создают упрощенную картину для телезрителей, которые, видимо, слишком глупы, чтобы понять динамику сцены в том виде, как ее играют Лори, Лемастерс и Роберт Шон Леонард в роли Уилсона.

Казалось бы, что такое дополнение к эпизоду и не нужно, но следует учесть, что «Хаус» — это очень популярный сериал, поэтому приходится предположить, что продюсеры знают, что делают. Фильм изобилует формулами, но, возможно, в отсутствии безумия есть своя система.[1] Вероятно, продюсеры верно рассчитали, что нужно и некоторое количество здравого смысла, и ринулись, так сказать, нейтрализовывать впечатление, которое создает придурок в главной роли. При попытке прикрыть его придурковатость они создают нам стандартную больничную драму.

Но если это действительно банальный производственный сериал, то следует сказать, что достаточно деликатные отношения между Хаусом и Али, семнадцатилетней пациенткой, сыграны превосходно. Али, играющая в двух сериях (в том числе в «Линиях на песке», 3–4), серьезно запала на Хауса. Он без всякой задней мысли флиртует с ней... но, в конечном счете, подходит ли выражение «без всякой задней мысли» для таких взаимоотношений? Финал наступает, когда Хаус ставит ей диагноз странного заболевания (а в «Хаусе» и нет иных заболеваний), после чего она срывается с тормозов. Довольными остаются все: поклонники Хауса с его антиобщественными склонностями и синдромом Аспергера могут радоваться, наблюдая, как он идет походкой искусителя, зная о своей малолетней обожательнице, а те, кому не по нраву такое поведение, могут быть удовлетворены тем, что: 1) ничего не произошло и 2) девушка просто страдала от какого-то странного заболевания.

Удобство

Думается, для того, чтобы «Хауса» приняла широкая зрительская аудитория, его создателям необходимо постоянно каким-то образом соединять странного главного героя с относительно традиционной формулой. От такого хождения по канату вряд ли кто-то будет в вос-

[1] Аллюзия на слова Полония, который говорит, что «в безумии есть система», Гамлет, действие II, сцена 2.

торге. Зрители готовы принять придурка в качестве второстепенного персонажа в каком-нибудь традиционном больничном сериале, но сделать придурка центральным персонажем чревато тем, что им это может прийтись не по вкусу. А с другой стороны те, кому по нутру герой, подобный Хаусу, именно в силу его странного и асоциального характера, вряд ли примут найденную для сериала формулу и сочтут нужным тратить на него свое время. С этой точки зрения «Хаус» совершенно удивительное произведение, поскольку его герой в других обстоятельствах гарантировал бы своим создателям очень недолгий прокат, ну а при лучшем стечении обстоятельств стал бы культовым кино. Главный персонаж мог бы украсить собой некую программу — популярную и отражающую часть господствующей культуры. В связи с неуменьшающейся популярностью сериала представляется правильным попытаться уравновесить характер Хауса, сделав его более мягким, уложить в рамки «социальных приличий», так чтобы независимо от того, как далеко зайдет Хаус-персонаж, «Хаус»-сериал навсегда остался «безопасным» для нас.

Мне не хотелось бы создать впечатление, что формула всегда торжествует над чувствами главного героя с его ершистым характером. Взять, к примеру, особую черту Хауса, совершенно нетипичную для героя американских сериалов, а именно — его отношение к Богу, что, вероятно, послужило причиной волнения членов «Родительского комитета по телевещанию». В «Трех историях» (1–21) больной Хауса был «технически мертвым более одной минуты». Уилсон, присутствовавший в аудитории вместе с другими «утятами», спросил Хауса, были ли на пороге смерти ощущения больного «подлинными». Хаус ответил, что больной видел «белый свет», но что «все это химические реакции, происходящие, когда мозг отключается». Доктор Форман с удивлением спросил: «И вы этому верите?» Хаус дает ответ, который помогает глубже раскрыть его характер и показывает, чем он отличается от обычного телегероя: «Наука не дает точного ответа, — отвечает он. — То, что выбираю я, не имеет значения для моей жизни. Я выбираю тот результат, который мне более удобен». Доктор Кэмерон, кажется, не принимает утверждение Хауса о том, что ему удобно верить, и точка. Но Хаус отвечает: «Мне удобнее верить, что это не просто проверка».

В лучшем случае Хаус — агностик, который при возможности выбора предпочтет порассуждать при жизни о том, что будет после нее. Наука в этом отношении для него удобна. А такая позиция требует мужества от героя популярного американского сериала, снятого в первом десятилетии XXI века. В некотором смысле эта позиция выносит Хауса за пределы господствующего мировоззрения (и даже дальше, чем его общая придурковатость), что, несомненно, обновляет и всю традиционную сериальную структуру.

Кроме этого необходимо отметить, что пока еще «Хаусу» не свойственно ленивое благодушие, которое задушило бы его сломанного героя. Рождественский эпизод, после которого наступил перерыв, стал тому доказательством, поскольку оказался одним из самых сумбурных образцов рождественского кино, когда-либо выпущенного в прокат. Хаус провел «Веселенькое Рождество» в воздержании, так как никто его не снабжал викодином. К концу серии ему удается раздобыть оксиконтин, он принимает слишком большую дозу, запивает алкоголем и вырубается на полу гостиной. «Его лучший друг» Уилсон обнаруживает его, впадает в ярость и уходит, хлопнув дверью. Затем полицейский старается упечь Хауса за решетку за злоупотребление наркотиками. Вот такова рождественская серия.

Уилсон накануне Рождества заходит в кабинет Хауса и приглашает его к себе. «Лучше встретить праздник с людьми, чем с наркотиками», — говорит он Хаусу. Лицо Хью Лори выражает презрение, но в душе, и мы это чувствуем, он согласен с этим. Тем не менее он печально усмехается и выходит из комнаты, не выпуская из рук флакона оксиконтина. Жалкий вид Хауса способен растрогать кого угодно... Стоит ли обвинять авторов в том, что они спекулируют на рождественских эмоциях зрителей?

Отойти от формулы

По крайней мере дважды создатели показали глубину характера Хауса, не полагаясь на дешевые трюки (в данном случае они сочли, что таланта Лори будет достаточно). Это произошло тогда, когда они решили отойти от формулы.

Обычно, когда на телевидении показывают «Совершенно Особую Серию» из сериала, это — кошмар. Как правило, это какое-то «значительное» и серьезное повествование о том, как вредны наркотики или что-то подобное. Но иногда Совершенно Особая Серия оказывается непохожей на традиционные телесериалы: этакий одноразовый отход от нормы. Так произошло в финале «Без причины» (2–24). В начале серии в Хауса стреляет разъяренный муж его бывшей пациентки. Все остальное в корне отличается от «Хауса», созданного по формуле. Там сдвигается время, происходит не поддающееся описанию перемещение героев, зрелище приобретает психоделический характер. Его можно было бы назвать претенциозным, но на фоне прочих телевизионных сюжетов это сиюминутное отступление от схемы кажется замечательным.

Мы видим, что все в этой серии, кроме самого начала и самого конца, происходит в сознании Хауса на протяжении пары минут. За это время Хаус узнает, как избавиться от боли в ноге. Но это — не самое главное. Самое главное то, что он передает полученные знания человеку, который может ему помочь. Кажется, что Хаус наконец-то осознал, что он преднамеренно мешает себе быть счастливым, что он строит свою жизнь, играя придурка, который умнее всех прочих. Вообще-то самое время это осознать. Однако утрать он свою неординарность, — весь сериал будет загублен (вот еще одна причина того, что последующий рождественский эпизод стал хорошей новостью).

«Без причины» продемонстрировал, что сериалы могут отойти от формулы, получить ускорение за счет главного героя и при этом сохранить остроту, которая делает Хауса (и героя, и сам сериал) достойным зрелищем. Вышеупомянутые «Три истории», возможно, лучшие из всех серий «Хауса», еще раз доказывают, что причина, по которой «Хаус» не стал великолепным кино, заключается в том, что он выстроен по формуле.

В предпоследней серии первого сезона Хаусу приходится читать лекцию. Он задает условия медицинской задачи: трое больных, жалующихся на боль в ноге. Затем он опрашивает студентов по мере их знакомства с историей болезни — точно так же, как он и его ассистенты делают это в какой-нибудь обычной серии «Хауса». Нюанс

заключается в том, что здесь не один, а три пациента, а кроме того, Хаус занят не тем, что разбирает конкретную проблему с другими врачами, а учит студентов, основываясь на анамнезе. В этой серии разбираются различные случаи, совершаются прыжки во времени, в ход идет даже Кармен Электра.[1] Пэрис Барклэй, кинопродюсер, и Дэвид Шор, написавший сценарий и получивший за нее премию «Эмми», — соединив простое и сложное, добились удивительного результата. В ходе занятия мы начинаем понимать, что один из больных — это сам Хаус, который рассказывает историю своей хронической болезни (и попутно — пристрастия к викодину).

Как и «Без причины», эта серия отступает от формулы, и в этом причина ее успеха. Искусно сотканное, сложное повествование стало для зрителя наградой. А мы узнаем о характере Хауса гораздо больше, нежели из всех прочих серий.

Более умная аудитория

В 2005 году, когда заканчивался первый сезон «Доктора Хауса», вышла книга Стивена Джонсона «Все плохое вам на пользу: как современная поп-культура делает вас умней». В ней Джонсон утверждает, что сегодня люди ожидают большего от индустрии развлечений, и в основном их ожидания оправдываются. «Зрителям больше не нужны трехколесные детские велосипеды, потому что двадцать пять лет общения с изощренными телевизионными программами как следует отточили их аналитические способности» (77). Медицинские телесериалы стали более сложными; сравните «Приемное отделение» с «Беном Кейси».[2] Большой состав исполнителей и переплетающиеся сюжетные линии, а также допущение, что зрители способны воспринимать сложное повествование, приводит к появлению «более умного телевидения». Когда я жалуюсь на то, что интеллект зрителей недооценивают, добавляя ненужные диалоги или банальные тексты песен на звуковой дорожке, я имею в виду именно это. Нам больше не нужно что-то избыточное (а раньше было нужно?). Когда создатели «Хауса» исключают

[1] Кармен Электра — актриса, модель, телеведущая, певица и танцовщица.
[2] «Бен Кейси» — медицинский сериал, выходивший в США с 1961 по 1966 год.

2 № 3091

избыточное, как в «Трех историях», результат замечателен. Когда они ковыряются в формулах, когда предлагают «трехколесный велосипед», мы получаем другое кино. Чаще всего рождаются серии, подобные «Линиям на песке», где совершенство граничит с тупостью.

Я убежден, что сложность «Доктора Хауса» заключается не в сюжетах, которые повторяются из серии в серию, и не в диалогах артистов (ведь сериал не случайно не носит название «Учебная больница»; он носит имя одного-единственного героя). Нет, сложность обусловлена именно этим персонажем, без которого сериала не было бы. Грегори Хаус — раздраженный и несдержанный человек, подобных врачей мы видели в кино и раньше. Он — мизантроп, таких мы тоже периодически встречаем, хотя обычно таковыми являются приглашенные звезды в единичных эпизодах или второстепенные герои. Хаус — наркоман, и единственный раз, когда наркотики создают проблему, — это эпизод, в котором ему перестают их доставлять (наркотики не являются проблемой, пристрастие к ним — тоже, проблема в том, как наркотики добыть, хотя возникшие трудности с мочеиспусканием могут быть предвестником других грядущих проблем). В этом сериале перед нами предстает совершенно необычный главный герой. Вечно раздраженный — ну что ж. Мизантроп — да, это несколько серьезнее, но это можно пережить. Наркоман? Ого! Добавьте к этому совершенно осознанное презрение к религии, и вы получите довольно опасного типа. По крайней мере, в контексте того, что мы видим на американском телевидении в прайм-тайм. Следует ли удивляться тому, что Шор стремится вместить свое шоу в некоторые рамки и прикрывает сложного Хауса земным и обыденным «Доктором Хаусом»? Как еще ему протащить на телевидение этого наркомана?

В итоге Хаусу удается пройти по лезвию ножа. Хью Лори великолепен, его главный герой выше всяких похвал, и эти два момента перевешивают занудные повторы, составляющие большую часть сюжетов. «Хаус» выстроен по известной сериальной формуле, выстроен качественно, что в совокупности и притягивает зрителей. Остается надеяться, что Шор и компания осознают то, что зрители уже готовы к чему-то более серьезному.

Стивена Рубио утешает наука. К сожалению, он не ученый, а преподаватель английского языка. Его блог в Интернете, «Stephen Rubio's Online Life», функционирует уже шестой год, к нему можно обратиться и через сайт bagonias.typepad.com/srubio.

Источники

Gildemeister, Christopher. "Faith in a Box: Entertainment Television & Religion 2005–2006." parentstv.org. Retrieved 30 Mar. 2007. <http://www.parentstv.org/PTC/publications/reports/religionstudy06/main.asp>

Johnson, Steven. Everything Bad Is Good for You: How Today's Popular Culture Is Actually Making Us Smarter. New York: Riverhead, 2005.

PTC Family TV Guide Show Page. "House." Retrieved 30 Mar. 2007. <http://www.parentstv.org/ptc/shows/main.asp?shwid=1937>

They say you always hurt the ones you love. The writers of House take that literally: the explanation for Princeton-Plainsboro patients' mysterious ailments can almost always be traced back to their families. It's a strange pattern for a show without any overt family focus. Jill Winters puzzles out the meaning behind the disturbing trend.

Говорят, что больше всех от нас страдают те, кого мы любим. Авторы «Доктора Хауса» понимают это буквально: почти всегда причина загадочных заболеваний у больных в Принстон-Плэйнсборо кроется в их семьях. Довольно странно для сериала, где семья как таковая отнюдь не находится в центре внимания. Джил Уинтерс рассматривает эту серьезную проблему.

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ, ПРОЖИВАЮЩАЯ ПО МЕСТУ РАБОТ

Тревожная групповая динамика в «Докторе Хаусе»

Джил Уинтерс

В каждой серии «Доктора Хауса» присутствуют два элемента, вызывающие наше удивление и восхищение. Первый — это трудно диагностируемое заболевание. Второй — это великолепный и бросающий вызов обществу доктор Грегори Хаус. Каждую неделю мы оказываемся в вымышленной учебной больнице в Принстон-Плэйнсборо (УБПП). Там мы встречаемся с больными и их взволнованными родственниками. Мы знакомимся с руководителем отдела диагностики, доктором Хаусом, и группой специалистов, работающих с ним. Но «Хаус» — это не простой сериал, и ничто в нем не стоит принимать за чистую монету.

Те загадочные хвори, от которых страдают больные доктора Хауса, всегда проявляются как-то нестандартно, не так, как в обычной жизни. У нас складывается впечатление, что больные занимают Хауса не более чем научные проекты, но в действительности оказывается, что он о них беспокоится, и гораздо больше, чем другие, и это проявляется в его въедливости. «Хаус» — это сериал, представленный зрителям в виде некоей картины, которую затем переворачивают с ног на голову. Вот появляется семья больного, которая старается ему помочь, но в конце концов выясняется, что она и является прямой или косвенной причиной заболевания. В сериале мы видим множество родственников больных, но лишь немногие из них, если таковые вообще есть, вызывают нашу симпатию. В «Хаусе» понятие «семья» слишком часто, чтобы воспринимать это как простую случайность, лишается положительного ореола и ассоциируемых с ней понятий стабильности, надежности, защиты. Напротив, семья преподносится как источник невежества, пренебрежения или даже извращения и губительного разрушения.

Но с какой целью?

Сериал открывается сценой в начальной школе, когда учительница Ребекка Адлер внезапно теряет контроль над речью и падает без сознания. Срочно в УБПП, где доктор Хаус и его сотрудники обсуждают этот случай! В тот момент, когда врачи Форман, Кэмерон и Чейз пытаются исключить те причины заболевания, которые можно счесть «чрезвычайно необычными», Хаус походя замечает: «Ей всего двадцать девять лет или около того, и все, что бы у нее ни обнаружилось, было бы чрезвычайно необычным» (1–1).

Во время просмотра я не могла отделаться от мысли, что, вероятно, самым необычным в положении Ребекки было то, что никто не пришел навестить ее в больнице. Симпатичная молодая учительница лежит в больничной палате, а вокруг никого из семьи? Правда, прозвучала фраза, что ее семья — это ее ученики. И вот здесь в сериале начинает развиваться мысль об отсутствии уважения к институту семьи, хотя все это делается очень тонко. О семье Ребекки не было сказано ничего плохого, однако поразительно то, что о ней вообще ничего не было сказано. Семья как система поддержки просто отсутствовала.

Ленточный червь, случайно попавший в мозг Ребекки, был удален, и все закончилось хорошо. Однако по ходу действия медицинские аномалии перестают быть случайными, они становятся предопределенными. Будь то наследственные факторы или внешние инфекции,

источник проблем больного почти всегда обнаруживается в его семье. Конечно, свою генетику уже не исправишь. Но поведение членов семьи или, выражаясь более точно, их негативные поступки, — это та проблема, вокруг которой, как мне представляется, и крутится все происходящее.

Подчеркивается, что семья человека — это главный источник его бед. Медицинские диагнозы могут быть разными, но в *деталях* представления семьи больного четко просматривается именно эта мысль, последовательно развивающаяся на протяжении всего сериала.

Некая бездомная женщина потеряла сознание, и на основании ряда необычных симптомов доктор Хаус поставил ей диагноз — рак и психическое расстройство. Можно утверждать, что эти беды — наименьшие из всех тех, с которыми она столкнулась. Выясняется, что она стала бездомной после того, как ее муж и сын погибли в автокатастрофе, причем она сама была за рулем.

Женщина, страдающая от загадочных конвульсий и помутнения сознания, когда-то убила собственного ребенка. В итоге доктор Хаус ставит ей диагноз целиакии, наследственного заболевания, которое своевременно не лечили и которое привело к психическому расстройству. Помимо этих печалей добавим еще кое-что: ее муж не обращал внимания на странное поведение жены. Он подружился с бутылкой, и когда она наконец потеряла рассудок, бросил ее без всякой жалости.

Девочка-подросток с агрессивным поведением. Доктор Хаус ставит ей шокирующий диагноз: рак яичек. В действительности она родилась мальчиком с «мужским псевдогермафродитизмом». Если бы только это! Но, увы, это еще не все. Оказывается, отец девочки вступал с ней в половую связь, а она его поощряла, дабы командовать им.

Если вы захотите найти скрытый смысл в подобных эпизодах, вы сделаете это довольно быстро. Мать — разрушительница. Муж — негодяй. Отец — насильник. Какими бы разными они ни были, «Хаус» идет дальше. Проблемы в семьях — это больше, чем дешевые трюки или нечто вызывающее отвращение. Эти проблемы сконцентрированы, причем преднамеренно. Семья становится метафорой, обозначающей узкий круг людей, которыми мы окружаем себя, наши ближайшие союзники, являющиеся таковыми нам на беду.

Молодая пара, белый и мулатка, Трэйси и Джереми, попали в больницу с одинаковыми симптомами — распухшее горло, боль в животе и прочее. Как всегда для команды из УБПП диагностика заболевания была сопряжена с трудностями, но сделана быстро. Окончательный диагноз, который поставил доктор Хаус, оказался для Трэйси и Джереми совершенно неожиданным. Наследственная болезнь Квинке, редкое генетическое заболевание, причем у обоих! Выяснилось, что молодые люди являются родственниками. Они не знали, что давным-давно отец Джереми крутил роман с соседкой, матерью Трэйси. А Трэйси и Джереми долго дружили, пока не полюбили друг друга, не подозревая об общем отце.

По словам Джереми, его отец впал в ярость, когда узнал, что его сын встречается с Трэйси; дальше пошли разговоры расистского толка: отец заявлял, что он против этих отношений, поскольку девушка — цветная; дело дошло до того, что во время одной из ссор он сломал сыну руку. Отец впоследствии совершил самоубийство, но так и не признался, что Джереми и Трэйси — сводные брат и сестра и что он страдал редким наследственным заболеванием, которое и передал своим детям.

Эта серия целиком построена на антиотцовских чувствах. Мы видим отца, который изменял жене, занимался рукоприкладством, был ханжой и расистом. Отца, который был носителем «плохих генов». Отца, оказавшегося подлецом и настоящим трусом.

В этой серии делается все, чтобы в начале показать возвышенную любовь молодой пары. Тем разительнее контраст в конце. Мы узнаем, что бегство от губительного влияния семьи счастью Трэйси и Джереми не помогло. Их чувство было отравлено изначально. И хотя они ничем не провинились, романтические мечты оказались обреченными. Они в шоке оттого, что, будучи братом и сестрой, вступили в связь. К концу серии «семья» становится чем-то извращенным, инструментом невзгод, понятием, которое вызывает не добрые чувства, а ужас.

Это не значит, что антисемейный настрой «Хауса» всегда звучит так злорадно. Родственники больных не всегда представлены в обличье демонов. Часто они просто ведут себя как люди некомпетентные, не понимающие, что происходит. Возьмем, к примеру, подростка с травмой головы, ночными кошмарами и подергиванием ноги. Выясняется,

что его мать не была вакцинирована против кори, в результате чего вирус, попав в организм ее сына, «мутировал» и проник в мозг. Или же другой мальчик — он страдает от острых приступов астмы, потому что его мать не позволяла ему пользоваться ингалятором. (Едкий упрек доктора Хауса все исправил).

Список можно продолжить. Мальчик, получивший радиационное отравление от какой-то некачественной игрушки, подаренной отцом. Мальчик, больной проказой, передавшейся ему от отца. Мальчик, заразившийся от круглых червей, паразитирующих в енотах, обитающих в песочнице в их дворе. Этот эпизод «Хауса» был одним из лучших и язвительных. В самом деле, что как не песочница во дворе дома является символом здоровой семьи? Но оказывается, что именно в ней кроется опасность и зараза.

Зачастую сквозь сюжет читается следующая мысль: даже хорошие родители приносят больше вреда, чем добра. А иногда, как утверждается в фильме, у родителей бывают планы, которые вступают в непосредственный конфликт с интересами детей. Рассмотрим дело Абигайль, карлицы-подростка, которую доставили в больницу с отказавшим легким. После лечения Хаус обнаружил у девочки опухоль в гипофизе. Ко всеобщему изумлению, Абигайль оказалась вовсе не карлицей. А окружающие считали ее таковой, потому что Мэдди, ее мать, была карлицей. Рост Абигайль сдерживала опухоль, оказывающая давление на гипофиз, поэтому после хирургического вмешательства и лечения гормонами роста девочка станет расти нормально.

Мать же, услышав радостную новость, впадает в уныние. Мэдди растила Абигайль, полагая, что быть «нормальной» куда менее благородно, чем быть карликом. Таким образом она пыталась внушить дочке и *самой себе* активное чувство гордости. А теперь чем же Мэдди гордиться, если доктор Хаус открыл перед Абигайль возможность стать «такой же, как все»? Это все равно что признать, что нормальность до некоторой степени лучше аномальности.

Печально, но Мэдди была действительно готова запретить врачам лечить дочь. Как обычно, словесная выволочка Хауса сломила упрямство родительницы. Доктор Хаус отругал Мэдди за ее недальновидность, заставил ее думать в первую очередь о благе дочери, а не только

о собственном эго и самым хамским образом велел ей подарить Абигайль «билет на выход из театра уродов» (3–10).

По-хаусовки — грубо, бесчувственно, но эффективно.

Разумеется, если речь идет о здоровье пациентов, Хаус готов к бою, в особенности с родственниками больных. В одной из серий он даже обратился в суд, чтобы лишить отца и мать права принимать решения в отношении их дочери. В данном случае родители малышки Элис, все еще не придя в себя после развода, проводят дни и ночи возле ее кровати, пререкаясь и переругиваясь друг с другом, даже после того как доктор Кэмерон сказала им, что стресс, который испытывает их дочь в результате этих ссор, ухудшает ее состояние.

Так и есть, разлад между супругами зачастую служит стартом антисемейной темы, которая проходит красной нитью через весь сериал. Жена, отравившая мужа. Муж, изменяющий жене и подхвативший герпетическую инфекцию. Жена, лечащаяся от бесплодия и одновременно, втайне, принимающая противозачаточные таблетки, дабы сорвать лечение. Беременная замужняя женщина, имеющая серьезные сомнения по поводу отцовства своего ребенка. Эпизоды, в которых суровый доктор Хаус вынужден сообщать подобные новости ничего не подозревающему супругу или супруге, полны мрачного комизма. К примеру, мужчина, кожа которого стала оранжевой от избытка бета-каротина. Хаус напрямик сообщает ему, что его жена явно спит с другим, в противном случае она бы *заметила* оранжевую окраску мужа и Хаусу не пришлось бы извещать его о факте измены.

В мире вымышленных героев «Хауса» совершенно очевидно, что наследственность — это бедствие, что родители — эгоисты, что супруги стремятся причинить друг другу боль. Конечно, тема семьи не ограничивается отношениями родственников пациентов. Главные герои также отягощены грузом семейных проблем. У Хауса были ужасные отношения с отцом, которого он просто ненавидит, но на которого похож. Бывший морпех всегда был скор на расправу. Из одной серии мы узнаем, что в детстве Хаусу жестоко доставалось от вояки-отца, что тот ко всему относился пристрастно, был «брутально честен» — в точности как сейчас Хаус. На самом деле, как мы узнаем от доктора Уилсона, Хаус стал ненормальным еще до того, как в результате закупорки сосудов у него

отказала нога, от чего он начал испытывать постоянную боль. (Можно предположить, что это не случайно, он явно походит на своего отца.)

У членов команды доктора Хауса полным-полно семейных бед. У врача Эрика Формана — больная мать и вечно сидящий в тюрьме брат. У доктора Роберта Чейза были постоянные споры с отцом, пока тот не умер, оставив сына без наследства. Семейное прошлое доктора Элисон Кэмерон туманно, она старается не говорить о себе. Известно только, что, когда ей был всего двадцать один год, она вышла замуж за человека, который был тяжело болен.

Что касается супружеской неверности, то грешен даже корректный доктор Уилсон. Он сам уже трижды был женат, и последняя жена ему изменяет. А бывшая супруга Хауса, Стэйси, изменяла своему нынешнему мужу, Марку, с Хаусом!

Если представить антисемейную тему в «Хаусе» в виде концентрических окружностей, можно наблюдать, как она закручивается внутрь. Внешний круг — это истории больных, попавших в госпиталь. Следующий круг — это семейные истории основных персонажей. А круг в самом центре уготован для главной группы — Хауса и членов его команды, которые образуют свою собственную маленькую дисфункциональную семью.

Итак, когда дело касается диагностики в медицине, они вполне функциональны. Но это вопреки их коллективному эго, а не вследствие его.

В «семействе УБПП» Хаус является главой, Лиза Кадди олицетворяет материнское начало, она покровительствует детям — Форману, Чейзу и Кэмерон, а доктор Уилсон — их дядя. (В качестве «брата» он знает Хауса дольше всех, и только он может ладить с ним.)

Занятно, что роль каждого в этой метафорической семье тесно перекликается с ролью каждого в «реальной жизни». Хаус — жесткий, саркастичный и неуживчивый со своими подчиненными, так же жесток, саркастичен и неуживчив в личной жизни. Кадди, как стоящая в стороне мать, скорее наблюдатель, чем воспитатель. Она безуспешно пытается забеременеть и даже говорит Уилсону, что, вероятно, у нее отсутствует ген материнства.

Кэмерон — это хорошая дочь в семействе УБПП, она восполняет отсутствие родительской ласки тем, что всегда и со всеми любезна. Подобно тому как она когда-то бескорыстно вышла замуж за умирающего, сейчас она стоически переносит бремя работы. Когда Форман намеренно крадет у нее идею статьи, Кэмерон извиняется перед ним за то, что вспылила, повторяя, что не хотела бы потерять его дружбу. (Забавно, что Форману приходится напомнить ей, что они вовсе не друзья, а всего лишь коллеги). Предельно внимательная к другим, Кэмерон научилась быть «хорошей», чтобы добиваться расположения окружающих. В одной из серий доктору Хаусу велели сократить кого-то из подчиненных. Кэмерон пришла к нему еще до того, как он сделал выбор, и предложила, чтобы уволили ее. То, что должно было выглядеть «достойным уходом», стало в действительности признанием собственной неуверенности. Предвидя, что увольнение грозит именно ей, она решила все упростить и уйти.

Будучи «нелюбимой дочерью», Кэмерон не желает вступать в непосредственную борьбу с «братьями», Форманом и Чейзом. Вместо этого, как женщина добрая и ласковая, она уходит в сторону. В какой-то момент она делает комплимент Хаусу, а тот с насмешкой отвечает, что не нуждается в похвале. Она объясняет: «Мне просто хотелось сделать вам приятное», на что он говорит со свойственной прямотой: «Вовсе не обязательно быть приятной для всех».

Подобные параллели можно продолжить. Форман отказался от своего брата, преступника и наркомана, такую же бесчувственность он обычно проявляет по отношению к ближайшим коллегам. В отличие от Хауса, не скупящегося на грубость, Форман не таков. Но, *подобно* Хаусу, он откровенен, не способен на извинения, и, по большому счету, ему нет дела до проблем других людей. Как сын, появившийся на свет первым и стремящийся превзойти отца, Форман настроен на соперничество и успех, намерен в один прекрасный день не только сравняться с отцом, но и обогнать его. Форман постоянно противоречит Хаусу, старается быть равным ему и не отступает (пока ему не приходится это сделать, поскольку Хаус в итоге всегда прав).

Такая динамика частично объясняет, почему доктор Форман и доктор Чейз ведут себя скорее как соперничающие братья, нежели как коллеги. Чейз является младшим сыном, отчаянно стремящимся заслужить отцовское одобрение и старающимся в точности копировать

его в жизни. У Чейза был конфликт с собственным отцом, и он пережил очень трудный период в отношениях с Хаусом. (Смерть отца Чейза позволила Хаусу символически занять его место.)

Чейз редко вступает в конфликты с Хаусом напрямую, скорее пытается действовать уговорами. Если он и высказывает свое мнение, то одновременно стремится (и напрасно!) подольститься к Хаусу. И тем не менее, несмотря на поклонение Хаусу, Чейз иногда действует по-своему, что демонстрирует сложность его *чувств* по отношению к своему боссу. Чейз может испытывать смесь обиды, уважения, почтения и злости к Хаусу, но, так или иначе, последний многое в него вложил и оказывает на него большое влияние. В одном из недавних эпизодов Чейзу удалось поставить диагноз больному раньше Хауса, но тот, вместо того чтобы поблагодарить или похвалить, как следует отчитал его. (Это произошло, когда Хаус не принимал викодин и стал настолько агрессивен, что даже ударил Чейза.)

Потом Чейз горько жаловался Уилсону, что Хаус не ценит его даже тогда, когда тот делает все как надо. Здесь мы видим, насколько глубоко был задет Чейз манерой Хауса. Он ведет себя как обиженный ребенок, а не как рассерженный профессионал. Для него первостепенное значение имеют чувства, а не карьера.

Однако, несмотря на то как холодно и отстраненно доктор Хаус держит себя со своими подчиненными, временами он проникается их проблемами и приходит им на помощь. Он сочувствует Кадди, которая переживает по поводу своего бесплодия, он является другом Уилсона, он дает Форману понять, насколько тот важен для их совместной работы, он, хотя и неохотно, но проявляет теплоту по отношению к Кэмерон, и, несмотря на то что в целом он достаточно жесток к Чейзу, заступается за него, когда тот допускает ошибку. Но все эти проявления теплоты и личные моменты оказываются не правилом, а исключением.

Занятно, что, несмотря на целый ансамбль исполнителей, «Хаус» — не сериал о коллективной работе. Это кино, которое по своей природе (и даже по своему названию) асоциально.

Если вас вдруг охватывает радость, когда Хаус в редкие моменты проявляет добрые чувства по отношению к коллегам или больным, значит, вы пропустили главное: на самом деле Хаусу эти люди вовсе не нужны. Вы не заметили, что ни Кэмерон, ни Форман, ни Чейз не открывают ни в себе, ни в других чего-то нового или хорошего, что они скорее отталкиваются друг от друга — как мячики в игровом автомате. И что, если Хаус и проявит дружеские чувства к Чейзу. Он тут же уязвит его чувство уверенности в себе и, как всякий холодный и критически настроенный родитель, скажет ему что-то такое, что сведет на нет это редкое похлопывание по спине.

«Доктор Хаус» — это сериал, в котором весьма умело воспевается индивидуализм. Хаусу нравится обсуждать симптомы каждого больного со своими подчиненными, выслушивать их мнение. Да, он предпочитает поступать именно так, но в действительности ему это *не нужно*. Как хотелось бы представить, что Хаус нуждается в Формане, в Кэмерон и в Чейзе, что он «не может без них обойтись», — и это грело бы душу зрителей. Но на деле у нас нет доказательств того, что эти люди составляют единое целое. По отдельности эти врачи представляют собой ценность, но в структурном контексте всего сериала без них можно обойтись. Мы, зрители, имеем веские основания считать, что Хаус *может* справиться без них. Именно Хаус появляется как божество и произносит решающее слово, ставит окончательный диагноз. (Лишь только тогда, когда Хаус не получает регулярной дозы препарата и ведет себя неадекватно, он бьет мимо цели и ломает сложившуюся схему поведения.)

В мире «Доктора Хауса» люди образуют группы и стремятся каким-то образом держаться вместе, но к концу дня (или, в зависимости от обстоятельств, серии) они все же предстают как отдельные личности со своими проблемами, со своим чувством одиночества, которое сопротивляется всяким переменам. В «Хаусе» настойчиво рисуют в отрицательном свете семью, потому что семья на самом деле — это просто символ, способ развить более широкую тему, которой является презрение к коллективу.

Браки распадаются или выживают по причине или за счет обмана. Родители постоянно совершают что-то нехорошее по отношению к детям. Дети приносят разочарование. Хаус остается одиноким и несчастным, несмотря на тесный круг коллег, которые почитают его и готовы

назвать его своим другом. Потому что он таков. Его коллеги не изменили его и не могут это сделать. Не претерпели никаких изменений за три сезона и Форман с Кэмерон и Чейзом. В «Докторе Хаусе» нет подлинного ощущения «группы», а есть лишь ее *видимость*, будь то семья больного, собравшаяся у него в палате, или Хаус с коллегами в зале заседаний. В одной из серий Хаус язвит: «Я-то думал, что выслушаю ваши теории, посмеюсь над ними, а затем приму свою собственную, как обычно». («Веселенькое Рождество», 3–10). Вряд ли сценаристы могли лучше резюмировать весь сериал.

Джил Уинтерс училась в колледже «Фи Бета Каппа»[1] в Бостоне, с отличием его окончила и получила диплом историка. Она преподавала курс «Женских исследований», а также вела многочисленные семинары для начинающих писателей. Она является автором романов «Лимонный Рики», «Просто персиковый», «Малиновый напиток» и «Стыдливый румянец». Ее книги возглавляли списки бестселлеров, публикуемых агентствами *Barnes & Noble* и *Book Sense's Top Ten*, а ее первый роман, «Сливовая девочка», стал финалистом конкурса на премию имени Дороти Паркер. Джил публиковала свои очерки в таких антологиях, как «Заигрывание с гордостью и предубеждением», «Добро пожаловать в Вистерию Лэйн» и «Кофе у Люка». Вы можете посетить ее сайт www.jillwinters.com

[1] По традиции, многие колледжи в США названы буквами греческого алфавита.

В «Хаусе» много обмана. Здесь нужен надежный гид, который объяснил бы, кто лжет, кто нет, — и почему. Вам повезло: Крэйг Дерксен — это именно то, что нужно.

ЛГУТ ВСЕ, КРОМЕ КОМПЬЮТЕРНОГО КИНО

Как обмануть: практическое руководство

Крэйг Дерксен

«Все лгут» — расхожее выражение в сериале «Доктор Хаус». На деле хваленое диагностическое мастерство главного героя, доктора Грегори Хауса, идет от его способности видеть обман. Однако обман, который лежит в основе сериала, не случаен, а скорее представляет собой некую систему, причем у этой лжи всегда есть причина. Подобно тому как жанр фильмов ужасов подразумевает некоторые стратегии выживания, можно говорить о стратегиях для определения обмана в «Докторе Хаусе».

Без излишней шумихи я хочу предложить правила, с помощью которых в «Докторе Хаусе» можно разглядеть обман.

Некоторые общие замечания по поводу диагностики обмана в художественном произведении

Существует много общепринятых правил относительно обмана в художественных произведениях, и, как всякое художественное произведение, «Доктор Хаус» следует некоторым из них и игнорирует другие.

Одно из самых важных правил касается героев, стряпающих крайне замысловатые истории, дабы скрыть обман. Создатели «Доктора Хауса» не стали прибегать к такому сугубо театральному средству. Некоторые фильмы (к примеру, большинство комедий положений) опутывают нас изощренным обманом и пытаются тем самым развлечь, в то время как мы испытываем неловкое чувство, стараясь распутать паутину лжи. «Доктор Хаус», как «Друзья» или «Компания из троих»,[1] повествует об обмане и последствиях обмана, но его трактовка отличается от двух названных комедий. Обман в «Докторе Хаусе» не такой изощренный. Занятно, что ложь в «Хаусе» обычно кроется в самых обычных и неинтересных историях. Бывают исключения, как в серии «Проклятье» (1–13), где отец пациента пребывает в духовных исканиях, а сыну говорит, что он пилот истребителя. Но даже в этом случае история о пилоте была рассказана мимоходом и особого внимания не привлекла. Причина частично заключается в том, что в этом случае ложь распознать труднее. Если нам рассказывают какую-то замысловатую историю, мы сразу же начинаем подозревать обман. А обыденные истории влетают в одно ухо и вылетают в другое, так что мы и внимания-то на них не обращаем.

Зачастую Хаус подмечает такие истории, но лишь в силу приписываемой ему способности знать *доподлинно*, как соответствующим образом отреагировать на какую-то ситуацию; истории, которые нам представляются банальными, ему кажутся крайне непростыми. Он и сам навыдумывал всякого разного, когда рассказывал о своей болезни в «Трех историях» (1–21) и заменил себя Кармен Электрой. Мы хоть и подозревали неладное, но размера этого обмана не представляли.

Правильная реакция на обман — это умение, которым владеют не все, а если владеют, то в разной степени. Но способность Хауса определить правильную реакцию и его личное пренебрежение к этим реакциям просто сверхъестественны. Подозрение Хауса в серии «Спортивная медицина» (1–12), когда Форман появляется на работе на несколько минут позже и говорит, что у него сломалась машина, — замечательный тому пример.

[1] И то и другое — американские комедии положений.

«Доктор Хаус» не потчует нас обманами с ложечки, однако эти обманы различимы и не случайны. Сериал не пошел по традиционному для телевидения пути, если бы загадки разрешались просто — на основании незначительных и более или менее очевидных фактов. Редко можно встретить художественное произведение дедуктивного характера, позволяющее нам воспользоваться нашими способностями. Даже детей раздражает случайность происходящего в «Скуби Ду», «Где вы?» и в серии «Выбери свое приключение» или нагнетание таинственности путем ошибок, как это происходит в сериале «Она написала убийство», где игра актеров скрывает важные ключи к разгадке.

Мы привыкли видеть обман в силу правил, действующих в подобных произведениях и определяющих, что следует считать ключом к разгадке и как такие ключи интерпретировать. Нам всем известно, что в любой серии «Она написала Убийство» Джессика Флетчер раскроет преступление, исходя из случайной подсказки, которая позволяет ей увидеть то, чего раньше она не видела. «Доктор Хаус» часто прибегает к тому же правилу и к тому же расчету времени. Когда до конца фильма остается десять минут и Хаус направляется к кому-нибудь (чаще всего это больной), мы можем успокоиться и предположить, что с этим человеком непременно что-то случится, что и позволит Хаусу правильно установить диагноз больного в данной серии.

Существуют два правила развития событий, способствующие именно такому исходу. Правило, по которому задача должна разрешиться в последние десять минут, и правило случайного события, дающего ключ к разгадке тайны. Многих людей бесит правило разрешения загадки в последние десять минут, но такое раздражение несколько неоправданно. Конечно, это правило приводит к тому, что решение загадки становится не сюрпризом, а чем-то ожидаемым. Однако это не похоже на остановку бомбы с часовым механизмом в тот момент, когда до взрыва осталась одна секунда. Количество времени, оставшегося до конца фильма, — это не внутренний, а внешний фактор повествования. «Последние десять минут» могут длиться от одной минуты до нескольких дней, недель, месяцев или даже лет воображаемого времени. В фильме Хаусу для решения проблемы требуется не десять минут. Он подходит к решению проблемы не сразу, а происходит это в последние десять

минут. Что остается делать диагносту, когда он уже поставил диагноз? То, что основные проблемы в «Докторе Хаусе» решаются в наши с вами, а не в их последние десять минут, оказывается для нас удобным правилом. Когда герой утверждает что-либо в последние десять минут и отстаивает свое убеждение, несмотря на травлю, мы обычно можем верить в то, что он прав.

С другой стороны, то, что решение проблемы в фильме происходит не без помощи внешних ключей к разгадке, не имеющих отношения к данной проблеме, может очень раздражать в том случае, если с этим переборщили. Возглас «Эврика!» в момент счастливого озарения, используемый в произведениях, не соответствует тому, как мы решаем проблемы в реальном мире. Скорее это вымышленное средство для накала драматизма. Это также последняя попытка помочь зрителям решить загадку в одной из серий. Беременная женщина в больнице помогла Хаусу диагностировать эпидемию у новорожденных в серии «Материнство» (1–4). Стив Маккуин помог Хаусу поставить диагноз больному в «Охоте» (2–7), а ингалятор у пациента в серии «Любовь зла» (1–20) помог ему диагностировать инфекцию ротовой полости.

Второе правило обмана в художественном произведении, используемое в «Докторе Хаусе», — это движение к более объяснимому и более изящному обману в противовес обману очевидному или неоправданному. Вообще-то в художественной литературе стало популярным привлекать читателя или зрителя к раскрытию обмана вместо того, чтобы позволять ему восхищаться чьими-то дедуктивными способностями. То, что турниры по покеру стали транслироваться наравне с сериалами, показывает, насколько нам нравится самим узнавать того, кто блефует. Судя по тому, что создатели «Доктора Хауса» включили сцены игры в покер в серии «Выбившийся из сил» (2–17) и «Хаус против Бога» (2–19), они знают об этом увлечении.

«Доктор Хаус» предоставляет нам выбор: догадывайтесь сами или ждите, пока за вас это сделают другие. Те, кто предпочитает просто следить за событиями в расчете на умных героев, должны верить утверждениям Хауса по поводу того, кто лжет и что скрывается за ложью. Те, кого больше привлекает личное участие в событиях, могут воспользоваться Хаусом как проводником или лакмусовой бумажкой своих способностей к раскрытию обмана. К концу серии может показаться, что Хаус ошибается, но вряд ли это так. Конечно, то, что Брайан Сингер является главным продюсером «Доктора Хауса», может заставить нас сомневаться в наших собственных предположениях по поводу повествования; вряд ли можно думать, что человек, который подарил нам триллер «Подозрительные лица», будет следовать правилам. Однако похоже, что факты подтверждают утверждения Хауса, хотя иногда он сам подкрепляет эти факты, — как в серии «Обман» (2–9), когда делает инъекцию больному с синдромом Мюнхгаузена. Нужна некая внешняя причина, объясняющая, почему мы можем верить Хаусу. Я полагаю, что таковая есть, и я скажу о ней позже. Наибольшая проблема с «верой в Хауса» состоит в том, что при таком подходе мы не можем сказать, когда он лжет. А ложь Хауса в сериале составляет значительную часть всего обмана. Может быть, стоит немного дополнить Хауса Уилсоном, поскольку, по-видимому, Уилсон раскусил Хауса, — это лучший способ, но ... формула определения, кому верить и когда верить, так же сложна, как процесс определения того, кто именно вас обманывает.

Тем, кто говорит, что «икс лжет», а потом заводит известную песню «Я же вам говорил», я должен заметить, что определить, что герой — лгун, совершенно недостаточно. Сейчас вокруг нас такое количество лжи, что найти лгуна — пара пустяков. Гораздо важнее определить, что кроется за этим обманом и каковы его мотивы. То есть нам важно узнать психологию лгуна, исходя из того, что он накручивает.

Как люди обманывают своих близких

На первый взгляд героям «Доктора Хауса» нравится врать своим близким. На самом деле они терпеть не могут это делать, но их вынуждают обстоятельства. Почти все пациенты Хауса лгут своим родным, но у каждого имеется своя причина для этого. Почти у каждого есть что-то, что они хотели бы скрыть от родных. Тайные связи, смертельные заболевания и отклонения в поведении — лишь немногое из того, что герои скрывают от своих семей. У них большие секреты, и нам доставляет тайное наслаждение узнавать, что же они скрывают. Мы смакуем это

чувство. Нам нравится разоблачать их ложь не меньше, чем Хаусу, но мы не так жестоки, когда раскрываем их обман.

Симптомы и диагноз

Повторение темы о том, как герои лгут своим близким, направлено на то, чтобы показать, что их ложь оправдана выстраиванием определенных отношений. Вы наблюдаете, как пациент лжет родным, когда их отношения с ним складываются так, как этого хочется им. Хаус сам лгал своим родителям, чтобы не встречаться с ними, — в серии «Папенькин сын» (2–5), и это был единственный раз, когда ему, по-видимому, не хотелось врать. Некоторые герои лгут, чтобы порадовать своих родных, — как «идеальная жена» в серии «Мне нужно знать» (2–11); другие лгут ради сохранения семейного очага — как, к примеру, донор печени, которого собирается бросить его жена в серии «От лжи подальше» (2–18); третьи врут, чтобы родители не заставили их работать на весенних каникулах, — как, например, школьник в серии «Папенькин сынок» (которому в свою очередь сказали неправду об обстоятельствах смерти матери, дабы он не садился за руль нетрезвым). Всякий раз, когда герой «Доктора Хауса» предлагает легкое решение сложной семейной проблемы, ложь налицо.

Больные врут и не краснеют

Почти все больные и их родственники в «Докторе Хаусе» лгут врачам. Если перечислять все примеры их обманов, список будет слишком длинным. Прекрасным примером может служить одна из серий первого сезона — «Отцовство» (1–2), в которой родители пациента отказались сообщить, что их мальчик был ими усыновлен. Те, кто говорит правду, выглядят глупо на фоне лжи или кажущейся лжи окружающих. В серии «Шалтай-Болтай» (2–3) примером этого служит больной, который отказывался выполнять предписания врачей, потому что агрессивно настроен против белых.

Зачастую обман со стороны больных вызван желанием сохранить нормальные отношения с врачом. Больным хочется, чтобы врачи думали о них лучше — и в медицинском плане, и во всех остальных. Они отчаянно стесняются того, что сделали или чего не сделали, и не хотят, чтобы врачи судили о них плохо. Суждение — ключевое понятие в «Докторе Хаусе»; Хаус ведет себя так, как будто он выносит суждения направо и налево, — именно в такой манере он говорит о больных и высмеивает их, но на деле практически никого не осуждает. В серии «Контроль» (1–14) пациентка так боялась осуждения врачей, что не соглашалась на определенные медицинские процедуры, которых стеснялась, но, похоже, была благодарна Хаусу за его отношение к ней. В серии «Принимаем всех» (2–1) речь идет о больном, осужденном за убийство, а Хаусу, похоже, на это наплевать.

Больным важно не только то, что думают врачи об их личной жизни, им хочется поразить последних своими медицинскими знаниями. Они ищут и находят описания болезней в Интернете, чтобы продемонстрировать врачам свою эрудицию. И если вы можете удивить докторов проделанной работой, этим вы их подстегнете, и они сами примутся за дело с удвоенной энергией. Поиск в Интернете — один из способов подстегнуть врачей перепроверить диагноз, ведь все мы наслышаны о врачебных ошибках, и порой пациентам самим надо держать ситуацию под контролем. Иногда это и неплохо — как мы видели в серии «Три истории» (1–21): Хаус, сам в роли больного, определил, что у него отказала мышца.

Симптомы и диагноз

Обычно если больной говорит, значит, он врет, а если молчит, значит, пытается что-то скрыть. Безмолвные пациенты, такие как отец в серии «Контроль», являются исключением, они не немые, хотя и предпочитают молчать. Как только больные ни обманывали врачей в «Докторе Хаусе»! И все же нет простой схемы, которая помогла бы нам догадаться, кто из пациентов лжет и почему. В способности Хауса вычислять лгунов нас помимо прочего поражает то, что явной схемы обмана вроде бы не существует. Однако она существует; но толку от нее немного, потому что в основе лжи лежит информация, которая скрыта от нас, а Хаус ею владеет в силу своего опыта диагноста в сочетании с человеческой прозорливостью и научным уровнем знаний. Поскольку больные больше всего обеспокоены своим здоровьем и не верят в добросо-

вестность врачей, они сами делают выводы, ставят себе диагнозы или прислушиваются к заключениям других докторов. Чтобы заставить врачей лечить «правильно», они навязывают им свои внутренние ощущения, которые, по их мнению, приведут к тому, что их будут лечить как положено. Другими словами, они своей ложью пытаются добиться от врачей правильного диагноза. Этот способ не универсален, потому что некоторые ждут от докторов не лечения, а чего-то иного. Так, пациент в серии «Секс убивает» (2–14) не нуждался в лечении, он хотел, чтобы ему сделали химическую кастрацию, поскольку, по его словам, страдал от неуправляемого сексуального влечения к коровам. И это, в общем, неплохой способ.

Как обманывают люди «от медицины»

Врачи в «Докторе Хаусе» — обычные люди, и лгут они, как и прочие, хотя у них, как у докторов, есть свои особенные ухищрения; они, в частности, используют ложь во спасение своей карьеры. Кажется, что все врачи пекутся о здоровье своих пациентов, а фактически в большинстве случаев они заботятся о себе.

В отличие от других фильмов на медицинскую тему в «Докторе Хаусе» среди главных героев нет медсестер. Медицинский персонал представлен только врачами и администраторами. Причиной этого отчасти является то, что создатели шоу избрали объектом своей иронии тех, кто проводит медицинские процедуры, но выбрали для этого не медсестер; именно поэтому помощники Хауса проводят все обследования самостоятельно.

Симптомы и диагноз

Врачи в «Докторе Хаусе» врут не меньше пациентов. Если больные лгут, чтобы уберечь свое здоровье, то медики лгут, чтобы не разрушить свою карьеру и ту удобную жизнь, которую они себе создали. Может быть, это не очень относится к сострадательным Уилсону и Кэмерон, деловой Кадди и пытливым Хаусу и Форману, но к остальным врачам в сериале точно имеет прямое отношение. Самым ярким примером тому служит Чейз — врач, худшая черта характера которого проявляется

в том, что он стремится к спокойной жизни. Еще один пример того, как личный комфорт для врачей оказывается дороже здоровья пациентов, это два героя второго плана, один из которых в «Методе Сократа» (1–6) оперировал опухоль уже после того, как Хаус уменьшил ее с помощью этанола. Другого в «Ошибке» (2–8) пришлось шантажировать, чтобы он провел трансплантацию. И того и другого больше волновал собственный успех, а не жизнь пациентов.

Конечно, эти врачи введены в сериал, чтобы лучше оттенить главных героев. Врачи, главной целью которых является продвижение по службе, типичны, но нам интереснее герои, которые идут на ложь ради высоких принципов. Мы ценим готовность врача/больного в серии «ТБ или не ТБ»[1] пожертвовать не только карьерой, но и жизнью ради дела. Мы одобряем стратегические решения Кадди — даже Хаус с уважением воспринял ее отказ провести трансплантацию в серии «Секс убивает», — потому что мы уважаем ее стремление сохранить здоровье людей, а не свою карьеру. Этим она отличается от Воглера, безнравственного бизнесмена из первого сезона. Кажется, они оба обеспокоены крайне важными проблемами, только вот Воглер хочет, чтобы больница приносила прибыль, и ему нет дела до людей. Кэмерон и Уилсон готовы пойти на ложь не только ради здоровья своих больных, но и ради их чувств. Для них пациенты — не просто больные, они им небезразличны и как люди. Это отличает их от других врачей в сериале.

А что же отличает Хауса? Переживает ли он за своих пациентов? За некоторых переживает, если знаком с ними лично и если они не очень его раздражают. Чаще он беспокоится о своих больных лишь потому, что они его пациенты. Правовая система носит состязательный характер; это значит, что каждую сторону представляет адвокат. Хаус считает систему здравоохранения тоже состязательной. Он готов на все, чтобы защитить своих пациентов. Я еще раз повторяю: он готов на все, чтобы защитить своих пациентов. Изощреннее всего Хаус лжет, если ему надо получить для своих больных медицинскую помощь, которую они не смогут получить другим путем. Хаус тревожится о здоровье своих больных и, если надо им помочь, готов идти на ложь.

[1] Автор использует игру слов, основанную на сокращении ТБ (ТВ) — туберкулез, созвучную с гамлетовским «Быть или не быть» (To be or not to be).

Создатели сериала тоже лгут

То, что мы обсуждали ранее, иллюстрирует один из ключевых принципов «Доктора Хауса»: люди легко лгут, если их что-то волнует. Возникает вопрос: что означает этот принцип применительно к созданию этого сериала? Что он нам говорит о сценаристах и продюсерах? Что волнует их?

Люди, создающие «Доктора Хауса», то и дело лгут нам; в своем роде вся литература — обман. Меня не интересует обман такого рода. Меня интересует необычный обман, составляющий неотъемлемую часть «Доктора Хауса». Несомненно, герои в нем лгут, эта ложь создается и пишется людьми, которые делают этот сериал, но эта ложь не чистая ложь создателей, это ложь, пропущенная через героев фильма. Неподдельная ложь создателей сериала — это мировая ложь. Когда весь мир замышляет обмануть зрителей, создатели сериала не стоят в стороне.

Симптомы и диагноз

Нам нравится смотреть «Доктора Хауса» не потому, что нам многое непонятно. В конце серии у нас появляется понимание происходящего. Чтобы дать зрителям некоторое ощущение уверенности, необходимы некие внешние элементы окружающего мира, которым мы могли бы доверять. В «Докторе Хаусе» таких элементов два: медицинский канон и зрительные образы.

Когда я говорю, что мы можем доверять медицинскому канону, я не имею в виду, что все медицинские составляющие сериала являются верными. Многие медицинские детали в нем используются, чтобы обмануть зрителя в силу слабости медицинского канона. Например, мы проходим медицинское обследование не для того, чтобы найти какое-то заболевания, а чтобы выявить его симптомы; а это позволяет создателям сериала скрывать от нас, чем болен пациент, до тех пор, пока не наступит кульминационный момент, поскольку болезнь может протекать бессимптомно. С помощью анализов определить заболевание удается не всегда, порой они оказываются просто ошибочными (анализы на выявление симптомов заболевания и ошибочные тесты открыто обсуждаются в серии «Ролевая модель» (1–17) в коротком диалоге об эскимосе на рыбалке, цапле и отрицательном тесте на СПИД). Эти медицинские факты, направленные на то, чтобы обмануть зрительскую аудиторию, кое-что говорят нам о создателях сериала.

Часто звучит критика в адрес медицинской стороны сериала. Отчасти эта критика оправданна, но в большинстве случаев она отражает как положительный, так и отрицательный опыт личных контактов с медиками. Некоторые критики отмечают, что в сериале присутствуют явные медицинские ошибки, тогда как другие этих «явных» ошибок не замечают и называют другие ляпы, которые первые пропустили. Медицина — это та область, которую люди принимают близко к сердцу, но в которой они часто расходятся во мнениях, вот почему не получается примирить всех и вся. Существует миф об одном-единственном медицинском каноне, известном всем уважаемым врачам. Но это лишь миф. Медицинская наука столь обширна, сложна и разнообразна, что разногласий избежать не удается.

Совершенно понятно, что создатели сериала стремятся воссоздать картину медицинского мира максимально правдоподобно. И здесь они идут по узкой дорожке: кажется, что они крайне озабочены тем, чтобы не противоречить и не подрывать то, что, по их мнению, является медицинским каноном, но стараются избегать противоречий в рамках этого канона в пользу чего-то более стабильного. Поскольку сериал является художественным произведением, те, кто его делает, могут устанавливать медицинские правила по своему усмотрению, но предпочитают так не поступать. Вместо этого они обманывают нас, предлагая факты, которые признаются бесспорными, но до конца современной медициной не изученными, и поражают нас тем, что ей на сегодняшний день доподлинно известно. Этот обман строится не только на современном медицинском знании, он по существу составляет *часть* медицинского знания. (Тихо Браге, ученый, предложивший идею учета погрешностей измерений, был бы счастлив.) Вместо того чтобы вклинивать обман всюду, где медицинские факты не подтверждены, создатели, чтобы нас обмануть, используют места, которые медицинская наука признает пригодными для маневра, — потому что заботятся о видимости медицинской точности.

Так они убеждают нас в правдоподобности происходящего и правдоподобности известных медицинских фактов, несмотря на весь тот обман, который нам навязывают. В конце серии это позволяет нам узнать, чей же диагноз был правильным.

Приняв медицинский канон в качестве бесспорного факта, мы также создаем стандарт, позволяющий нам судить о профессиональных качествах героя, что очень важно для сериала. Когда Хаус приходит в больницу и распугивает больных речами о своем пристрастии к викодину в серии «Принцип экономии» (1–3), нам дают понять, что больные зря пугаются великого врача по пустяковым причинам, но мы не сможем в это поверить, если не будем считать Хауса действительно великим. И это справедливо в отношении многих эпизодов: они убедительны только в том случае, если Хаус — великий врач. Ложь, которую нам преподносят создатели, показывает, насколько для нас важно то, как воспринимают медицинские способности Хауса его пациенты.

Однако тем из нас, кто не принадлежит к медицинской профессии, потребуется небольшая помощь, чтобы узнать, как это согласуется с реальной медициной, и подтвердить те диагнозы, о которых у нас нет информации. Для этого у нас есть замечательный компенсирующий фактор — очень занятные анимационные картинки. Если нам их показывают в виде компьютерных графических изображений, или КГИ, это практически гарантия того, что увиденное нами происходит в действительности. Как в детективах есть возможность прокрутить события назад и показать, как произошло убийство, так в «Докторе Хаусе» (чем не медицинский детектив) нам показывают медицину в действии.

Если мы видим трехмерное изображение ленточного червя, внедряющегося в трехмерное изображение чьего-либо мозга, мы верим, что у этого человека ленточный червь, даже если мы не изучали медицину. Возможно, этот червь и не является причиной всех его проблем, но это убеждает нас в наличии проблемы. КГИ преподносит нам как факт происходящего, но не объясняет нам все последствия того, что мы видим; в конце концов, что-то нужно оставить и для Хауса, дабы тот растолковал, в чем дело. Когда мы наблюдаем нерушимую связь КГИ с компьютерно создаваемой медициной и делаем компьютерную пункцию компьютерной плевральной полости, мы понимаем, что медицина чего-то достигла.

Примечательно то, что КГИ не помогают нам понять героев. Они используются, чтобы придать элемент правдоподобности авторской выдумке. В серии «Без причины» (2–24), когда Хаус галлюцинирует, в его сложных галлюцинациях, по всей видимости, тоже появляются эффекты КГИ. Однако в данном случае это не так уж важно. Поскольку и лечение больного, и диагноз явились плодом его воображения, вполне естественно, что ему привиделись эти компьютерные образы. Они только помогли показать, как происходят эти галлюцинации.

В общем, эффекты КГИ, как и медицинский канон, позволяют стать свидетелями величия медицины. Эти эффекты являются убедительным подтверждением правильности диагноза, поставленного Хаусом, и его профессионального мастерства.

Эх, хорошо бы найти такой же надежный источник информации вне рамок художественного произведения!

Крэйг Дерксен получил диплом бакалавра в университете Манитобы, а диплом магистра — в университете штата Мэрилэнд, там же он защитил диссертацию. Он работает во многих областях философии, но его главное увлечение — философия поп-арта. Впервые он познакомился с Хью Лори в роли принца-регента в сериале «Черная гадюка III» (а также в роли принца Людвига Несокрушимого в «Черной гадюке II»). Иногда Крэйгу хочется стать вторым Хаусом, но пока он всего лишь второй Уилсон).

ХРОМОТА, ТРОСТЬ И САРКАЗМ

Хаус: герой и его характер

Когда смотришь «Доктора Хауса», поражаешься тому, какой же он сукин сын: он лжет, он обманывает, он приворовывает, он насмехается без угрызений совести. Это все ерунда, говорит британская писательница Карен Трэвис. Видели бы вы ее героев-земляков.

ПУТЬ СУКИНА СЫНА

Карен Трэвис

Он высокомерен, груб с пациентами, чихать хотел на коллег. Как безумный, постоянно глотает анальгетики. В его душе нет ни капли человеческой доброты. Доктор Грегори Хаус — отвратительный, просто *отвратительный* человек.

Нет, подождите. Давайте взглянем на него глазами тех, кто действительно вырос на английских фильмах с чудовищными антигероями. Даже у героя британского детского телевизионного сериала, «Доктора Кто», длинная история. Вот он был настоящим сукиным сыном: за ним гора трупов, преданные им помощники, а время от времени — расистские выходки. В последних сериях он вызывает больше сочувствия, но его «сукинсынство» никуда не исчезает, о чем время от времени напоминают другие герои сериала.

Так неужели Хаус — сукин сын? Черт возьми, нет же. По большому счету, он довольно милый — по крайней мере, в сравнении.

Создается впечатление, что американское телевидение не умеет создавать настоящих антигероев. Ведь во многом на него, ходячую рекламу викодина, навесили больше грехов, чем он совершил. (Кстати, нас, британцев, викодином не напугаешь. Но об этом позже.)

Для британского телезрителя самое удивительное заключается в том, что в американских сериалах среди главных героев настоящих сукиных сынов почти нет. Даже Вика Маккея в потрясающем сериале «На страже порядка» нельзя назвать истинным и законченным сукиным сыном. Да, он способен буквально вытрясти из подозреваемого все дерьмо, он убивает своих напарников, крадет наркоденьги, но все искупают такие его черты, как любовь к своим детям, верность, готовность отметелить подонков и его храбрость. Они превращают его в очень симпатичного мерзавца. Если вы не гангстер, можно сказать, что Вик был бы вам неплохим соседом.

У нас в Великобритании существует мнение, что американское телевидение старается не показывать плохих людей, способных на добрые поступки, потому что каждый фильм должен давать какой-то нравственный урок. Кое-кто из моих земляков относит это на счет культурной незрелости — что-то вроде наивного социального оптимизма — или нежелания всей нации мириться с тем фактом, что от дерьма никуда не деться и что подонки тоже выигрывают в лотерею. Они ссылаются на сильную религиозную составляющую американского сознания: грешников надо наказывать, пусть все видят, что их наказали, если не к концу серии, то уж точно к концу первого сезона. (Доктора Хауса наказывают за каждый его неверный шаг.)

Я, однако, не думаю, что утверждение «Должны побеждать только хорошие парни» справедливо. Мы наблюдаем здесь другой культурный подход к художественному произведению, и не надо усложнять. Таков стиль американской телевизионной драмы, который берет начало в греческой трагедии — жанре, показывающем в основном причины и следствия наших действий. Я провожу в беседах с американцами больше времени, чем с англичанами, и мне понятно, что тут дело вкуса, а не веры: нет никакой наивности, никакой подсознательной веры в то, что мир таков, каким его изображает американское ТВ. Дело в том, что американцы смотрят кино, чтобы расслабиться. В конце концов, если кто-то читает «Гарри Поттера», это не значит, что миром правит магия.

Включим национальные стереотипы мышления, и тогда будет несложно обвинить английское телевидение в том, что оно чрезмерно мрачное, что оно игнорирует статистическую частоту хороших и нормальных людей в мыльных операх и не несет зрителям возвышенного смысла. Мы — это нация жалких нытиков, вечно оплакивающих упадок всего вокруг и предвещающих, что будет еще хуже. Мы понимающе киваем головой, когда в других странах происходит что-то нехорошее, потому что «это преподаст им урок». Мы безрадостные люди.

Для меня это порой неизмеримо тяжко. К примеру, одна из многих причин, по которой я не смотрю донельзя мрачный сериал «EastEnders», созданный на *BBC*, — то, что если мне вдруг захочется увидеть отбросы общества, подонков, которые круглыми сутками грабят, мошенничают и прелюбодействуют, я могу заехать в тот мерзкий город, где выросла, и взглянуть на своих бывших соседей. Конечно, 99% из них не доходят до трагических крайностей, изображаемых в мировых мыльных операх. Сериал — это фантазия, направленная на то, чтобы, посмотрев на все это, вы почувствовали себя более счастливыми в реальной жизни. Мрачность и тоску не следует принимать за достоверность; ее там не больше, чем в однозначно счастливых концовках в фильмах.

Вообще-то есть одна область, в которой британскому телевидению все-таки не удалось избежать чрезмерного оптимизма — это медицинские сериалы. Несмотря на ежедневные доказательства и вопреки тому, что делается в государственной системе Национального здравоохранения, мы склонны любить наши фильмы, в которых показывают умных врачей и заботливых медсестер, у которых всегда находится время, чтобы уделить внимание больным и их проблемам. «Casualty» («Несчастный случай») и созданный на его основе «Holby City» («Город Холби») — это классика, истоки которой мы находим в уважаемом и принимаемом без критики сериале «Палата экстренной помощи № 10», созданном в 1960-х годах[1]. Действие этого длинного сериала происходит в больших и шумных больницах. В центре внимания — служба экстренной помощи больным плюс немного занятной болтовни, дабы добавить живости происходящему. Врачи допускают ошибки, медсестры флиртуют с врачами, которые меняются один за

[1] «Emergency Ward Ten» — это первый английский телесериал на медицинскую тему.

3 № 3091

другим, начальство встревает в работу, но в целом все они изображены грамотными специалистами, делающими все возможное, чтобы в течение дня не угробить слишком много больных, и это им в той или иной мере удается. У нас все происходящие вызывает симпатию, хотя, очевидно, действие происходит в другой вселенной, где время течет иначе, поскольку врачи и медсестры могут потратить массу времени, обсуждая мельчайшие подробности личной жизни своих родителей. Однако такова специфика сериала: никто не сможет сделать приличный фильм о медиках, не внеся в него изрядной доли путаницы.

Но вернемся к Грегори Хаусу и к божественному предвидению в больничной драме.

По аналогии с героями древнегреческой трагедии Хаус наделен божественным даром. Он великолепный диагност. В этом деле он настолько преуспел, что можно сказать, что он вступил на территорию, отведенную для богов, поскольку умеет раскрывать тайны жизни.

Но он не бог, и мы видим, что на этот счет он не обманывается. Грубость, самонадеянность, чувство превосходства над людьми и прочие качества, от которых воротит, это не комплекс божества, его у Хауса нет. Он имеет дело скорее с загадкой, а не с больным. Кажется, что ему нет дела до того, что он обладает властью над людьми, присущей божеству и выражаемой в словах «Твоя жизнь в моих руках!» Власть такого рода (основа всякой медицинской беллетристики) означает влияние на людей. При этом стремление найти ответ и оказаться правым не является главным компонентом такого мышления.

В Хаусе есть что-то от Прометея: самоуверенный наглец, наделенный божественным даром, удивительным даром диагноста, которого боги решили наказать постоянной болью. В его случае это омертвение мышцы. Хаусу приходится расплачиваться за то, что он такой умник, а остальные идиоты. В этом его главный грех.

Если бы грех Хауса состоял в том, что он хорош собой, ему бы не пришлось так дорого платить. Если бы он был богат, деньги заменили бы ему счастье. Если бы он был блестящим спортсменом или суперпшпионом, мы бы вручили ему билет — иди и наслаждайся жизнью. Но беда Хауса в том, что он *умен*. У него выдающиеся интеллектуальные способности. А что в США, что в Британии общество люто ненавидит

незаурядных людей, особенно таких, которые не страдают от ложной скромности. Всезнайки никому не нравятся. Таких умных надо ставить на место и сбивать спесь.

К этому примешивается хроническая боль, которую испытывает Хаус. Ах ты умничаешь? Так изволь получить *кое-что* взамен. Неудивительно, что Хаус из того, что отталкивает окружающих, создал шедевр; а когда у него начались боли, он вдобавок стал еще и грубияном — в пику остальным. Его изматывают постоянные страдания. Не стихающая боль разрушает, изнуряет, делает раздражительным. *Естественно*, он будет подавлять жалость к себе, будет резким с капризными больными или ограниченными коллегами. Он вынужден терпеть дураков *и* боль. И чем он это все заслужил? Ведь если умственные способности изображать в виде параболы, обращенной концами вниз, он занимает на ней высшую точку. Он испытывает не гнев богов, а месть посредственности. И ему никуда от нее не деться.

Много внимания уделено пристрастию Хауса к викодину, что несколько удивляет британских зрителей. Пока я не поговорила с друзьями, у которых сходные проблемы с хронической болью, я не была в курсе того, что у американцев своя мораль по поводу обезболивающих средств, что не свойственно нам: мне такое отношение показалось чуть ли не религиозным чувством — дескать, боль спасает вашу душу и, возможно, вы ее заслужили, поэтому с какой стати мы должны вам давать анальгетики? Помимо этого, похоже, что зрителя пугают последствиями приема анальгетиков — они, мол, могут вызвать наркозависимость, вот почему свидетель доктор Уилсон пытается отучить Хауса от викодина, а это нам кажется странным.

В Великобритании нам не приходится упрашивать врача дать нам болеутоляющее средство — скорее всего, оно будет единственным из того, что он нам пропишет. Вот почему история с викодином нам не представляется чем-то значительным в структуре сюжета. У нас можно без всякого рецепта в любое время купить кодеин и накушаться им до потери пульса, если только нет нужды в настоящем лечении (хотя, если понадобится слоновья доза, рецепт все-таки необходим). Моя пожилая мать, страдающая от хронических болей, в последний раз пришла от врача с огромными коробками, именно огромными, а в них

несколько сотен таблеток кодеина для приема в больших дозах. И так каждый раз, когда она идет к врачу. Она могла бы создать наркокартель, если бы так не мучилась от боли. При этом — никакого лечения, никаких направлений на анализы, только масса анальгетиков, поскольку они недороги: в британском здравоохранении способ лечения диктуется экономией. Может быть, Хаусу следует приехать по обмену в какую-нибудь нашу больницу национальной системы здравоохранения, чтобы затовариться необходимыми препаратами, но это будет концом сериала. Улыбающийся, накачанный обезболивающим Хаус, источающий благожелательность — такой номер не пройдет.

Итак, сукиным сыном Хаус не может быть, потому что у него хватает оснований не считать себя ангелом, а у настоящих сукиных сынов их нет. А идиотская система, система здравоохранения, в которой он существует, не позволяет испытывающим боль получить от нее избавление. Это замкнутый круг, в котором пребывает Хаус. Его эгоцентризм и презрение к окружающим осложняются хронической болью, которую коллеги-врачи не желают облегчить.

Помимо того что роль Хауса исполняет великолепный Хью Лори, который всегда будет симпатичен британским зрителям, даже если согласится сыграть Гитлера, наш герой искупает грехи своим бесстрашием и постоянным желанием делать добро, а не то, что социально или профессионально удобно. А это означает, что он ставит на первое место не бюджет клиники, не свою репутацию среди коллег, не их мнение и не строгие административные правила, а благо больного.

Хаус служит напоминанием о том, что люди, делающие благое дело, не всегда удобны окружающим. Между прочим, Лори в обличье Хауса усиливает характер и природу своего персонажа: внешне несимпатичная личность оказывается самым приличным человеком.

Хаус груб, высокомерен и хамоват как с больными, так и с коллегами. Но он излечивает людей, в то время как обходительные врачи в белых халатах стоят вокруг и недоумевают. Такова цена: так карма распределяет добро и зло. Его грубость, так или иначе усугубленная обстоятельствами, компенсируется его стремлением вылечить больного. Он является необычным примером холистического подхода, для которого не свойственны эмоциональные и поверхностные суждения, причем только по поводу болезней; для такого подхода характерно глобальное видение проблемы.

Несмотря на свою мизантропию, Хаус не улизнет, чтобы сыграть партию в гольф, и не предпочтет лечить богатого больного, если встанет вопрос о спасении чьей-то жизни. Мы не видим, чтобы Хаус почеловечески общался с больными, но если вам в руку вставлен катетер, если вам грозит смерть, то мотивы и поведение вашего спасителя не так уж важны. Хаусу нужна победа. А больной не обязан его любить, чтобы почувствовать все плюсы этого желания победить.

Он также благороден в той степени, которая нравится недовольным и не слишком почтительным британским зрителям. Когда от него ждут гладких речей по поводу преимуществ лекарственной программы в его больнице, он начинает яростно отстаивать свою точку зрения, говоря о коллеге, находящемся в финансовой зависимости от фармацевтической компании, проводящей испытание лекарственного препарата на больных, от которого, как утверждает Хаус, больным становится только хуже. Ну и парень! Если у него такие жесткие принципы, то мы бы перетерпели его высокомерие и грубость во время обследования! Такой не забудет тампон в вашем животе после операции и не назначит сомнительное лекарство, потому что фармацевтическая компания оплатила ему поездку в Венецию. И уж он не смолчит, если знает, что его коллега в чем-то не разбирается.

Грегори Хаус — в высшей степени профессионален и честен до такой степени, что плакать хочется. Но даже если бы он не был светилом диагностики, из него бы не вышел настоящий сукин сын, потому что он честен. Врач, который вам говорит, что не знает, что у вас, по сути благороднее, чем тот, который советует вам не забивать голову (потому что он сам не понимает, что с вами происходит, но боится это признать). Скажите нам правду, доктор. Мы вас поймем.

Конечно, для некоторых британцев «Доктор Хаус» скорее выдумка про врачей, а не то, что происходит на самом деле, выдумка на тему о том, что может сделать наука. Показанные великолепные больничные условия в корне отличаются от того, на что могут рассчитывать большинство британских больных, пользующихся национальной системой

здравоохранения, а понятие врачебной помощи, предоставляемой по первому требованию, вообще в новинку для страны, здоровье граждан которой находится в руках разваливающейся системы национального здравоохранения, при которой больные могут годами ждать своей очереди на госпитализацию.

Но, как и «Несчастный случай» — наша родная, рожденная *BBC* больничная драма, в которой мы видим медицинский персонал, выказывающий участие больным, — «Доктор Хаус не позволяет нам думать, что все происходящее в нем подлинно, поэтому мы настраиваем свой «счетчик доверия» к происходящему соответственным образом.

Есть менее известные медицинские сериалы *BBC*, более приближенные к реальным условиям реальных больниц. В сериале «Органы» нет такого количества персонажей с золотыми сердцами. Многие медсестры в нем ленивы, зациклены на себе, они — отвратительные гарпии, которых больше волнует перерыв на чай, нежели нужды больных; врачи молчат, зная, что их коллеги халтурно выполняют операции, администрация — это мертвый груз, а хирурги, не стесняющиеся своего непрофессионализма, не вызывают никакой симпатии. Ведь в итоге больной — не самое главное!

Вот это настоящие сукины дети. Вот это персонажи, на которых взглянешь — и хочется сказать: «Ну и сволочи. Ведь они должны спасать наши жизни, а не думать только о себе!» Но это — другой сериал, и должна признаться, что мне больше по душе наблюдать постоянно искупающего грехи Грегори Хауса, нежели совершенно реальных людей в «Органах». Я перестала смотреть «Органы», когда суровая реальность происходящего перешла все границы. Эпизод, в котором женщина не могла есть без посторонней помощи и осталась голодной, потому что нянечки отказались ее кормить, слишком напоминал реальные ситуации, свидетелем которых я была. Поэтому я решила больше не включать этот канал. Я — писатель, моя область — суровая реальность, но я против того, чтобы превращать ее в развлекательную тему. Мне известно, что в здравоохранении далеко не все в порядке, но я хочу, чтобы телевидение позволило мне отдохнуть и расслабиться, а не бросало меня на баррикады для борьбы с правительством. Этого мне хватает в программе новостей.

У Грегори Хауса, несмотря на его желчный характер и отсутствие общепринятых норм, есть совесть. Мне его характер не кажется отталкивающим. Да, с ним не просто, но он занятный. Он произносит язвительные остроты. Его ругань изобретательна, и он выливает купорос как на больничный персонал, дабы тот с бо́льшим рвением принялся за дело лечения больных, так и на больных: ведь спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Его брань — это не просто слова, брошенные на ветер, цель оправдывает средства.

Если на то пошло, он — скорее трагическое подобие доктора Кокса из телесериала «Клиника», чем подлинный антигерой. Кокс — задира, но он хороший врач, он одинок и травмирован, он получает больше ударов, чем прочие. Как и в «Хаусе», мы терпим поток его брани, потому что мы знаем, что за всем этим кроется человек, готовый отдать все ради помощи людям.

Итак, Хаус не проходит тест на «сукинсынство», потому что он честен с больными. Для него нет ничего важнее, чем найти способ вылечить или (иногда это неизбежно) помочь достойно умереть. Неважно, что он асоциален, что больные сами по себе его не интересуют и что им движет профессиональная гордость. Он добивается результатов. А это самый неэгоистичный подход к больным, какой только я могу себе вообразить.

По данным «Нью-Йорк Таймс», Карен Трэвис является автором бестселлеров «Вессар» из области военной научной фантастики, которые были выдвинуты на премии Филипа Дика и Кэмпбелл. Она также пишет романы серии «Звездные войны» для киностудии «Лукасфилм», в которых затрагивает такие вопросы, как принадлежность к определенному социуму, биологические виды и деградация личности. Ранее работала военным корреспондентом и газетным журналистом, служила во вспомогательных войсках королевских ВМС и в резервных войсках первой очереди. Живет в Уилтшире в Англии. Вы можете посетить ее сайт www.karentraviss.com

Невозможно представить Хауса (или мир Хауса) без Хью Лори. Хотя если мы вспомним предыдущие работы актера, становится сложно представить сериал с ним. Его путь от щеголя принца Георга к угрюмому, саркастичному Грегори Хаусу был непростым, но, как показывает Джефф Клок, своего рода предопределенным.

ХЬЮ ЛОРИ И ЕГО ХАУС

Джефф Клок

Средний словарь обычно содержит 50 тысяч словарных статей; хороший — 100 тысяч. В Оксфордском словаре английского языка полмиллиона словарных статей — в него вошли все слова со времен Чосера. Словарь дает не только толкования слов; он предлагает также их определения в разные периоды времени, показывая, как с веками менялось использование слова, и иллюстрируя это цитатами из литературных источников каждого исторического периода. Оксфордский словарь английского языка важен при изучении поэзии, потому что поэты тонко чувствуют языковые нюансы и используют их, чтобы выжать из языка максимум. Стихотворение Роберта Фроста «Указание», например, описывает, как читателя подводят к таинственному кубку, из которого он может «пить и обретать утраченную цельность, всеобщему смятенью вопреки». В своей книге «Гений» литературный критик Гарольд Блум отмечает: «Фрост, похоже, знал, что слово "смятенье" произошло от индо-европейского корня, означающего "подносить чашу с вином богам"». Смысл стихотворения раскрывается благодаря обыгрыванию истории слова.

Подобно поэтам, разыскивающим то единственное слово, которое придаст нужный смысл стихотворению, хороший режиссер подбирает актера с таким профессиональным опытом, который способен вдохнуть смысл в его фильм.

К примеру, Стив Мартин оказался превосходной кандидатурой на роль негодяя в фильме Дэвида Мамета «Испанский заключенный»: мы чувствуем, что под оболочкой этого мошенника что-то кроется; комедийный актер в роли, не допускающей многозначных толкований,— это интересный способ донести содержание до зрителя, который только и ждет, что актер раскроется перед нами в другой ипостаси. Творческий путь любого актера — это своего рода история слова; он является важным фактором в нашей оценке телевидения или поэзии. Вот почему от некоторых актеров нет никакого толку: Эрик Эстрада никогда не станет чем-либо иным, кроме парня из сериала «CHiPs», поэтому всякий раз, когда мы видим его, мы понимаем, что он лишь исполняет вариацию на одну и ту же тему.

Все в актерской биографии британца Хью Лори, игравшего до «Хауса» в глуповатых, но занятных комедиях, говорило о том, что он совершенно не подходит на роль блестящего и циничного американского врача. Тем не менее его ранние роли уже являются своеобразными предвестниками доктора Грегори Хауса, они показывают, каким осторожным и интересным был путь Лори к нему. Хаус в «Докторе Хаусе» является гораздо более важным персонажем, нежели другие главные герои кинематографа,— даже в фильмах, названных их именами. Подобно тому как в Гамлете за очевидной харизмой и умом скрывается мотив кровной мести, так и Хью Лори оказывается удивительной, неотразимой и крайне сложной фигурой, действующей по повторяющейся формуле больничной версии сериала «Место преступления». Так же как сериалы «Место преступления» и «Закон и порядок», «Доктор Хаус» в большинстве случаев высоко оценен зрителями, и это не удивительно. Удивительно то, что Хью Лори потрясающе играет во всех сериях.

Биография Хью Лори и его карьера

Лори родился и вырос в Англии, в Оксфорде. Он получил превосходное образование — сначала в престижной школе в Итоне, а потом

в Селуин-колледже Кембриджского университета, где изучал антропологию и археологию. Его отец был врачом и олимпийским чемпионом. Сам Хью Лори признавался, что главной причиной учебы в Кембридже была возможность заниматься греблей, но это занятие пришлось оставить из-за моноцитарной ангины. В конце 1990-х годов Хью Лори понял, что страдает от клинической депрессии. Осознание этого пришло, когда он управлял гоночным автомобилем и при этом не испытывал ни страха, ни волнения. Его депрессию успешно вылечили.

Оставив греблю, Лори стал членом труппы комедийного театра «Огни рампы». Там он подружился с Эммой Томпсон и Стивеном Фраем (кстати, дочь Лори играет в одной из сцен спектакля «Юмор» в роли главной героини в юном возрасте). Шутки в спектаклях «Огней рампы», уже и в тот период чрезвычайно снобистские, часто основаны на игре слов типа «Он хромает. Да и язык его тоже». Они ставят первоклассные пародии по пьесам Шекспира. Их спектакль «Ленты из погреба» получил премию Перье[1] и был показан в лондонском Вест-Энде, а впоследствии и на телевидении. Далее это трио начало играть в комедийном шоу «Альфреско», которое шло два сезона. Поскольку Томпсон занялась другой работой, Лори и Фрай в 1980-х и 1990-х годах продолжили совместную деятельность в трех главных проектах — сериалах «Блэкэддэр», «Фрай и Лори: понемногу» и «Дживс и Вустер».

«Фрай и Лори» — это комедийные зарисовки, которые показывали с 1989 по 1995 год. В те времена нельзя было найти менее популярной темы для комедии, чем шикарная жизнь молодых выпускников Оксфорда, а Фрай и Лори изображали студентов не просто Оксфорда, но Оксбриджа — симбиоза элитарной культуры Оксфорда и Кембриджа, вместе взятых. В этих ролях они могли подтрунивать над высшим классом. Многие эпизоды строились на игре слов, на аристократическом акценте и шутках о каникулах, проведенных в Венеции. В одном из эпизодов Фрай и Лори изображают крупных американских менеджеров, делая это в стиле Гордона Гекко;[2] у них какой-то небольшой спортзал, весь день они пьют и при каждой возможности орут: «Черт

[1] Премия Перье — премия, присуждаемая комедийным постановкам на фестивале в Эдинбурге.

[2] Гордон Гекко — вымышленный герой из фильма Оливера Стоуна «Уолл-стрит».

побери, выпьем раз! Еще раз, черт побери! И еще одну чертову пинту перед выходными!»

«Блэкэддэр» — это общее название четырех сериалов, сделанных на *BBC*: «Черная гадюка», «Блэкэддэр II», «Блэкэддэр III» и «Блэкэддэр IV отправляется в путь». Действие каждой серии происходит в Англии в определенный исторический период — в Средние века, в эпоху Возрождения, во времена Регентства (конец XVIII и начало XIX века) и во время Первой мировой войны. Роуэн Аткинсон исполнял роль Черной гадюки — трусливого и циничного приспособленца, каждый раз перевоплощающегося применительно к новой эпохе. С каждым перевоплощением он становится все умнее и изощреннее, но это ни к чему не приводит, поскольку власть принадлежит не ему, а безумцам и глупцам, в руках которых находится судьба конкретного столетия. Хью Лори играл главных героев в третьей и четвертой сериях: во времена Регентства он был фатом и идиотом, принцем Георгом, а во время Первой мировой войны — туповатым лейтенантом Джорджем. По сути обе роли были одинаковыми — глупцы, исполняемые Лори, правят умными людьми, такими как Блэкэддэр, впадающими в цинизм оттого, что мир глуп.

«Дживс и Вустер» был создан на основе рассказов П. Г. Вудхауса. Лори рассказывал, что их чтение спасло его от депрессии. В 1990–1993 годах рассказы были переделаны в телесценарии. Серии получались разными по качеству, но репутацию сериалу создали великолепные исполнители, ведь Вустер и Дживс в исполнении Лори и Фрая были убедительными и безупречными. Все представление строится на том, как герой Лори, меланхоличный джентльмен Берти Вустер, оказывается в запутанных ситуациях (так, он случайно оказался обрученным с двумя дамами одновременно), а его до невозможности умный и мудрый слуга Дживс в исполнении Фрая постоянно выручает хозяина из переделок.

Мистер Палмер из фильма «Разум и чувства» (1995) — неприятная персона, такого персонажа в репертуаре Лори еще не было. Лори также играет абсолютно бестолкового растяпу-уголовника и похитителя собак в диснеевском фильме «101 далматинец». В том же году он написал очень неплохой полусерьезный, полукриминальный роман «Торговец

пушками» — единственное его произведение на сегодняшний день. В фильме «Спайс Уорлд» о группе «Спайс герлз» (1997) Лори появляется в коротком эпизоде в роли Пуаро (по имени сыщика из произведений Агаты Кристи). В этой не имеющей какого-либо значения сцене он заходит в гостиную и обвиняет другого героя в совершенном преступлении. Его маленькая, но явно удачная роль в «Друзьях» (1998, часть вторая, «На свадьбе Расса») перекликалась с ролью мерзавца из «Разума и чувств, но была сыграна крайне смешно. В этом фильме высмеивались комедийные герои американского кино, а то, с каким презрением он в одном из эпизодов произносил имя «Фибис», сделало этот эпизод широко известным.

Путь к доктору Хаусу

Факты биографии актера не были решающими, но, возможно, режиссер принял во внимание, что отец Лори — знаменитый врач, что сам он получил отменное образование в Оксфордском университете, что болел и вследствие этого приобрел физический недостаток, что страдал от депрессии. Все это и помогло Лори создать образ доктора Хауса.

Доктор Хаус талантлив — и, по крайней мере, один факт из творческой биографии Лори играет на руку созданию образа талантливого врача. «Фрай и Лори» продемонстрировали зрителям несомненный интеллект Лори. Оба героя были молодыми людьми из высшего общества, и в этом качестве они всячески поносили аристократию — точно так же, как это делает высокообразованный, умный и талантливый Хаус, чем приводит в конфуз своих «начальников». Поскольку Лори сотрудничал с Фраем, участвуя в комедийных программах, его герои были либо умны и высокопарны, либо крайне глупы, середина была редким исключением. Хаус не исключение.

«Фрай и Лори», «Блэкэддэр», «Дживс и Вустер» — всюду у Лори есть контргерой, против которого он вынужден играть, поэтому Лори стал ассоциироваться не только с качествами персонажей, которых он играет, но и с качествами его антагонистов или друзей. В этих сериалах мы видим два противоположных начала, которые выстраивают карьеру Лори и находят свое крайнее выражение в Хаусе: ум и глупость, сердечность и цинизм. Параллели между Хаусом и Бэкэддэром очевидны: в «Хаусе» Лори отходит от роли одного из идиотов у власти и приходит к персонажу, более похожему на анти-Бэкэддера: циничному, талантливому и выжатому как лимон, потому что мало кто может ему помочь. Путь от «Дживса и Вустера» точно такой же: Лори расстается с ролью незадачливого дурака и становится подобием своего контргероя (в данном случае это Дживс). Подобно Бэкэддэру Хаус циничен; но, как и у Дживса, у Хауса (предположительно) очень доброе сердце.

Если обратиться к малоприятному мистеру Палмеру из фильма «Разум и чувства», то следует сказать, что эта роль стала для Лори поворотной, поскольку после нее его глупый хлыщ прошел через криминальный жанр и пришел к Хаусу. В начале творческого пути у Лори был эпизод, связанный с этим жанром. Одна из серий «Фрая и Лори» была пародией на телевизионные детективы 1970-х годов, где Лори играл Алана, которого некий «Отдел» нанимает в качестве тайного агента. В другом эпизоде этого сериала Фрай и Лори играют тайных агентов слишком обходительными друг с другом и полностью игнорирующими вопросы национальной безопасности. В одной из серий они звонят русскому шпиону и вежливо просят прекратить следить за ними (что тот и сделал).

Эти ранние глуповатые роли из криминального жанра были исполнены в 1990-х годах трижды — в каждом случае, чтобы добиться комического эффекта. В одной — Лори играет преступника (похититель собак в «101 далматинце»), в двух других — детектива: Пуаро в мюзикле о группе «Спайс герлз» и автора «Продавца оружия» в его единственном романе. «Продавец оружия», в общем-то, не является ролью для Лори-актера, но, читая этот роман, написанный от первого лица, нельзя не услышать в нем его голос и голоса сыгранных им героев. Невозможно не узнать голос Лори, британского комедийного актера, в строчке, подобной этой: «Она направила на меня пару серых глаз. Я говорю пару. Я имею в виду ее пару, а не чью-то, вынутую из ящика и направленную на меня». Нужно сказать, что «Продавец оружия» — это по-настоящему хороший роман; это шпионский триллер, который будет занимать достойное место в этом жанре, даже если из него убрать юмор, а юмор там достойный. Даже если сюжет и герой — это лишь предлог для шуток.

«Продавец оружия» пародирует детективный жанр так же, как «Автостопом по галактике» пародирует научную фантастику. Лори пишет: «Неизъяснимо приятно забраться в кабриолет, за рулем которого сидит прекрасная женщина. Это похоже на то, как если бы вы забирались в некую метафору». Одним из объектов сатиры в романе является крутой детектив образца Филипа Марлоу[1] или Сэма Спэйда из «Мальтийского сокола». В отличие от детективов «золотого века», таких как Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро, крутые детективы не отличаются умственными способностями, их сила скорее в кулаках. В своем романе Лори прибегает и к тому и к другому: его детектив достаточно умно рассуждает (и повествует), высмеивая при этом свои глупые поступки. Вот как главный герой рассказывает о драке, в которую он ввязался:

> Я глубоко вдохнул через нос, приподнялся, чтобы дотянуться до его лица, на мгновение задержал дыхание, а затем испустил то, что японские мастера боевых искусств именуют «Кья!», а мы называем громким воплем; так вот, он был такой силы, что я сам от страха чуть в штаны не наложил.

В «Мальтийском соколе» Сэм Спэйд на первый взгляд глубоко циничен; будучи частным детективом, он навидался всякого и, по крайней мере, поначалу старается не участвовать в происходящем. Но в глубине души Спэйд — романтик, в итоге он влюбляется в свою клиентку и хочет уберечь ее от темных дел, в которых она замешана и которые он расследует.

Что касается карьеры Лори, именно в «Продавце оружия» мы видим четыре составляющие его ранних ролей (ум и глупость, цинизм и доброту) в одном герое; как интеллектуальный пародист (способ, усовершенствованный в «Фрае и Лори»), детектив у Лори одновременно умен и глуп; как крутой персонаж из боевика, он одновременно циник и романтик. Отсюда лишь один шаг до доктора Хауса, в котором сочетаются ум, цинизм и доброта. На досуге Хаус развлекается тем, что издевается над глупцами, выпуская воздух из пузырей их претенциозности, что является основой отношения Лори к жанру крутого детективного романа и его главному герою. Доктор Хаус во многом похож на крутого детектива: как и Сэм Спэйд, он внешне галантен, циничен, жесток, временами поступает как головорез. Но за этим фасадом скрывается человек со своими проблемами, одинокий, страдающий, глубоко заботящийся о больных и друзьях. Заметим, что крутой сыщик стал прорывом в криминальном жанре и отходом от образа щегольского и умного детектива «золотого века». Создатели Хауса используют образы этих двух, совершенно различных, детективов Лори и соединяют их, но — с оглядкой на природу того и другого.

[1] Филип Марлоу — герой романов Рэймонда Чэндлера.

Хью Лори в роли Хауса

Автор сериала Дэвид Шор признался, что на создание доктора Хауса его вдохновил Шерлок Холмс, самый известный герой детективной литературы. В фильме «Спайс Уорлд» Лори копировал и второго знаменитого детектива — Пуаро Агаты Кристи. Кажется странным, что Лори в «Хаусе» прибегает к детективному жанру, пытаясь пародировать Пуаро, но именно это он и делает.

Самым явным и очевидным реверансом в сторону Холмса является то, что у Хауса номер дома 221 — всем известен адрес: Бейкер-стрит, 221, «б». Другая аллюзия на Холмса звучит в сценарии: в первой серии третьего сезона у человека, стрелявшего в Хауса, нет имени, а в сценарии его называют Мориарти — по имени одного из врагов Холмса. Однако самыми важными и яркими оказываются менее явные указания на сходство между знаменитым сыщиком и Хаусом. Подобно Холмсу, Хаус гениален, эгоцентричен и с трудом терпит других людей; Хаус распутывает сложные дела с помощью интеллекта, а не кулаками; у Хауса один-единственный друг в больнице — прагматичный помощник (Доктор Уотсон у Холмса превращается в доктора Уилсона у Хауса). Холмс играет на скрипке, и Хаус — музыкант (у Хью Лори — законченное музыкальное образование, и он играет на пианино, гитаре и гармонике). Сэр Артур Конан Дойль писал своего Холмса с известного хирурга Джозефа Белла, и, таким образом, создание Дэвидом Шором образа врача в стиле Холмса замыкает круг.

Пробная серия «Хауса» оказались поразительно удачной, удачей оказался разбираемый медицинский случай, зрителей без излишней детализации познакомили с персонажами сериала. К концу пилотного проекта мы уже были знакомы с Уилсоном, Кэмерон, Чейзом, Форманом и Кадди, видели, на что они способны, и поняли внутренние мотивы их поступков. В Хаусе мы замечаем все черты Шерлока Холмса. Мы четыре раза были свидетелями того, как он принимает анальгетики, видели, как он заказывает, а потом прикарманивает упаковку этих анальгетиков, — все это показано так тонко, что мы не сразу догадываемся, что Хаус, как и Холмс, без зазрения совести принимает наркотики, но все это в фильме звучит явно. Его первой реакцией на то, что 29-летняя женщина умирает от рака мозга, было саркастичное: «Как скучно». Вслед за этим он отпускает такие замечания, как: «Людей перехваливают», «Все лгут», и грубит женщине, сын которой страдает от астмы, потому что она показалась ему слишком глупой. Одного мимолетного взгляда на больного с оранжевой кожей ему достаточно, чтобы сделать вывод, что тому изменяет жена, — дедукция как раз в духе Холмса: оригинальная и быстрая, как молния. Вместо того чтобы искать доказательства, Хаус ищет объяснения симптомов — в пилотных сериях ему приходится доказывать свою правоту пациентке, хотя совсем не хочется с ней возиться («А не надо ли нам поговорить с больной, прежде чем проводить обследование?» — спрашивает Форман. Хаус отвечает: «Она что, врач?»); это один из основных методов, которым пользуется Холмс, чтобы раскрыть преступление: найти какую-нибудь зацепку, пусть и странную, которая соединяет факты воедино.

Теперь, когда мы поняли, что Хаус списан с Холмса, мы можем заметить, что все роли, сыгранные Лори, в Хаусе достигают своей кульминации: ум выпускника Оксбриджа, противопоставление «умный — глупый» (Дживс и Вустер, Блэкэддер и принц Георг, Хаус и быдло, с которым ему приходится иметь дело), преступники и детективы (понятное дело, что Хаус — это и то и другое). В Хаусе сочетаются два очень несхожих типа детективов — утонченный британский гений Шерлок Холмс и внешне крутой и циничный, но романтик в душе, Сэм Спэйд. Вот почему Лори идеально подходит на роль Хауса: чтобы Хаус состоялся, понадобились в равной мере опыт и умение Лори пародировать как англичанина-денди, так и американца-циника. Хаус — это не пародия на детектив. Но связь между «Хаусом» и детективным жанром напоминает связь между пародией и оригиналом: в более поздней версии использованы такие детали, которые нам уже знакомы, но старое звучит по-новому, а старый жанр кажется свежим. В «Хаусе» Лори возрождает детективный жанр, объединяя в своем герое двух абсолютно разных сыщиков и наделяя их таким необходимым чувством юмора.

Джефф Клок является автором книг «Как и почему нужно читать комиксы про супергероев» (Continuum 2002) и «Ошибки в биографиях: как искажают жизнь поэтов» (Continuum 2007), в которых развиваются идеи его диссертации, защищенной в Бэлиол-колледже Оксфордского университета. В первой книге рассматривается влияние Гарольда Блума на комиксы, а во второй делается попытка доказать, что в поэзии XIX–XX веков существовала тенденция представлять знаменитых писателей в самых неожиданных ракурсах. (Ожидается выход комментария к этой книге на микрофише.) Его интернет-блог, «Замечательное: короткие отзывы на стихи, комиксы, кино, телевидение и музыку», можно найти на сайте geoffklock.blogspot.com. Он живет в Нью-Йорке. Является свободным исследователем.

Источники

Bloom, Harold. Genius. New York: Warner Books, 2002. "The Cambridge Footlights Review," special feature on A Bit of Fry and Laurie: The Complete Second Series. BBC2, 2006. "Episode One, Season Two." A Bit of Fry and Laurie. BBC2, 1990. Frost, Robert. The Poetry of Robert Frost. Ed. Edward Connery Latham. New

York: Henry Holt, 1975. "House." Wikipedia.org. 1 Dec. 2006. <http://en.wikipedia.org/wiki/House_(TV_series)> "Hugh Laurie." Wikipedia.org. 1 Dec. 2006. <http://en.wikipedia.org/wiki/Hugh_Laurie> Laurie, Hugh. The Gun Seller. London: Arrow Books, 1996. O'Hare, Kate. "Building House Is Hard Work." tv.zap2it.com. 5 Jan. 2005. <http://tv.zap2it.com/tveditorial/tve_main/1,1002,271%7C92770%7C1%7C,00. html>

Ястребиный Глаз из сериала «Военно-полевой госпиталь»,[1] любитель пошутить и разрушитель истэблишмента, был культовой фигурой целого поколения. Эти качества Ястребиного Глаза присущи и Хаусу; однако многие не согласятся с тем, что он «герой», — независимо от того, сколько жизней он спас. Лойс Уинстон проводит сравнение этих двух персонажей и предлагает неожиданное объяснение их сходства и различия.

ГРЕГОРИ ХАУС — ЭТО ПИРС, ЯСТРЕБИНЫЙ ГЛАЗ XXI ВЕКА

Лойс Уинстон

Да, врачи теперь на телеэкране не такие, как раньше.

Прошло время таких благодушных докторов, как Джеймс Килдэр, Бен Кейси и Маркус Уэлби. Эти патриархи былых медицинских драм, эти полубоги, творившие чудеса, с сочувствием дежурившие у постели больного, перевернулись бы в гробу, увидев в лучшее эфирное время таких, как Грегори Хаус. Вместе с первым поколением деток, рожденных в период демографического взрыва и воспитанных на телесериалах, менялись и сами сериалы. Когда Боб Дилан произнес: «О, время, как оно летит!», он и представления не имел, как они изменятся уже через четыре десятилетия. И как только мы сняли розовые очки, приобретенные на углу улиц Хайт и Эшбери в Сан-Франциско[2] или в Вудстоке[3], мы сразу столкнулись с реальностью новых больничных сериалов. Нервозность. Цинизм. В Грегори Хаусе они проявляются как ни в ком другом.

[1] В российском прокате — «МЭШ» или «Чертова служба в госпитале МЭШ».

[2] Район известен благодаря движению хиппи.

[3] Вудсток — место проведения рок-фестивалей.

Мы не перепрыгиваем из уютной больницы Алекса Стоуна (шоу «Донна Рид», американская комедия положений 1958–1966 годов) в клинику Принстон-Плэйнсборо. Изменения были постепенными. Наступил 1972 год, и на экраны вышла комедия с серьезным подтекстом, пошатнувшая сложившиеся устои. В телевизионной версии сериала «Госпиталь МЭШ» Роберта Альтмана нам представили капитана Бенджамина Франклина Пирса по прозвищу Ястребиный Глаз, который коренным образом отличался от тех врачей, которых мы привыкли видеть на экране. «МЭШ» умудрился отразить самые острые моменты современности и не попасть под ножницы цензуры благодаря тому, что показывал события тридцатилетней давности — беспорядки с участием полиции и осуждение войны во Вьетнаме — замаскированно. Сценаристы «МЭШ» расчистили путь для Хауса, создав такого грубоватого и откровенного героя, как Ястреб.

Много работ посвящено сравнению Хауса и Шерлока Холмса, но когда я смотрю «Хауса», меня одолевают воспоминания о Ястребином Глазе. Хаус притягивает меня так же, как в свое время притягивал Ястреб. Оба героя крайне непросты, выписаны мастерски, и, кажется, там столько совпадений, что я уверена: создатели в равной мере отдавали должное как Холмсу, так и Ястребиному Глазу. Да, есть различия, но, полагаю, что количество схожих черт их перевешивает. Давайте теперь взглянем на Хауса через призму Ястреба.

То, что вы видите, не всегда является правдой

Ни Хаус, ни Ястребиный Глаз не являются сторонниками утверждения «По одежке судят о человеке». Оба больше похожи на парней после бурно проведенной ночи: они всегда выглядят так, как будто только что вылезли из кровати в той же одежде, которую надели накануне или носили всю предыдущую неделю. Постоянная небритость и нечесаные волосы, нуждающиеся в услугах парикмахера, подчеркивают состояние всклокоченности обоих. Ястреб больше походил на

солдата, проведшего две недели в бункере, а Хауса легко принять за одного из бедняков, которых лечат в больнице Принстон-Плэйнсборо. Хоть когда-нибудь он одевается, как взрослые дяди — Уилсон, Чейз или Форман? Никогда. Это его метод уязвить истэблишмент в целом и декана и доктора Лизу Кадди в частности.

Единственный случай, когда Ястребиный Глаз «приоделся» — свидание, но и тогда он переборщил, надев смокинг, который «выгладил», положив его под матрас в походном складе. А что Хаус? Увидеть его в костюме за ужином с Кэмерон в серии «Любовь зла» (1–20) нам удалось ближе к концу первого сезона.

Ястреб обычно разгуливал по полевому госпиталю в халате поверх армейской футболки и брюк. А зачастую он и брюки не надевал. В менее формальных ситуациях он натягивал одну из многочисленных гавайских рубах. Хаус ходит по учебной больнице в Принстон-Плэйнсборо в джинсах, футболках с названиями рок-групп, таких как «Motley Crue», или рубашках с изображениями черепов и скелетов или рекламой странных компаний, — к примеру, таких, которые предлагают займы на покупку машин людям с сомнительной кредитоспособностью. И обоим нет никакого дела до принципа «По одежке судят о человеке».

Есть и другие общие черты между двумя героями. Хаус вертит тростью и пользуется ею при ходьбе. Ястреб часто расхаживает по лагерю с клюшкой для гольфа, хотя играющим в гольф мы видим его не часто... Гольф и минные поля не совсем совместимые вещи.

Когда Хаус не занят разбором симптомов странного заболевания, он смотрит сериал «Больница» или порнофильмы. Иногда мы видим, как он занимается чем-то более возвышенным — играет на пианино. Когда Ястреб не стоит по колено в крови или среди раненых в операционной, он листает последние номера журналов с голыми красотками. Его особенно интересуют статьи, точнее говоря, фотографии обнаженных девиц, играющих в волейбол.

Ну ладно, мне кажется, что найти врача, который смотрит мыльную оперу о больнице, не является чем-то маловероятным. У Ястреба такой роскоши не было. В начале 1950-х годов найти телевизор в полевом госпитале, развернутом в Южной Корее, было невозможно, а играть

на пианино он предоставляет отцу Малкэю. Если бы у него была возможность достать порнофильмы, я уверена, что за них он отдал бы все фотографии голых волейболисток. Выбор непритязательных развлечений у него явно ограничен. Обоим нашим великолепным героям, вероятно, необходимо какое-то занятие, дабы отвлечься от реальности, и зачастую таковым оказывается разглядывание фотографий голых женщин.

Я не должен это делать, и вы меня не заставите

В серии «Меня не реанимировать» (1–9) Хаус говорит: «Я не могу быть одним из команды. Если вы не уверены в этом, спросите меня». В серии «Хаус против Бога» из следующего сезона (219) Уилсон заявляет: «Они могут поставить памятник твоему эгоизму». По этим двум фразам мы можем понять, что Хаус думает о себе сам и что о нем думают другие. Мир Хауса вращается вокруг Хауса. Он это знает, и об этом знают все остальные.

И Ястребиный Глаз, и Хаус смеются над начальством и отказываются играть по правилам. Их одежда — лишь отражение презрения и к начальству и к власти и протест против них. Ястреб выступал против войны и политиков, которые отправили его в Корею, но делал он это так, что вызывал нашу улыбку. Юмор и сарказм ему были необходимы, чтобы в какой-то степени улучшить не только свое собственное жалкое положение, но и положение других. В пробном эпизоде он говорит Фрэнку Бауму: «Я попал сюда на службу только потому, что случайно открыл конверт с приглашением от президента Трумэна».

В этом начинает проявляться подлинное различие между Ястребом и Хаусом. Хаус протестует против всякой власти, считая, что он не подотчетен никому. Его сарказм обращен на окружающих, но при этом редко кто смеется, потому что это не смешно. Он жесток. Он зол на мир за то, что происходит с ним, и никто не избегает его гнева.

Нежелание играть по правилам — это качество, присущее обоим героям. Будучи капитаном армии, Ястреб отказывается носить оружие. Он также отказывается передать раненых северокорейских солдат во-

енной полиции, пока не обработает им раны. Его нежелание играть по правилам основано на сострадании, на глубоком убеждении и медицинской этике: врач должен спасать людей, а не забирать у них жизнь. А наипервейший долг врача — это долг перед больным, независимо от того, кто этот больной. Неприличный жест Ястреба, показывающего средний палец властям и армейскому начальству, это никак не желание самоутвердиться.

Хаус полностью эгоцентричен. Он отказывается играть по правилам, поскольку считает, что они писаны не для него. Хотя обязанности у всех врачей больницы общие, Хаус делает все, чтобы их не выполнять. Поступающие больные его не интересуют. Их жалобы не представляют ничего особенного и недостойны его. При таком отношении он прибегает ко лжи, подкупу и шантажу, чтобы избежать выполнения своей работы. А когда ложь, подкуп и шантаж не срабатывают и ему приходится заниматься больными, то его отвращение к их простудам и сыпям совершенно очевидно.

Отшить неугодного ему больного для него дело времени.

И вдруг неугодным больным оказывается Майкл Триттер. В конце серии «Дураки, которых мы любим» (3–5), мы узнаем, что Триттер — полицейский. Его настолько разозлило то, как Хаус с ним обращался, что он арестовал его за хранение сильнодействующих веществ (ими были таблетки викодина, которые Хаус принимал во время дежурства в больнице).

Но даже после того, как Хаус отсидел в тюрьме, он сохранил полную убежденность в собственном превосходстве и правоте, ему и в голову не пришло, что Триттер представляет серьезную угрозу. А Триттер, как мы вскоре поняли, оказался противником, который не остановится ни перед чем, чтобы расквитаться с Хаусом за его недостойное, как ему показалось, поведение. В этом намерении он пошел на шантаж других врачей и заставил их настучать на Хауса.

Триттер заявил, что хочет, чтобы Хаус нашел другой способ лечения боли в ноге. Это произошло до того, как Хаус, находившийся под воздействием препаратов, допустил врачебную ошибку и больной умер. Однако нам трудно поверить в альтруизм Триттера после того, как мы увидели, что он вытворяет с другими врачами, чтобы добиться своего.

Однако Хаус считал, что Трипттер его просто запугивает и что если на него не обращать внимания, тот скоро отстанет. Триттер на отставал, а Хаус был слишком уверен в своей правоте, его переполняло чувство превосходства и презрения к Триттеру, чтобы все это видеть.

Фактор мизантропии

В серии «Верность» (1–7) Кэмерон говорит Хаусу: «Вы мизантроп, а не женоненавистник». Несомненно, Хаус — личность асоциальная, он настроен против всех. Его язвительная и грубая честность не просто граничит с жестокостью — в большинстве случаев она действительно жестока. Чем больше кто-то тянется к Хаусу, тем больше жестокости он обрушивает на этого человека. Это одно из главных качеств, которое его отличает от Ястребиного Глаза. Ястреб издевается над дураками или лицемерами, но делает это беззлобно. Оба героя прибегают к сарказму и подростковым шуткам, однако у Ястреба — это механизм выживания и сохранения рассудка в безумной среде обитания. Мы смеемся даже над самыми жестокими его шутками, потому что его колкости обращены против лицемеров, таких как Фрэнк Баум, против его заместителя — напыщенного Чарльза Эмерсона Винчестера Третьего. Эти люди заслуживают того, что получают.

Когда в поле его зрения попадает армейская система, он всегда имеет перед собой высокую цель, как это произошло, когда он выдумал некоего капитана Татла, чтобы его зарплату можно было направить в местный сиротский дом. Когда его обман должен был раскрыться, он «убил» Татла, придумав ему геройскую смерть, при этом весь лагерь оплакивал потерю того, кого никто никогда не видел, но в этом не признался.

Ястреб шантажирует лейтенанта, чтобы тот позволил капралу жениться на кореянке. Он преподнес узколобому лейтенанту урок, наказав его за предрассудки. Ему удалось убедить генерала допустить новобранца в офицерский клуб. Он поднял бунт в столовой после того, как всех закормили одним и тем же: «печенка застряла в печени, а рыба стала костью поперек горла», а затем вместе с Радаром и Трэппром устроил заговор, чтобы их лагерь не начали пичкать ребрышками из

Чикаго. Даже когда Ястреб веселится, как подросток (хорошо это или плохо — зависит от того, как вы воспринимаете его шутки), его выходки преследуют благородную цель.

Хаус избегает общения, он настолько боится эмоциональных контактов с окружающими, что делает все возможное, чтобы отдалиться от людей, сознательно нападая на любого, кто встречается у него на пути. В серии «Меня не реанимировать» (1–9) Кадди ему говорит: «Когда я принимала вас на работу, я отложила 50 тысяч долларов на адвоката. Вот во сколько вы обходитесь нашему бюджету». В действительности ей потребовалось бы гораздо больше, чем 50 тысяч долларов в год. В реальной жизни Хауса за его сексистские и расистские замечания в адрес коллег, больных и их родственников не просто выгнали бы с работы, но засудили. И мы даже не касаемся вопросов медицинской этики. Мы всего лишь говорим о его личности. К счастью для него, телевидение допускает некоторую художественную вольность.

Самое большое различие между Ястребом и Хаусом заключается в том, что первого глубоко заботят больные, тогда как Хаусу до них дела нет. Для него самое важное — решить загадку заболевания, находящегося «на повестке дня». В серии «Меня не реанимировать» Уилсон говорит ему: «Тебе известно, что у некоторых врачей комплекс мессии, они хотят спасти мир. А у тебя комплекс Рубика, тебе необходимо решить загадку». (1–9)

Хаус предпочел бы сидеть у себя в кабинете, думая над симптомами и их причинами, а не ходить в больничные палаты. Если бы так можно было сделать, он бы даже не разговаривал с больными. Когда ему все-таки приходится это делать, он запугивает их и оскорбляет. Он им лжет. Его даже дети раздражают. Из серии в серию он повторяет свое: «Все лгут», в особенности больные, а поэтому какой смысл с ними разговаривать? В пробной серии он идет еще дальше, когда говорит: «Мы стали врачами, чтобы лечить болезни, а лечение больных делает большинство врачей несчастными».

Ястреба настолько волнует его врачебный долг, что он часто вызывается идти на передовую и, рискуя собой, спасает солдат. Каждый раз, когда он теряет больного, он переживает эту потерю как личную трагедию, как потерю частицы самого себя. В последней серии он переживает нервный срыв, считая себя ответственным за мать-кореянку, задушившую своего младенца.

Хауса не только не затронет смерть больного, но, более того, он считает, что смерть — венец всему. Он не остановится перед тем, чтобы рискнуть жизнью больного, дабы доказать свою правоту. Все это он о себе хорошо знает. В серии «Смысл» (3–1) он говорит: «У меня нет объективных причин считать, что я был прав. Просто мне хотелось проверить разные варианты». Для него медицина — это поле битвы, а больной — неизбежная потеря, но его это устраивает, при условии, что в конце концов он окажется прав.

Когда я готовила материалы для этой статьи, я беседовала с врачом и автором книг С. Дж. Лайонз, чтобы узнать ее мнение о Хаусе с медицинской точки зрения. Она тоже сочла, что Хауса не интересуют его больные: «Часто методы, которыми он пользуется, безосновательны с точки зрения науки, поскольку причиняют вред и/или боль пациентам, он применяет эти методы, не ставя больных в известность, без их согласия, и тем самым нарушает медицинскую этику. Мы должны видеть в нем блестящего специалиста в силу его дедуктивных способностей и качеств диагноста, но по сути он действует тем же методом проб и ошибок, которым пользовалась медицина в XVIII веке».

Вероятно, Хаус не стал бы оспаривать высказанное доктором Лайонз мнение о нем. Как он сказал в серии «Метод Сократа»: «Для проведения анализов нужно время. На лечение времени уходит меньше». Вот каким образом Хаус решает загадку. Черт с ним, с больным.

Она меня любит; она меня не любит

У обоих героев однажды в жизни была подлинная любовь. О Ястребином Глазе мы узнаем, что он любил Карлай Бреслин, медсестру, с которой жил во время учебы в медицинском колледже. Когда он на короткое время вновь сошелся с ней в серии «Чем больше я тебя вижу...» (4–22), открылось, что Карлай ушла от него, потому что он настолько погрузился в работу, что на их отношения времени не оставалось. Ястреб, несмотря на свои мимолетные интрижки в Корее, признался Карлай, что серьезных отношений, кроме как с ней, у него ни с кем

не было. На вопрос, почему она от него ушла, Карлай ответила: «Мне нужно было выживать».

Подобная схема прослеживается и в отношениях Хауса со Стэйси Уорнер. Они, как Ястреб и Карлай, какое-то время жили вместе. В «Трех историях» (1–21) Стэйси появляется после пятилетнего отсутствия, и мы узнаем об обстоятельствах травмы ноги Хауса и о том, какое участие в этом принимала Стэйси: оказывается, в том, что Хаус хромает и испытывает боль, есть и ее вина. Стэйси была рядом, пока он находился в коме, а потом дала добро на компромиссный вариант лечения, в результате которого Хаусу сохранили жизнь, но при этом он стал инвалидом. Сам Хаус от такого варианта развития событий отказался бы. Всё это привело к тому, что их отношения прервались, и Стэйси уехала — тоже чтобы выживать.

Обе героини вышли замуж. Обе, когда снова встретили свою бывшую любовь, пережили чувства, которые они спрятали в себе, но не утратили. Обе пары пережили свой момент из «Касабланки»,[1] когда жены уже были готовы уйти от своих мужей, но не сделали этого, хотя Стэйси осталась с мужем только потому, что так ей велел Хаус.

Ястребиный Глаз мог заговорить кого угодно. Надо признать, что Хаус на легкую болтовню не способен. В серии «Любовь зла» (1–20) он говорит Уилсону: «Понятия не имею, как можно разговаривать ни о чем. Ты говоришь о какой-то ерунде, и либо это смертельно скучно, либо в словах скрывается подтекст, а в этом случае нужен дешифратор».

Ястреб болтает впустую, чтобы дистанцироваться от окружающих. Он боится слишком близких отношений, боится, что его начнет волновать кто-то, кроме его больных, боится, что в его сердце войдет женщина. Хаус похож на него, но вместо случайных контактов и заумной болтовни он прибегает к тому, что ограничивает себя в общении и строит барьеры между собой и окружающими.

Несмотря на свой сострадательный характер, Ястреб боится глубоких чувств и глубокой привязанности к противоположному полу. Хаус боится всяческих чувств по отношению к кому бы то ни было.

[1] Фильм 1942 года.

Врач, исцели себя

Наконец мы подходим к вопросу о нездоровых пристрастиях. У Ястреба это алкоголь. Он пьет, чтобы забыть ужас корейской войны. Когда он не в операционной, мы редко наблюдаем его без стакана в руке. Он глушит джин в «Болоте»,[1] да и вообще проводит там бóльшую часть времени. Он ходит в бар Генри. Он — завсегдатай офицерского клуба. Резюме? Ястреб — алкоголик. И, как многие алкоголики, он отказывается это признать.

Тема алкоголизма поднимается в фильме достаточно часто. Ястреб с неохотой признается в том, что пьет слишком много, и на время завязывает. Как-то ему пришлось воздерживаться, когда генерал ввел в лагере сухой закон и приказал конфисковать его самогонный аппарат. Он утверждает, что спиртное никогда не мешало ему исполнять обязанности в операционной, — пока в один прекрасный день ему не пришлось покинуть ее. После этого он был вынужден признаться, что проблема существует. Но уже в следующей серии все продолжилось.

Хаус подсел на викодин. И подсел настолько, что держал дома тайник с 600 таблетками. Он настолько зависим, что подделывает подпись Уилсона на рецептах. Его зависимость настолько сильна, что когда полицейский Триттер конфисковал его запас и разрушил систему поставки, Хаус впал в ломку. Он настолько зависим от таблеток, что глотает их, как конфетки «M&M», а когда Кадди начала выделять ему минимально необходимую дозу, эффекта эта доза не оказывает. Он наркоман, и как всякий наркоман, ведет себя как сукин сын, когда боль переносима, а когда нет, то становится во сто крат хуже.

Мы начинаем задаваться вопросом: а может быть, Триттер прав, даже если его поведение продиктовано желанием отомстить, а не заботой о больных Хауса? Может ли викодин влиять на решения, принимаемые Хаусом?

В серии «Найти Иуду» (3–9) Хаус чуть не провел двойную ампутацию у пятилетнего ребенка, поскольку был уверен в том, что это единственный способ спасти его жизнь. По счастью, вмешался Чейз, как

[1] По-видимому, так называют палатку в мобильном госпитале.

раз в тот момент, когда хирург уже готовился ампутировать руку девочки. Хаус поставил неверный диагноз, но поначалу он отказался это признать и в ярости даже ударил Чейза, который осмелился противоречить ему и высказать свое мнение, которое оказалось правильным.

Был ли мозг Хауса затуманен болью и синдромом воздержания или, что еще хуже, как ранее предполагал Форман, отказ от таблеток вызвал у Хауса паранойю? Мог ли он поставить этот ошибочный диагноз, если бы на протяжении этой серии ему позволили глотать таблетки? Действительно ли на его способности они не влияют, как он это утверждает? На эти вопросы ответов нет. Но в конце серии мы видим, что Уилсон уступает Триттеру и заключает с ним сделку. Так что даже Уилсон, который занимал сторону Хауса до такой степени, что был готов солгать в суде, чтобы спасти друга от тюрьмы, — даже Уилсон осознал, что Хаус стал худшим врагом самому себе.

Ястребиный Глаз + 30 лет = Хаус

Давайте вернемся к тому, с чего мы начали эту статью. Можно ли Грегори Хауса назвать Пирсом Ястребиным Глазом XXI века? Забудьте про военно-полевой госпиталь в Корее. Попытаемся на минуту представить, что с помощью волшебного телевидения Ястреб, в отличие от нас, нисколько не постарел. На календаре 2007 год, и Пирс, Ястребиный Глаз является руководителем отдела диагностики в учебной больнице в Принстон-Плэйнсборо. Единственное, что изменилось, это его имя. Теперь его зовут Грегори Хаус.

Из Кореи Ястребиный Глаз вернулся другим человеком. Чтобы выжить, ему пришлось поместить свое сердце и эмоции в титановый бункер. Он вернулся домой и обнаружил, что мир стал еще более бессмысленным. Война в Корее закончилась, но она не только унесла жизни солдат. Америка потеряла свою невинность не в бурные шестидесятые; зачатки этой бессмысленности принесли с собой мужчины, которые вернулись из Кореи.

Ястреб вернулся домой в период, когда разразился бэби-бум, и когда вырос Грегори Хаус: это был период холодной войны и маккартизма. Убийство Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга,

Уотергейт. Вьетнам. Ирангейт. Босния. Сомали. 11 сентября. Афганистан. Ирак.

Как правильно заметила моя приятельница Лайонз: «С точки зрения психологии Ястреб был очень здоровым человеком, умеющим приспосабливаться к нездоровой среде. У Хауса больная психика, и он не в состоянии адаптироваться даже к заботливой и дружеской среде, поскольку он сломан».

Был ли Хаус когда-то таким же здоровым, как Ястребиный Глаз?

Нам дают понять, что горечь была в нем задолго до того, как он перенес закупорку сосудов в ноге. В серии «Детоксификация» (1–11) Уилсон говорит: «Ты отдаляешь людей от себя», на что Хаус отвечает: «Я это делаю с трех лет». (Уилсон также утверждал, что Хаус изменился после перенесенной закупорки сосудов, что он стал несчастным, жалким, что он боится посмотреть себе в лицо, но не могла ли закупорка сосудов лишь усилить то, что было в нем всегда?) А Стэйси неоднократно повторяла, что характер у Хауса был сложным и до закупорки.

Виной всему могло быть детство. Нам известно, что отец Хауса, когда тому было четырнадцать лет, работал врачом в Японии и что какой-то случай, происшедший в японской больнице, послужил причиной того, что Хаус решил стать врачом. Нам также известно, хотя он редко говорит о родителях, что у него непростые отношения с отцом, и, вероятно, таковыми они были всегда. Уилсон высказывает предположение, что чем-то Хаус не устраивает отца, но чем, мы не знаем.

И вследствие этого Хаус оказывается персонажем более реалистичным, вторым Ястребом без фантастических приукрашиваний, свойственных Голливуду. Мы видим, что Хаус — это человек, изломанный и обиженный жизнью. Такого Ястреба мы еще не видели. Хаус — это Ястреб без сладкой начинки, которой нас пичкало телевидение в течение 30 или 40 лет. Грегори Хаус — это Пирс, Ястребиный Глаз, если смотреть на него через призму реализма, и не через розовые очки, сделанные в Голливуде. Хаус — это Пирс, Ястребиный Глаз XXI века.

Лойс Уинстон, автор и лауреат литературных премий, не является врачом и не играет врачей на телевидении. Но она пишет

юмористические романы из современной жизни в разных жанрах, часто пользуясь своим богатым опытом дизайнера изделий прикладного искусства. Ее первая книга «Поговори со мной как Герти», романтическая комедия для юных девушек и зрелых женщин с элементами описания паранормальных явлений, вышла в 2006 году. За ней последовала книга «Любовь, ложь и двойной обман» — романтическая история с элементами триллера. Когда Лойс не пишет и не занимается дизайном, ее можно застать за работой над рукописями для издательства «Эшли Грэйсон». Ее можно найти на сайте www.loiswinston.com

Ни для кого не секрет, что на создание Хауса авторов вдохновил гений дедукции Шерлок Холмс. Когда смотришь сериал, то и дело в глаза бросаются параллели: ум, пристрастие к наркотикам, номер дома. Так почему же, спрашивает Ник Маматас, нам так нравится один и так не нравится другой?

ПОЧЕМУ НАМ НРАВИТСЯ ХОЛМС И НЕ НРАВИТСЯ ХАУС?

Ник Маматас

Для внимательного наблюдателя не составит труда заметить, что в основе идеи создания образа доктора Грегори Хауса лежит знаменитый литературный персонаж — детектив Шерлок Холмс. В именах героев одинаковые гласные; кажется, Хаус получил свое имя так же, как известный герой Рекса Стаута — сыщик Ниро Вульф. Английские гласные О и Е можно обнаружить в обоих именах **ShErlOck HOlmEs** и **NErO WOlfE**, и, как показывает Джон Д. Кларк, эти гласные занимают сходные позиции.[1] По мнению Кларка, Стаут намекает на то, что Вульф — сын Холмса. Так и Грегори Хаус (**GrEgOry HOusE**) укладывается в эту схему. И конечно, имя Хаус, обозначающее в переводе «дом», сходно с именем Холмс, которое тоже обозначает «дом».

Сериал просто наполнен подобными параллелями и аллюзиями. Герой «Хауса» — поклонник Холмса, это мы видели в серии «Поймай

[1] Эллери Куин в работе «В покоях королевы» ссылается на теорию Кларка «Гласные О-Е» и идет еще дальше, предполагая, что эти гласные — дань основателю детективного жанра Эдгару Аллану По (по-английски — POE (4–5)). — *Примеч. авт.*

крота»[1] (3–8), в которой Хаус пишет на конверте «Игра пошла».[2] Как и Холмса, Хауса едва не убил человека по имени Мориарти (это происходит в конце второго сезона в серии «Без причины» (2–24)). Хаус, как и Холмс, наркоман.

У Холмса кокаиновая зависимость, а Хаус постоянно глотает викодин. Даже номер дома, в котором живет Хаус, — 221 (серия «Охота» (2–7)), тот же номер, что у Холмса на Бейкер-стрит. Обоим доводилось нарушать закон для достижения своих целей, и у обоих — «проблемы с властями», как назвал бы это современный психолог.

Есть и менее заметные параллели. Как известно, в рассказах Артура Конан Дойля повествователь — доктор по фамилии Уотсон. А его имя? Если вы сказали «Джон», вы правы. Но вы также правы, если назвали имя Джеймс: так его зовут в рассказе «Человек с рассеченной губой». И у Хауса есть компаньон: доктор Джеймс Уилсон. Уилсон, как и Уотсон, был не раз женат и любит женщин.[3] Уилсон то живет у Хауса, то съезжает — как и Уотсон с Бейкер-стрит, 221, «б».

Оба — и Уотсон и Уилсон — чувствуют ответственность за своего друга. Заслуга Уотсона в том, что он выводит Холмса из наркотической зависимости. В рассказе «Пропавший регбист» он говорит:

> «Я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг. Много лет я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбудителю. Но я понимал, что опасная привычка не уничтожена совсем, она дремлет; и всякий раз, как я замечал его осунувшееся аскетическое лицо и беспокойный блеск в глубоко посаженных глазах, я чувствовал, что сон неглубок и пробуждение близко». (387)

[1] «Whac-A-Mole», в переводе «Поймай крота» — настольная игра.

[2] «Игра пошла» — эти слова Холмс сказал Уотсону, перед тем как приступить к разгадке тайны «Собаки Баскервилей».

[3] Конечно, проблема в том, что Конан Дойл не очень строго придерживался логики в описании Уотсона. Одной из основных задач исследователей, занимающихся великим сыщиком, и является объяснение противоречий в фактах, касающихся доктора, — как в случае с именем, когда в одном месте его зовут Джоном, а в другом Джеймсом. — *Примеч. авт.*

В сериале «Хаус» Уилсон поначалу старался не замечать зависимость Хауса, но в конце концов обратился в полицию, пытаясь с ее помощью убедить Хауса пройти курс реабилитации и в итоге отказаться от викодина. И детективу и врачу нужен допинг или какое-то сложное дело, чтобы получить удовлетворение, иначе они впадают в черную меланхолию. В начале серии «Кто твой отец?» (2–23) Кадди обращается к Хаусу по поводу сложного больного, и тот, почуяв интересный случай, даже на время забывает о заначке морфия.

Холмс — гений, но его компетенция далеко не безгранична. В «Этюде в багровых тонах» Уотсон пишет: «Невежество его было так же велико, как и его гений. Похоже, что в вопросах современной литературы, философии и политики он почти не разбирался». (15) В серии «Спортивная медицина» (1–12) Хаус говорит с сарказмом: «Какой стыд, что я не хожу на выборы». И у Холмса и у Хауса в жизни была лишь одна Женщина, хотя они не упускали возможности пофлиртовать. И тот и другой использовали трость в качестве оружия.

Есть, однако, и существенные различия. Холмс легко нарушает закон: проникает в чужой дом, лжет, обещает жениться, если это нужно для того, чтобы раскрыть преступление. Законность вторична, как он это объясняет в «Конце Чарльза Огастеса Милвертона»: «Я никогда не тороплю события, и я никогда не пойду на энергичные и опасные действия, если возможны другие варианты... Поскольку это морально оправданно, мне остается только учесть вопрос личного риска. Конечно, джентльмен не должен слишком долго раздумывать в ситуации, когда дама отчаянно нуждается в его помощи». (195–196)

Конечно, Хаус тоже постоянно нарушает закон и нормы медицинской этики. Однако его мотивы гораздо более важны для поствикторианского сознания, чем обязательства джентльмена среднего класса. Холмсу доставляло удовольствие решать загадки и бороться с преступниками, но его мотивы всегда были обусловлены ценностями его эпохи, которые также во многом оправдывали его методы. Он мог притвориться кем-то и обмануть горничную, ухаживая за ней, но это, как нам объясняют, в порядке вещей, поскольку на карту поставлена честь *дамы*, что гораздо важнее, чем сантименты простушки-горничной. Ведь горничная, скорее всего, выйдет замуж, как только Холмс исчезнет из ее жизни.

4 № 3091

Хаус спасает жизни. Между прочим, он спасает жизни людей, даже если знает, что они лгуны, неверные супруги, убийцы. Он делает это, потому что считает, что у всех есть право на жизнь. В серии «Приятие» (2–1) он даже берется лечить Кларенса, приговоренного к смертной казни, в то время как «положительные» герои сериала, включая Кадди, склоняются к тому, чтобы проигнорировать больного убийцу и отослать его назад в тюрьму. Доктор Кэмерон, на руках которой в тот момент была умирающая пациентка, упрекает Хауса в том, что тот пытается продлить жизнь убийцы, а не жизнь больной раком, чья смерть неминуема. Она говорит в сердцах, хотя Хаус терпеть не может такие эмоции: «Когда умирает хороший человек, эта смерть должна сказаться на всех. Кто-то должен это заметить. Кто-то должен прийти в отчаяние». Хаус будет спасать жизнь любого или, по крайней мере, попытается ее продлить, — ведь пока он плачет по хорошей женщине, чтобы доказать, что он добрый, заботливый и сострадательный, умрет кто-то другой.

Это подводит нас к главному вопросу в отношении двух персонажей: почему Холмс герой, а Хаус антигерой? Нам нравится Холмс, но не нравится Хаус.

Решающим оказывается внешний фактор. Начнем с того, что Холмс — настоящий джентльмен. Он — культовый образ детектива, прогуливающегося по лондонским улицам. Этого детектива мы привыкли видеть одетым по моде викторианских джентльменов среднего класса. Совсем другое — Хаус: он неопрятен, одевается как попало. Ему ничего не стоит нагрубить женщинам, с мужчинами он лишь немногим более обходителен. Если Холмс приберегает свои высокомерные замечания в адрес неразворотливых и неумелых полицейских, чтобы позже повторить их Уотсону, — Хаус беспрестанно язвит всех и вся.

Холмс, несмотря на свою неординарность, далеко не девиант, его реплики предназначаются в усладу читателям Конан Дойля. Он даже верит в Бога, повествуя об этом в «Морском договоре»: «Нигде так не нужна дедукция, как в религии. Логик может поднять ее до уровня точной науки. Мне кажется, что самой верой в Божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное — наши способности, наши желания, наша пища — необходимо нам в первую очередь для существования.

Но роза дана нам сверх всего». Это мнение Холмса, опубликованное в 1893 году, было своеобразным бальзамом для читающей аудитории. Общество в тот период было потрясено богопротивными идеями Дарвина и Маркса. То, что эрудированный литературный герой объявлял о своей приверженности Богу, успокаивало публику, а также было готовым аргументом, которым можно было воспользоваться в споре с этими ужасными безбожниками-атеистами.

Сегодня американское общество, без сомнения, заинтересовано в вере, а атеисты являются одной из «приемлемых» мишеней общественного презрения и порицания. И тем не менее Грегори Хаус в «Трех историях» (1–21) говорит о самой жизни: «Я считаю более удобным верить, что она [жизнь] не испытание». Хаус также говорит о Боге и неверии в серии «Хаус против Бога» (2–19), но верующие могут не сомневаться: Хаус не доставит им сомнительного удовольствия лицезреть, как в трудную минуту он обращается за помощью к вере. На телевидении нам редко показывают атеистов, и хотя Хаус изображен злобным и травмированным — образцовым примером атеиста, — авторы никогда не ставят его на место в силу принципа *dues ex machina*.[1] Игра «Хаус против Бога» завершилась вничью. Чуда не произошло. И Хаус даже не получил по первое число от какого-нибудь самодовольного верующего. В уста Хауса вложено мнение, которое большинство зрителей сочтет неприятным, а он за это не наказан.

Сочувствующий Уотсон рассказывает о Холмсе, когда очередное дело раскрыто, и идет на все, дабы представить Холмса в самом выгодном свете. Даже после их размолвки из-за того, что Холмс пошел на нарушение закона и оскорбил горничную в «Конце Чарльза Огастеса Милвертона», Уотсон быстро идет на мировую. Фигура Холмса заполняет все повествовательное пространство. Мы видим мораль, закон и преступление исключительно его глазами. Только потому, что Уотсон — благодарный слушатель и партнер, такими же благодарными оказываются и читатели.

Хаусу в этом отношении не повезло. Телевидение по естественным причинам избегает повествования от первого лица. Камера объектив-

[1] Латинское выражение «Бог из машины», означающее в древнегреческой трагедии внезапное вмешательство Бога и разрешение конфликта.

на, она не отражает восприятие отдельного субъективного рассказчика. Поэтому нам показывают отрицательную реакцию на Хауса со стороны Кадди, Кэмерон и Уилсона и, конечно, пациентов. Несмотря на моральные недостатки разных больных — в этом они похожи на многих преступников и даже некоторых клиентов Холмса, — мы, как зрители, сочувствуем людям, испытывающим боль. Нам легче представить самих себя на больничной койке, в смятении, в страдании, старающихся не говорить лишнего о себе, чем в роли отчима, пытающего убить приемную дочь с помощью ядовитой змеи.

Это не означает, что в сериале нет ни одного ракурса, *показывающего* Хауса с положительной стороны. Третий сезон и появление Триттера, мстительного полицейского, который предъявил Хаусу обвинение в употреблении наркотиков, внесли лепту в изображение Хауса более человечным. Если бы все серии сезона свелись к одной — «Закон и порядок» — или к похожему фильму о полицейских, мы бы, конечно, испытали ненависть к Хаусу и ко всем высокомерным врачам, которые ищут пути обхода и даже нарушения закона для того, чтобы защитить своего замечательного друга. Мы бы все сорок минут смотрели, как Триттер настаивает на том, чтобы ему дали полномочия заморозить счета и запретить доктору Уилсону выписывать рецепты. А если бы Хауса показали, то лишь на несколько минут, чтобы мы увидели, как он ухмыляется, увиливает от прямого ответа, а затем — как его морально раздавят парой неудобных вопросов. С точки зрения Хауса и всей больницы тактика полицейского кажется агрессивной, оскорбительной, просто невероятной.

Всю серию Триттер требует, чтобы Хауса отстранили от работы, потому что он наркоман и в один прекрасный день может угробить пациента из-за своей наркозависимости и эгоцентризма. (Да разве есть врач, ни разу не потерявший больного, и разве есть судья, не поставивший под сомнение невиновность этого врача?) Но Хаус людей не убивал, хотя, бывало, облегчал уход из жизни одних и спасал других. Он спасает жизни людей, и это все, что его интересует. Уилсон и его ассистенты зачастую обвиняют Хауса в том, что он слишком зациклен на разгадывании «загадки»; в серии «Меня не реанимировать» (1–9) Уилсон даже выдумывает психологический термин для обозначения

этой страсти Хауса: «комплекс Рубика». Но дело не в этом. Дело в том, что Хаус действительно берется только за те случаи, которые ему интересны. Но сколько загадок и тайн он оставляет без внимания! Он не проводит научных исследований, его не особо интересуют данные анализов, он не тратит время и не распутывает внешне мудреные проблемы здравоохранения.[1] Если бы ему было интересно просто разгадывать эти загадки, он бы не стал ломать копья, а сидел бы в лаборатории, удовлетворяя свое любопытство. А раз он этого не делает, значит, ему хочется чего-то большего.

В конечном счете Хаус любит жизнь... И ненавидит людей. Жизнь для него — не просто испытание перед уходом в загробный мир, единственное, что для него имеет значение, — это количество прожитых часов и то, как эти часы прожиты. В серии «Найти Иуду» (3–9), когда ему задали вопрос о том, как будет жить девочка после ампутации руки, он ответил: «Главное в жизни — **как** ты живешь».

Он любит риск, и когда дело касается спасения умирающего, он отбрасывает в сторону вежливость, фальшь и глупые правила. Он не впадает в ярость, когда выясняется, что люди лгут и обманывают; какого бы мнения он ни был о больных или о чем-либо еще, это ему не мешает их спасать. Весь смысл заключается в том, чтобы жить.

Мораль других врачей и даже зрителей, по сути, основана на идее, что наша жизнь на самом деле — это испытание и что после смерти мы будем вознаграждены или наказаны. Как атеист и врач Хаус хочет дать каждому, с кем он сталкивается, второй шанс. Большинство врачей хорошо справляются с типичными заболеваниями, но Хаус знает, что иногда только он может поставить правильный диагноз. Многие врачи не только ошиблись бы в диагнозе, но зачастую лучше *опустили бы руки*, чем стали бороться с болезнью, идти против закона или терпеть сочувственные взгляды коллег. Если жизнь под угрозой, закон и внешние приличия уходят на задний план.

К несчастью для Хауса, но к счастью для телесериала как такового, у Хауса нет защитников, кроме него самого. А он не торопится защи-

[1] И в этом он похож на Холмса, который не стремится исправить мир или понять социальную психологию; он — детектив, желающий помочь жертвам преступления. — *Примеч. авт.*

щать себя, ему нет дела до водоворота экономического и социального хаоса, который царит повсюду, он делает свою работу: спасает жизни. Прочие герои также не могут защитить Хауса. Кадди восхищается Хаусом и результатами его работы, но по большому счету и в силу своего служебного положения она не считает, что в сумасшествии есть рациональное зерно. Уилсона не интересует человеческая натура; он не только не может сохранить отношения, но ошибается в каждом своем утверждении относительно Хауса, начиная с синдрома Аспергера и заканчивая его своенравием и одиночеством. Кэмерон в Хаусе видит только жертву, нуждающуюся в помощи. Форман не испытывает симпатии к Хаусу, а Чейз в нем ищет второго отца. Есть еще Стэйси Уорнер, порывающаяся спасать жизни, главным образом – жизнь Хауса, но ее желания остается всего лишь желанием.

Итак, «Доктор Хаус» – это исследование характера Шерлока Холмса с точки зрения эгалитарной культуры XXI века. В викторианской Англии джентльмены пользовались значительной свободой, тяжбы против них были достаточно редким делом, а у низших слоев общества никогда не было платформы для жалоб. Сегодня, в постмодернистской Америке, мы все равны, и то, что мы всегда поступаем правильно, не дает нам бесплатного билета на проезд. Специфика американского политеса, заключающаяся в том, что каждый ведет себя по отношению к другому как к совершенно равному, безжалостна. Отсюда так много ужасных судебных исков. Причина, по которой Хауса ненавидят, а Холмса обожают, заключается во временном контексте: если бы Холмс раскрывал преступления в наше время, его бы преследовала полиция, его бы возненавидели посетители квартиры на Бэйкер-стрит, и, помимо этого, объявили бы персоной, находящейся на грани аутизма.

Ник Маматас, автор романа «Движение под землей» в стиле Лавкрафта и битников (*Night Shade Books*, 2004) и повести «Северная готика» (история о привидениях с элементами марксистской гражданской войны, *Soft Skull Press*, 2001), выдвинутых на премию имени Брэма Стокера в области «черного романа». Он опубликовал более 200 статей и эссе в таких изданиях, как «The Village Voice», в журналах для мужчин «Razor», «In These Times», «Clamor», «Poets & Writers», «Silicon Alley Report», «Arbytes», в английской газете «Guardian», пять антологий в серии «Книги дезинформации» и многое другое; более 40 рассказов и комиксов в журналах «Razor», «Strange Horizons», «ChiZine», «Polyphony» и др. Роман «Под моей крышей: о ядерном превосходстве соседей» вышел в издательстве *Soft Skull Press* в начале 2007 года.

Источники

Doyle, Arthur Conan. *Sherlock Holmes: Selected Stories.* S. C. Roberts, editor. Oxford University Press: Oxford, 1980.

____. *A Study in Scarlet.* Oxford World Classics: Oxford, 1994.

____. "The Adventure of Charles Augustus Milverton." *The Return of Sherlock Holmes.* A. Wessels Company: New York, 1907.

____. "The Naval Treaty." *The Baker Street Connection.* Retrieved 19 Dec. 2006. <http://www.citsoft.com/holmes/memoirs/naval.treaty.txt>

Queen, Ellery. *In the Queen's Parlor.* Simon and Schuster: New York, 1957.

ПСИХОЛОГИЯ ГРЕГОРИ ХАУСА

Роберт Т. Джешонек считает, что нам всем надо быть похожими на Хауса. Смелое заявление. Подозреваю, что даже у Хауса оно могло бы вызвать возражения...

БУДЬ КАК ХАУС!

Роберт Т. Джешонек

Какой телевизионный персонаж представляет собой идеальный образец для подражания?

Нам предлагают массу героических образов, с которых можно брать пример: от Бена Картрайта из «Бонанзы» и капитана Кирка из «Звездных войн» до Джека Бауэра в «24» и Джила Гриссома в «Месте преступления». У них есть все: сила и благородство ... отвага и честь ... альтруизм и самопожертвование.

А я утверждаю, что доктор Грегори Хаус выше их всех.

Я думаю, у него есть чему поучиться. На самом деле я считаю, что нам всем надо быть такими, как Хаус.

Отличное начало, Зануда. Это лучшее, на что ты способен?

Прошу прощения?

Это кто?

Твой старый дружок О. Джей. Симпсон.[1]

Неужели?

Ага. Я — твой внутренний Хаус. Я тут подумал, почему бы нам не сделать маникюр и не поболтать о мальчиках?

Ты хочешь сказать, что ты — часть меня?

[1] О. Джей. Симпсон, бывший американский футболист, телеведущий и актер. В 1995 году обвинен в убийстве своей жены и ее любовника.

Отсюда и слово «внутренний». Я — та твоя часть, которая перешла на темную сторону сил Хауса.

Но не вынуждай меня выбрасывать тебя из игры. Если ты вообще в игре.

Пиши, пиши, и я брошу розы к твоим ногам, если попадешь в точку.

Хм... ОК. Ладно.

О чем это я?

Кого же *эти детки* из мультика «Семейный цирк» *обвиняют в убийствах?* Это «Не я», «Никто» «Знать не знаю»?[1]

Брось. Дай я посмотрю, смогу ли я снова запустить...

По-моему, Хаус чертовски подходит на роль идеального образца. Когда вдумаешься, оказывается, что он достоин восхищения и может научить нас многому, а не только различию между амилоидозом и болезнью Квинке.

Давайте посмотрим, какие уроки нам может преподать Хаус.

Упрямство может помочь преодолеть ограничения

Проводит ли Хаус сомнительное лечение пациентов или занимается самолечением, он возводит пустоголовое упрямство в искусство. Он отказывается уступать, даже если его действия кажутся ребяческими или обреченными на провал... и это срабатывает.

Хаус перенес закупорку сосудов, но отказался от ампутации и борется за то, чтобы сохранить ногу. Он отказывается вести жизнь инвалида и живет полноценной жизнью, добиваясь успеха в работе и разъезжая не на инвалидном кресле, а на мотоцикле.

Если он считает, что диагноз, поставленный им, правильный (а он почти всегда прав), он не остановится ни перед чем, чтобы назначить лечение, пусть и не очень распространенное в медицине. Снова и снова Хаус противопоставляет свое мнение мнению всех остальных врачей и больничной администрации в лице доктора Лизы Кадди, — и это идет

[1] «Не я» — песня Мадонны из альбома «Hard Candy»; «Никто» — под этим названием можно обнаружить несколько песен ряда исполнителей, в том числе Пола Саймона и группы «Скиндред»; «Знать не знаю» — песня группы «Mary-Kate and Ashley Olson».

на пользу больному. Тем, кто попал в зону его внимания, повезло, поскольку он не идет на уступки.

Скажите это малышке из серии «В поисках Иуды». Малышке, которая могла бы потерять чуть не половину своего тела, если бы Хаус настоял на своем.

Но это скорее исключение, чем правило.

Малышка-половинка могла бы лишиться и руки, и ноги, если бы Чейз не обнаружил ошибку Хауса!

Да, это правда, но тогда были исключительные обстоятельства. У Хауса закончился викодин, и он плохо соображал. Но ведь, как правило, упрямство Хауса идет на пользу.

А разве коллеги Хауса бросились ему на шею, когда их прижал Триттер, этот противный полицейский? Причем Хаус мог бы избавить их от Триттера и связанных с ним неприятностей, если бы соизволил смирить гордыню и извиниться.

Ну, тогда скажем: *в большинстве случаев* хорошо, что Хаус никогда не уступает.

Никогда? А как же назвать то, что Хаус пошел на попятную, когда Уилсон и Триттер объединились? Поддержка?

Минуточку! Разве ты не мой внутренний Хаус? Разве ты не должен быть на стороне Хауса?

Я и не говорил, что я не на его стороне, Скиппи.[1] *Ну, пойдем дальше.*

Не обращайте внимания на то, что думают другие, и вы сможете сосредоточиться на том, что важно

Если мы начнем переживать из-за того, что думают другие, это может отвлечь нас от фактов и доказательств, которые помогают быстро решить проблему. Если все время заботиться о том, чтобы всем окружающим было комфортно, не хватит никаких сил. Начни притворяться, и тебя станут любить, но это скажется на результатах твоей работы. Маска приличия принесет тебе популярность, но может повлиять на результа-

[1] Скиппи — персонаж — сын доктора Герберта Скиннера из семейной комедии 1931 года «Скиппи», созданной по мотивам серии популярных комиксов Перси Кросби.

ты работы... особенно в такой профессии, как у Хауса, где от объективности зависит жизнь.

Хаус не тратит энергию на то, чтобы притворяться, он направляет ее целиком на медицину. Дистанцируя себя от тех, кого он лечит, Хаус получает возможность рассматривать их исключительно с научной точки зрения, классифицируя с точки зрения симптомов и признаков, а не как живых людей, с мнением которых надо считаться.

Быстренько! Об этом надо сказать и другим врачам, которые думают, что смогут жизнь спасти, если к больному будут относиться как к живому человеку!

Работа Хауса заключается не в том, чтобы больные «чувствовали» себя лучше. В серии «Бритва Оккама»[1] (1–3) в первом сезоне он так объясняет свою философию:

ХАУС:

Какого врача вы выберете – того, который держит вас за руку, когда вы умираете, или того, который плюет на вас, но при этом вы поправляетесь?

Мне приятно, что он в душе не высокомерный сукин сын.

Ну... Я думаю, что он все-таки высокомерный.

Может, немного.

Да перестань со мной спорить!

Это ты со мной споришь. Ты ни в чем со мной не соглашаешься, что бы я ни сказал!

Нет, мне просто без разницы, что ты думаешь. Это дает мне возможность сконцентрироваться на том, что важно.

Цинизм помогает принимать правильные решения и экономит время

«Все лгут». Хаус в этом уверен, и это приносит хорошие дивиденды.

Снова и снова он наблюдает человеческую нечестность в действии. Люди всех возрастов и привычек лгут, чтобы скрыть свои проступки и выставить себя в более выгодном свете. В результате истинные причины симптомов остаются в тени.

[1] Методологический принцип, названный по имени средневекового философа Оккама, подразумевающий, что правильным решением проблемы является наиболее простое.

Больные зачастую сознательно придумывают тайны и ложь, уводящую в сторону, как та якобы безутешная жена в серии «Без улик», которая потихоньку убивала мужа. Некоторые пациенты сами находятся и неведении и поэтому лгут, как та супружеская пара из серии «Дураки, которых мы любим», потому что сами не знают, что у них общий отец.

Хаус цинично отвергает все то, что выдумывают больные, и потому, ставя диагноз, может сосредоточиться на точных фактических доказательствах, а не на том, что кто-то сказал. Кэмерон готова поверить в то, что жена из фильма «Без улик» невиновна, а Формана может обмануть героика белого мужа и его жены-негритянки из фильма «Дураки, которых мы любим», а вот Хаус будет копать, пока не докопается до истины... и тем спасет жизнь.

Стоп! Мне на ум пришел другой пример! Вспомни, как в серии «Обман» Хаус спрашивает женщину с синдромом Мюнхгаузена, принимала ли она какие-нибудь препараты, о которых он не знает?

Подожди-ка. Это ведь тот случай, когда Хаус поверил в то, что ему говорит больной, разве не так? А эта пациентка постоянно врала врачам.

Однако Хаусу она сказала правду.

Повезло Хаусу! В противном случае этой дамочке с синдромом Мюнхгаузена не поздоровилось бы, когда Хаус начал ее накачивать препаратами.

Но в большинстве случаев Хаус сохраняет цинизм, и это позволяет ему не слепо верить, а подняться на более высокий уровень точности.

А можно глухо верить? Или подслеповато верить?

В чем у тебя проблема?

Жжение, зуд, полное нежелание поверить в то, что Тупак умер.[1] В том смысле, что – давай, продолжай. Сколько компактов может выпустить один человек после смерти?

Как заработать очки и уважение своей безжалостной честностью

Даже если Хаус демонстрирует нам преимущества недоверия окружающим, сам он проявляет безжалостную честность, которой пользуется

[1] Тупак Амару Шакур (1971–1996) – американский рэпер. Тупак – его сценический псевдоним.

как оружием. Своей честностью он вынуждает других делать то, что нужно ему.

Если пациент сомневается, соглашаться ли ему на то или иное лечение, которое, по убеждению Хауса, поможет излечиться, Хаус не стесняясь, красочно и во всех подробностях описывает больному, чего ожидать в случае отказа. Если Кадди или кто-то из врачей пытается помешать его решению, он так же поступает и с ними, круша их сопротивление ужасной правдой о том, чем это грозит, если лечение не проводить.

В результате Хаус добивается своего. Может, его рекомендации и не дают немедленного выздоровления, но они неизменно ведут к тому, что в конце концов улучшение наступает.

Другими словами, сначала он делает все, чтобы их добить, а потом излечивает.

Есть ли что-нибудь об этом в клятве Гиппократа? Или в Конституции?

Мало того что Хаус спасает жизни, его безжалостная честность помогает ему заработать уважение больных и коллег. Когда проходит первый шок от открывшейся больному правды, он, кажется, начинает ценить грубую откровенность Хауса.

Как женщина из серии «Верность», которую Хаус вынудил признать, что она изменяет мужу с его лучшим другом, да?

Нет, не как она.

Знаю! Это, наверное, сводные брат и сестра, которые поженились в серии «Дураки, которых мы любим»?

Может быть, не все оценят его резкую откровенность.

Любовь так и вылезает наружу в серии «Внешность обманчива», где отец занимался сексом со своей дочерью, которая оказалась мужчиной!

Ну, хватит уже.

А что? Правда глаза колет?

Манипулируй другими и добьешься успеха

Чтобы получить то, чего он хочет (а часто это связано с решением какой-нибудь медицинской загадки и со спасением жизни), Хаус манипулирует всем и каждым вокруг. Он настолько в этом преуспел, что даже те, кто всегда начеку, попадаются на его удочку и даже не подозревают, что их используют.

Как ты прав.

Хаус использует весь свой арсенал — сарказм, игру ума, политическую некорректность, обратную психологию, — чтобы манипулировать своими пациентами и коллегами.

Лучше и я не смог бы сказать.

Когда больные не решаются последовать его совету, Хаус их оскорбляет и изводит до тех пор, пока они не сдаются. Когда Кадди не соглашается на то, чего хочет он, Хаус ее преследует и изматывает, пока та не уступает его требованиям.

Держись, девочка!

Когда Кэмерон, Форман и Чейз не оправдывают ожиданий Хауса во время сеанса дифференциальной диагностики, он накидывается на них с непристойностями расистского, сексистского и личного характера, чтобы у тех забурлила кровь и появились новые идеи.

Точно!

Каков результат этих манипуляций Хауса? Задача решена, жизни спасены, открытие в медицине сделано и...

И?

Больше не могу! Когда же ты это скажешь?

Что скажу?

Спиро Агню?[1] *Оксиконтин? Sexyback?*[2]

Когда же ты упомянешь дело Триттера — Триттергейт? Когда напомнишь мне, что манипуляции Хауса провалились, как только Триттер начал действовать?

В конце концов, когда Триттер направил внимание полиции на Хауса и его окружение, Хаус дошел до того, что даже викодин уже не мог нигде достать. После того как Триттер сумел наказать Уилсона, Кэмерон, Формана и Чейза, Хаусу стало намного сложнее крутить ими. Несмотря на всю свою изобретательность в поисках наркотиков и ме-

[1] Вице-президент США в правление Р. Никсона (1918–1996).
[2] «Sexyback» — песня Джастина Тимберлейка.

дицинские познания, ему не удается заполучить анальгетики даже от врача в приемном покое одной из больниц.

Что ж давай, говори! Скажи, что в конечном итоге манипуляции Хауса терпят неудачу, когда давление снаружи возрастает.

Хватит говорить моими словами! Ты большой жирный манипулятор, и ничего больше!

Чувствую, что меня опять использовали.

Несоблюдение правил и норм может иметь значение для жизни и смерти

Я уже знаю, что ты хочешь об этом сказать, внутренний Хаус.

Круто. Вали на меня.

Что бы я ни говорил, верх будет твой.

Да ладно. Дай мне еще шанс.

А смысл?

А почему нет? Мы же солдаты одной армии — армии «КИСС».[1]

Это же пустая трата ...

Я не такой гордый, могу и попросить, братишка.

Разреши. Пожалуйста?

Ладно, ладно.

В мире Хауса нормы и правила созданы для того, чтобы их нарушали. То тут, то там они встают на пути, когда он проводит неординарную диагностику или необычное лечение... но он их игнорирует почем зря.

Не испытывая уважения ни к каким авторитетам, кроме своего собственного, Хаус ненавидит правила и отбрасывает их не раздумывая. Он применяет методики, которые запрещены в больнице, а в ряде случаев и вовсе противозаконны.

А что в результате? Спасены жизни.

Эй, Скиппи. Ты прав.

В том, что преподал урок?

В том, что я снова одержал верх.

[1] «KISSArmy» — клуб поклонников американской рок-группы «KISS».

Во-первых, фокус «Он бунтарь» не удался.[1] *Большой жирный Хаус рушит правила, только если они стоят на его личном пути.*

Нужен викодин? Подделаем рецепт.

Диагноз поставил в тупик? Проведем незаконные тесты за спиной Барни Файфа.[2]

В противном случае — да здравствует статус-кво!

Но, по крайней мере, если он нарушит правило, его коллеги выиграют от этого, ведь так?

Подожди. Мои куклы-марионетки хотят сказать пару слов по этому поводу.

Что, Кадди? Устала ждать неприятностей из-за того, что Хаус все время нарушает правила?

Да, доктор Уилсон? Вы — что? Вы лишились практики и прошли через ад, потому что ваш приятель повздорил с копом?

Кэмерон? Форман? Чейз? Черт возьми. Кому понравится изо дня в день рисковать своей карьерой ради босса-наркомана?

Алло?

Скиппи, ты еще там?

Угу. Вот вам еще один урок от Хауса.

Применение принципов дифференциальной диагностики может помочь решить проблемы, стоящие на пути

Разве ты не хочешь об этом поговорить?

А смысл?

В том, чтобы получить удовольствие, ткнув меня носом, если ты прав.

Если меня разоблачишь — это ли не радость? Тогда любой пацан в округе будет счастлив сыграть с тобой в стикбол.[3]

[1] Песня «He's a Rebel» была хитом № 1 в 1962 году и № 263 в 2004 году.

[2] Барни Файф — шериф, вымышленный комический персонаж американской телепрограммы «Шоу Энди Гриффита».

[3] Упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

Хватит меня изводить, я устал. Теперь я понимаю, что чувствуют Форман, Кэмерон и Чейз.

Но они ведь не сдаются?

Хорошо, хорошо. Я поговорю — только чтобы избавиться от тебя.

Дифференциальная диагностика. Каждый раз, когда Хаус работает над каким-то делом, он применяет этот систематический метод, чтобы распутать медицинскую головоломку.

Работая в команде, он пишет список симптомов, обнаруженных у больного. Затем он перечисляет возможные причины. Методом исключения Хаус и его команда сужают список до наиболее вероятной причины, а потом применяют лечение, которое наилучшим образом воздействует на нее.

Самое поразительное во всем этом то, что сначала они обязательно несколько раз ошибаются, так что больной оказывается на грани смерти, а потом благополучно его излечивают.

Хаус применяет дифференциальную диагностику и тем спасает жизнь. Его систематический подход позволяет добиваться успеха в не терпящих отлагательства случаях, которые вызваны сложными и непредсказуемыми биологическими явлениями.

На латыни Хауса «систематический» метод означает метод «проб и ошибок», не так ли?

Нет, это не пробы и ошибки.

А что тогда? Я имею в виду тот метод проб и ошибок, когда догадка строится на знании реального положения дел.

У него же подготовка по симптоматологии, поэтому Хаус делает предположения и пробует различные способы лечения, пока ошибки не сведутся к нулю.

Как ты это назовешь? Метод проб и ошибок? Роджерса и Хаммерштайна? Рена и Стимпи?[1]

Ладно, хватит.

Твоя взяла.

[1] Ричард Роджерс и Оскар Хаммерштайн — американский дуэт песенников и авторы мюзиклов, в том числе «Звуков музыки»; американский мультсериал «Шоу Рена и Стимпи» известен своим низкопробным юмором.

Нет! Нельзя, чтобы идиот типа меня все испортил такому идиоту, как ты!

Докажи. Ты хочешь сказать, что дифференциальная диагностика — это прекрасная модель решения каждодневных проблем? Так?

Я же сказал, что ты победил. Сдаюсь.

Что? Подожди...

Ты прав. Хаус — не идеальный образец. Не надо брать с него пример, наоборот, надо всеми способами постараться быть на него непохожим.

Хаус всех запугивает, принимает наркотики, ненавидит людей. Он груб, высокомерен, он не признает равенства женщин и мужчин, он расист. Он — эгоистичный придурок, которому дела нет до чувств окружающих.

Его ничего не волнует, кроме самого себя и своего удовольствия. Он помогает пациентам только по той простой причине, что испытывает интеллектуальный трепет во время решения медицинских головоломок.

На доброту окружающих Хаус отвечает злом. Он платит презрением за дружбу, пренебрежением за уважение. Он ошибается, считая, что его гениальность и власть дают ему право быть вне закона и вести себя непорядочно.

Форман однажды сказал о Хаусе в серии «Обман» (2–9):

ФОРМАН:

Он анархист. Для него существует лишь одно право: присваивать все что хочешь и когда хочешь.

А как же те уроки, которые, как я говорил, может нам преподать Хаус? Они нам полезны?

Только не в том виде, в котором их преподносит Хаус.

Он считает, что если будет упрямым, циничным, безжалостно честным, станет использовать окружающих и не обращать внимания на то, что они думают, это поможет ему решать сложные медицинские проблемы и спасать жизни... но это ведет к тому, что его ненавидят, он вызывает отвращение, он одинок, ожесточен и холоден. Несоблюдение правил может сохранить жизнь... но оно также ведет к разрушению той системы, которая создана для защиты больных от произвола.

И принципы дифференциальной диагностики хороши только теоретически, поскольку они ведут к лечению по методу проб и ошибок, а таковое может стать причиной человеческих страданий и смертей, которых иначе можно было бы избежать.

Достаточно!

Хм.

Прекрати!

Радуйся! Я же с тобой соглашаюсь!

Ты все понял не так!

Звоню Доктору Рассеянному.[1]

Ты говоришь ерунду.

Я даю тебе шанс прижать Хауса с его диагнозом, а ты что делаешь?

Знаешь что? Мне, кажется, пора напечатать большое жирное слово «Конец» прямо сейчас.

Хаус бросает вызов окружающим людям.

Что?

Он бросает вызов окружающим людям. Пациентам, друзьям, коллегам. Он не дает им легкого выхода из положения. Это самое благородное, что он делает. И это лучший урок, который мы можем извлечь из поведения наркомана-калеки.

Минуточку. Ты хочешь сказать, что все-таки считаешь, что можно чему-то научиться у Хауса?

Так почему ты все мои идеи отвергаешь?

Дорогой Дневник. Сегодня мне приснился еще один сон, как будто я колочу детеныша тюленя. Когда я проснулся, я понял, что пытаюсь вдолбить какому-то идиоту мысль, которая понятна и тюленю.

Я хотел проиллюстрировать свою мысль. Я бросал вам вызов.

Но я не ...

Ох!

Вот это другой разговор!

Ясно.

[1] Сценический псевдоним рок-музыканта Алана Урбани.

Братья и сестры, позвольте рассказать вам Евангелие от Святого Грегори Хауса. Давным-давно существовала маленькая идеальная планета, на которой власть принадлежала не самодовольным, ленивым, глупым и нетерпеливым. Люди не жаждали моментальной славы и легкого успеха. Они не стремились найти легкие ответы и быстрые решения сложных проблем.

К сожалению, мы живем на планете, которая до странности отличается от той.

К счастью, есть Святой Хаус, который укажет нам путь.

Пора сказать «аминь»?

Легко от Хауса не отделаешься. Он подгоняет и себя, и свою команду до тех пор, пока они не превзойдут все ожидания и не преодолеют все преграды.

Примет ли он хоть что-нибудь на веру? Или будет ставить под сомнение каждую идею, предрассудок и заключение?

Давайте теперь вместе со мной: Скажите «В»!

Скажите «Ы»!

Скажите «ЗОВ»!

И получилось — «Действуй, рохля!»

Защищай себя или придумай что-нибудь получше. Докажи, что ты можешь быть полноправным участником. Еще лучше... бросить вызов ему в ответ.

Вот поэтому мы и собираемся вместе у экрана, чтобы стать гражданами мира Хауса. Не из-за его грубоватой внешности. Не потому что нам лень переключить канал после просмотра «Идола».[1]

А потому что мы понимаем: величие Хауса в том, чтобы пробудить лучшее в людях.

Всех, кто рядом, он подталкивает изменить существующее положение вещей, снаружи и изнутри... стремиться стать лучше, чем они есть... и не разрешать своим собственным страданиям мешать добиваться цели.

[1] Телешоу на телеканале *FOX*.

А это достойно того, чтобы мы одновременно сказали «аминь», «kajagoogoo» и «fo' shizzle».[1]

Вот это да!.

Убедил я тебя?

Еще как.

Иногда я сам себе удивляюсь, мой портрет уже давно пора напечатать на почтовой марке.

Нет, лучше на банкноте. Думаю, неплохо бы на...

Да, еще кое-что.

Угу.

Насчет того, что ты сказал.

Ты с чем-то не согласен?

Есть одна мысль, с которой я соглашусь.

Насчет вызова. Мне это понравилось.

А остальное?

Ты можешь и получше.

Роберт Т. Джешонек написал «Star Trek» («Звездные войны») для издательства «Pocket Books», рассказ, получивший национальную премию «Неизведанные миры VI». Он печатается в журналах и на сайтах, таких как «Postscripts» и «Abyss & Apex». Его книга комиксов вышла в «War, Commercial Suicide» и в ежеквартальном журнале «Dead by Dawn». Он работал на радио, телевидении, в отделе связей с общественностью, в настоящее время пишет для фирмы, выполняющей заказ военного ведомства. Посетите его страничку в Интернете www.robertjeschonek.com, чтобы узнать новости, познакомиться с литературными произведениями, а также *The Flog* — вымышленный блог, посвященный жанру фэнтези.

[1] «Kajagoogoo» — британская поп-группа, самая популярная песня которой называется «Слишком робкий»; «fo' shizzle» — табуированное выражение, имеющее два значения: sure — «конечно» и shit — «дерьмо».

Мозг Хауса, по крайней мере для большинства из нас, представляет собой загадку. Но то же самое в какой-то степени можно сказать обо всех врачах, которых мы видим в «Докторе Хаусе», и о тех, кому мы вверяем собственное здоровье в реальной жизни. Психологи Линда Хит, Линдсей Николс и Джонья А. Леверет обсуждают вопрос принятия решений в медицинской практике и прослеживают связь между тем, как ставит диагноз доктор Хаус и как это делает ваш семейный врач.

КАК МЫСЛИТ ХАУС

Линда Хит, Линдсей Николс и Джонья А. Леверет

Медицинские сериалы уже давно стали гвоздем телевизионных программ. В «Докторе Маркусе Уэлби», в «Скорой помощи» и в «Анатомии Грей» телевизионные врачи еженедельно борются с непонятными заболеваниями, от которых у нас стынет в жилах кровь. Нетрудно понять, почему медицинские сериалы так популярны. Как и детективные сериалы, они следуют определенной схеме: есть некая загадка, которую нужно разрешить в предельно сжатые сроки, появляются ключи к разгадке, герои ищут выход из тупика. Вместо вопроса «Кто это сделал?», который является главным в детективе, в медицинском сериале все крутится вокруг вопроса «Что это такое?». И как во всех хороших головоломках, ответ никогда не бывает очевидным, по крайней мере, к решению вопроса обычным путем не подобраться.

В пантеоне телевизионных врачей появился новый герой, доктор Грегори Хаус — из одноименного сериала. Но личность этого героя отдаляет его от в высшей степени искренних, добрых и иногда слащавых

врачей, которых мы видим в большинстве фильмов на эту тему. Хаус груб, саркастичен, агрессивен, он с пренебрежением относится к больничным правилам и порядкам. Его характер высвечен на фоне других врачей — идеалистки Кэмерон, пекущемся о собственных интересах Чейзе, честолюбце Формане. И все вместе они каждую неделю диагностируют и лечат редкие и сложные заболевания.

Понятно, что это не является точным изображением типичной рабочей недели типичного врача. Реалистичные картинки того, что происходит в больнице, вряд ли привлекли бы нас к экранам телевизоров. Больничные телесериалы, где все строится на том, что нам показывают больное горло, а потом выясняется, что это стрептококковая ангина, или тошноту, причиной которой является беременность, столь же мало интересны, как детективные сериалы, в которых преступником вечно оказывается дворецкий (или супруг/супруга). Не многим из нас довелось столкнуться с врачом настолько неприветливым и одновременно талантливым, как Хаус (или даже со столь добрым, как Маркус Уэлби). Поэтому болезни и герои в медицинских сериалах в силу необходимости нетипичны и надуманны. Но реалистичны ли показываемые нам методы диагностики? И так ли действуют настоящие врачи, как герои «Доктора Хауса»? Как Хаус *мыслит*?

Недавно вышедшая книга врача Джерома Групмана «Как думают врачи» показывает нам подлинный процесс принятия врачебных решений, основанный на его собственной практике и беседах с коллегами, во время которых обсуждались реальные медицинские случаи. Его выводы хорошо укладываются в литературу по психологии принятия решений. Как он заключает, реальные врачи пользуются стереотипами, схемами, они в своих рассуждениях идут наикратчайшим путем и прибегают к интуиции, а также к формальным логическим построениям, которым учат в медицинских вузах. В телевизионной версии Хаус и его коллеги в учебной больнице Принстон-Плэйнсборо активно пользуются методом дифференциальной диагностики, излагая свои идеи на классной доске. Но прибегают ли они к тем путаным и более человечным схемам, которыми пользуются настоящие врачи? Действительно ли в этом мире выдуманных героев и странных заболеваний Хаус принимает решения так, как это происходит на самом деле?

Метод диагностики, используемый Грегори Хаусом, в медицинском мире известен под названием «погоня за зеброй». Этот термин происходит от популярного среди студентов-медиков выражения «Когда слышишь топот копыт, знай, что это кони, а не зебры». Смысл выражения состоит в том, что, выбирая ответ на вопрос, прежде всего нужно подумать о типичном, а потом уже о чем-то необычном. Хаус *охотится за зебрами* в том смысле, что ищет в заболевании что-то необычное, а такого таланта больше нет ни у кого (по Групману, врачей, не имеющих этого дара, иногда презрительно называют «пустобрехами»).

В сериале хорошо показано раздражение врачей по отношению к *охотникам за зебрами*, особенно среди администраторов, которые высказывают недовольство необходимостью проведения дорогих анализов, чтобы найти «зебру». Доктор Кадди упрекает Хауса в том, что тот постоянно ищет нестандартные решения: Хаус подозревает какие-то редкие заболевания, сложные случаи в том, что на самом деле совершенно обычно или, как она говорит словами Хауса, скучно. В реальном мире врач, рутинным образом диагностирующий ленточного червя на основании головной боли, вряд ли был бы очень популярен или добился бы успеха, потому что такие заболевания, как ленточный червь, редки по определению. Но на телевидении редкие заболевания являются нормой. Далее, Хаус и команда его великолепных диагностов выходят на сцену только тогда, когда чуют что-то неординарное, «зебру». А Хаус умудряется найти такую «зебру» даже в том, что не относится к медицине: одна женщина обратилась в больницу по поводу того, что она приняла за сыпь, но Хаус установил, что в действительности с этой женщиной во сне занимались сексом, о чем она даже не догадывалась.

Хаус и его помощники являются отражением принятия решений в реальной медицине и в том, как в диагностике используют *стереотипы*. В «Историях» (1–10) Форман отказывается принять в больницу бездомного, поскольку, согласно стереотипу в отношении бездомных, тот якобы пытается смошенничать, чтобы в больнице просто переночевать. Подобным образом в серии «Детоксикация» (1–11) диагноз подростку был изначально (и ошибочно) поставлен в силу стереотипного представления о подростках, употребляющих наркотики ради забавы. В серии «Папенькин сыночек» (2–5) используется стереотипное пред-

ставление о пьянстве среди подростков, что явилось причиной неправильного диагноза заболевания выпускника Принстонского университета, страдающего конвульсивными припадками. В «Докторе Хаусе» ошибочные диагнозы, основанные на стереотипах, часто используются для того, чтобы еще больше запутать зрителей по поводу загадочной болезни, причем лабораторные тесты или новые и противоречивые симптомы быстро доказывают их ошибочность.

В действительности неправильно поставленные диагнозы, основанные на стереотипах, с трудом поддаются коррекции. Раз диагностика пошла по неправильному пути, то врач, поставивший такой диагноз под воздействием стереотипа, а также второй и третий врач, к которому обращаются за консультацией, часто продолжают идти в неверном направлении. Групман описывает случай, когда одна молодая женщина несколько лет испытывала рвоту после принятия пищи. Первый ее врач определил булимию и направил женщину на лечение у психиатра. Несмотря на решительные заверения женщины в том, что она сама не пыталась вызвать рвоту, повторные осмотры врачей и результаты лабораторных анализов подтвердили изначальный диагноз булимии. Он и послужил основной для формирования общей картины заболевания. На основе диагноза первого врача все последующие подтверждали неверный диагноз: раз у нее симптомы булимии, значит, у нее булимия.

Лишь спустя пятнадцать лет, после многочисленных консультаций, врачи смогли наконец оторваться от схемы, созданной в результате первоначального диагноза, и правильно установить проблему — целиакию — которая вызывала у женщины рвоту после употребления в пищу глютена.

Одна из причин, по которой так трудно поставить правильный диагноз при первичном осмотре, заключается в том, что настоящие врачи (и прочие настоящие люди, а не актеры) оказываются жертвой того, что психологи называют «склонностью к подтверждению собственной догадки». Многочисленные исследования по психологии свидетельствуют о том, что когда мы пытаемся решить проблему или принять решение, мы скорее склоняемся к той информации, которая подтверждает наши догадки, нежели к той, которая их опровергает.

Например, если нам нужно узнать, действительно ли кто-то работает санитаром в больнице, мы скорее спросим, работает ли этот человек в больнице, чем работает ли этот человек на заводе, так как маловероятно, что человек, работающий на заводе, является санитаром. Если человек работает в больнице, он может быть санитаром, врачом, может разносить еду больным или выполнять массу других функций. Следовательно, тот факт, что человек работает на заводе, явно свидетельствует о том, что он не санитар, тогда как факт работы этого человека в больнице может говорить в пользу того, что, возможно, он санитар. Дело еще более усложняется тем, что такая склонность подтверждать свою догадку, или, как ее называет Групман, «когнитивный сбор вишни» (65), заставляет нас не только искать подтверждение догадки в ущерб ее проверке, но и способствует тому, что мы склонны запоминать именно первое и не думать о противоположном мнении. В примере, который приводит Групман, врачи оказались жертвой склонности к подтверждению догадки, в симптомах и в данных лабораторных анализов они стремились найти подтверждение диагноза булимии, несмотря на упорные заявления женщины, что сама рвоту не вызывала. Но даже этот последний факт был интерпретирован как признак булимии, поскольку отрицание того, что больной сам пытается вызвать рвоту, часто характеризует это заболевание.

Являются ли жертвами склонности к подтверждению догадки врачи в «Докторе Хаусе»? Обычно сам Хаус такой ошибки избегает в силу большого неверия в диагностические способности других врачей и в силу полной уверенности в своих собственных способностях. К примеру, в серии «Меня не реанимировать» (1–9) некий легендарный джаз-музыкант попадает в больницу в Принстон-Плэйнсборо с диагнозом амиотрофического латерального склероза и пишет заявление о том, чтобы в чрезвычайном случае его не реанимировали, поскольку он не хочет медленно и мучительно умирать от этого заболевания. Хаус проигнорировал этот документ и впоследствии поставил музыканту диагноз болезни, которая излечима. Очевидно, что Хаус не поддался на ложную схему заболевания, которую ему подсовывали его коллеги, но... он становится жертвой склонности к подтверждению собствен-

ных догадок, когда стереотипы направляют его по пути неверного диагностического решения.

В серии «Охота» (2–7) Хаус убежден, что у его соседа не СПИД, а какая-то условно-патогенная инфекция, и этот случай Хаус неоднократно называет «скучным». Но когда дело касается диагнозов, сделанных под влиянием стереотипов, такие ошибки быстро становятся очевидными в результате анализа симптомов и лабораторных тестов. Они позволяют Хаусу двигаться дальше в поисках правильного решения (в случае с мнимым больным СПИДом это было редкое заболевание, которое больной получил, охотясь со своим отцом на лис).

В «Обмане» (2–9) на протяжении всей серии нам показывают, к чему приводит ошибка, вызванная нежеланием проверить свою догадку, хотя эту ошибку допустили помощники Хауса, а не он сам. В больницу попадает женщина с судорогами, которую Хаус заприметил у букмекерской конторы. Быстро установили, что женщина в течение нескольких лет находилась под наблюдением врачей по поводу различных заболеваний, была неоднократно госпитализирована с различными, якобы не связанными между собой, диагнозами. Некоторые врачи были убеждены, что у нее синдром Мюнхгаузена – психическое расстройство, при котором люди намеренно изображают заболевание, чтобы привлечь к себе внимание. Кэмерон даже провела тест на подтверждение этого диагноза, оставив лекарства в палате, и тест сработал. У женщины действительно был синдром Мюнхгаузена. Но у нее было и другое, серьезное заболевание, от которого она могла бы умереть, не вмешайся Хаус и не устрой так, чтобы ее повторно госпитализировали. Прочие врачи настолько уверились в первичном диагнозе, что им было невдомек, что у больного может быть другое заболевание, никак не связанное с первым.

Эпизод с синдромом Мюнхгаузена иллюстрирует также еще один процесс принятия решений, именуемый «решением, удовлетворительным в достаточной степени». Исследования по психологии показывают, что для принятия многих типов решений люди напрягают мозг, пока не примут решение, «достаточно хорошее» и «удовлетворяющее их». Такой вариант в определенной степени соответствует нуждам окончательного решения, в результате чего поиск других вариантов решений

прекращается. Такой подход приемлем, если вы выбираете в магазине кетчуп, для этого проводить обширное исследование не нужно, равно как не нужно взвешивать абсолютно все «за» и «против». Даже совершая дорогую покупку, такую как автомобиль, покупатели редко прибегают к доскональному исследованию каждого варианта. Им просто нужен автомобиль, который в достаточной степени удовлетворял бы их критериям. Как отмечает Групман, при постановке медицинского диагноза «решения, удовлетворительного в достаточной степени» может оказаться недостаточно. Для правильного лечения нужно найти единственно верную причину заболевания. Это не означает, что мы полностью должны отказаться от «решений, удовлетворительных в достаточной степени», в особенности в таких областях, как экстренное оказание медицинской помощи, где решение нужно принимать немедленно. Такой метод зачастую оказывается необходимым, но он неоптимален.

Принятое решение, удовлетворительное в достаточной степени, – это еще одна область, в которой врачи, показанные в сериале, отличаются от настоящих врачей. В жизни симптомы не укладываются в аккуратную схему. Шестнадцатилетний сын одного из авторов данной статьи разбил машину родителей (как это имеют обыкновение делать подростки) и получил порез нижнего века. Магнитно-резонансная томография, сделанная в отделении неотложной помощи на предмет повреждения костей, показала наличие чего-то постороннего в глазнице, и врачи сначала решили, что это фрагменты хряща, разбитого при ударе. Последующее обследование показало, что у парня незначительная носовая инфекция, начавшаяся еще до того, как он ударился головой о руль. Предположение врачей, основанное на результатах магнитно-резонансной томографии области ушиба о руль, было правильным. К счастью, врач не удовлетворился только этим предположением, а проконсультировался с другим врачом, в результате чего больной обошелся антибиотикотерапией, а не операцией.

У ребенка с содранной кожей на коленке и больным горлом наверняка две не взаимосвязанные проблемы, поэтому предлагаются два диагноза, удовлетворительные в достаточной степени, или укладывающиеся в данную симптоматику. Однако на телевидении в центре вни-

мания каждый раз оказываются необычные результаты или симптомы, которые чаще всего и приводят к правильному диагнозу. А в «Докторе Хаусе» симптом, который не укладывается в обычную схему, это не какой-то несущественный признак, а основной, свидетельствующий о том, что обычные методы диагностики здесь не работают и что данное заболевание — это какая-то редкая патология, вызванная, к примеру, бактериями, разъедающими плоть.

Стратегия, к которой прибегают Хаус и его коллеги при принятии решений, — это *классная доска*, используемая в ходе дифференциальной диагностики. В каждой серии мы видим, как они пишут на ней разные варианты и симптомы, что-то удаляют по мере поступления результатов анализов или появления новых симптомов. Такой подход — это вариант того, чему, по данным Групмана, сейчас учат в большинстве медицинских вузов. Студентов-медиков обучают анализу *вариантов* при постановке диагноза, что Хаус и его коллеги применяют сплошь и рядом. В серии «Все включено» (2–17) у мальчика обнаруживаются те же симптомы, что и у женщины по имени Эстер, которая была пациенткой Хауса двенадцать лет назад и которая умерла. Хаус отверг диагноз Кадди, которая решила, что это гастроэнтерит, и собрал свою команду, чтобы проанализировать диагноз, который он поставил умершей больной двенадцать лет назад. Несколько первых предположений были отброшены, поскольку такие симптомы не характерны в равной степени для взрослых и детей. Другими словами, была рассмотрена возможность конкретных симптомов у конкретных больных. Кадди высказала предположение, что «это просто боль в желудке», но такие аргументы Хаус, как правило, отметает, поскольку для него важен конкретный больной, а не статистическая вероятность. Современных студентов-медиков учат чаще прибегать к теории вероятности, нежели мы это видим в «Докторе Хаусе». Как пишет Групман, современные врачи и страховые компании охотно принимают решения на основе сравнения вариантов и возможностей. Но Хауса статистические возможности не только не впечатляют (т. е. лошади, а не зебры), но и интересы страховых компаний его не интересуют, что мы видим из того, как он не торопится заполнять всякие бумаги и документы.

Еще один современный способ принятия решений, которому учат в медицинских вузах, — это *анализ с помощью метода древа решений*. Групман пишет, что страховщики очень часто прибегают к этому методу, так как он позволяет сделать научно обоснованный вывод в ходе диагностики и лечения. Врач, пользующийся этим методом, начинает с одного симптома, к примеру им может быть больное горло, и дальше основывает решения на ответах «да» или «нет» на вопросы вроде «Лимфатические узлы увеличены?» или «Кто-то в вашей семье или из коллег имеет подобные симптомы?». Групман и другие врачи старой школы не являются поклонниками такой механической зубрежки; они сожалеют об утрате целостного подхода при диагностике заболевания, которому в свое время учили их. Хотя врачи в «Докторе Хаусе» исключают возможные диагнозы, отмечая контриндикаторы, присутствующие в древе решений, они не принимают такую заранее заготовленную формулу диагностики, в частности, потому, что случаи, с которыми они сталкиваются, столь редки, что анализ методом древа решений для них просто непригоден.

А что же более пригоден интуитивный, *холистический подход* к диагностике, которым пользуются многие врачи на практике? Это, несомненно, сильная сторона Хауса, о чем свидетельствует эпизод, в котором он освободил койки от больных за пять минут до окончания работы, поставив несколько диагнозов, основываясь исключительно на внешне несущественных факторах. Интуиция, которая порой обманывает (некоторые врачи называют ее *зрительным тестом*, Групман: 22), является ведущим фактором во многих случаях, когда Хаус ставит диагноз. Учитывая, что Хаус играет роль опытного диагноста, это телевизионное представление в действительности соответствует реальному положению вещей. Исследования показали, что опытные врачи приходят к заключению по поводу болезни в течение двадцати секунд с начала осмотра больного, но не объясняют, как они это делают. Опытные специалисты в различных областях знаний демонстрируют такую способность (они знают или владеют некоей схемой), но не могут объяснить, каким образом приходят к заключению. Вот почему опытные специалисты чаще всего не лучшие мастера учить других путем объяснений: они не способны анализировать или описывать мыслительный процесс, приводящий к тому или иному решению.

5 № 3091

Интуитивный, холистический и невероятно быстрый способ, с помощью которого Хаус ставит диагноз, очень подходит для телевидения, где необходимо установить причину болезни и вылечить ее за сорок пять минут за вычетом времени на рекламные паузы. В жизни, однако, скорые решения не обязательно оказываются правильными. «Решения, удовлетворительные в достаточной степени», скорые умозаключения, иначе называемые *эвристическими*, хороши для повседневной жизни и для решения вопросов бытового плана. Но в более серьезных делах этого недостаточно.

Возьмем, к примеру, *эвристическое сравнение*, быстрое умозаключение, в результате которого люди классифицируют окружающий мир и вещи согласно тому, как они соответствуют некоему типичному случаю или прототипу (см. Аронсон и др.). Отвечая на вопрос, на кого больше похож Барак Обама, на кандидата в президенты или на фермера, подсознательно обращаешься к прототипам (образам) кандидатов в президенты и фермеров. Для меня прототип фермера — это некто мужского пола, физически сильный человек, в синих джинсах и, если он успешно закончил школу, то продолжил учебу в сельскохозяйственном вузе. Прототип кандидата в президенты — это мужчина, умеющий хорошо говорить, в костюме, выпускник университета из Лиги плюща.[1] На этом основании я заключаю, что Барак Обама больше соответствует образу кандидата в президенты, чем образу фермера.

Понятно, что прототипы отнюдь не всегда соответствуют истине. Женщины также могут быть фермерами и кандидатами в президенты. А некоторые кандидаты в президенты и даже сами президенты не умеют говорить. Но сравнение предмета с прототипом часто может привести нас к правильному выводу, а ошибочный вывод мало стоит, если дело касается чего-то незначительного. К примеру, если мне нужно определить вкусовые качества нового печенья, я это делаю, сопоставляя новое печенье с прототипом вкусного печенья (к примеру, шоколадного или крекера) и делаю вывод, который обычно правилен. Если я ошибаюсь, то цена ошибки — это всего лишь стоимость печенья. В медицине потенциальная цена эвристической ошибки гораздо выше,

[1] Лига плюща — несколько самых престижных американских университетов, к примеру Гарвардский университет или Принстонский.

но как таковой эвристический подход иногда необходим. Групман и Скроскерри считают, что эвристический подход является частью медицинской диагностики, и этот подход особенно полезен в ситуациях, где время для принятия решения ограничено, как, например, в операционной.

Хаус и его коллеги по сериалу также часто прибегают к эвристическим сравнениям. В Серии «Спортивная медицина» (1–12) Хаус лечит молодого, сильного профессионального игрока в бейсбол. Поскольку в сознании Хауса прототип «сильного профессионального игрока в бейсбол» сопряжен с понятием «принимает стероиды», он упорно считает причиной заболевания стероидные препараты, даже несмотря на то что сам больной и его жена факт приема этих препаратов отрицают. До некоторой степени этот случай похож на реальную ситуацию с женщиной, которой ошибочно поставили диагноз булимии, за исключением того, что поскольку это «Доктор Хаус», то выясняется, что больной врал и что он за пять лет до этого принимал стероиды. (Конечно, в действительности болезнь спортсмена была вызвана другим препаратом, о чем он также солгал, — марихуаной.)

Еще один эвристический фактор, который часто приводит нас к неким выводам, это фактор *наличия* — короткое умозаключение, к которому люди приходят в результате наличия конкретных примеров, которые им быстро приходят на ум (Тверски и Канеман). Как можно быстрее придумайте английские слова, начинающиеся с буквы «R». А затем также как можно быстрее придумайте слова, в которых буква «R» стоит на третьем месте. Что для вас оказалось проще, «R» в начале слова или на третьем месте? Следует ли из этого вывод, что в языке больше слов, начинающихся с «R», чем слов, где «R» занимает третью позицию? Большинство считают, что так оно и есть, потому что им легче придумать слова, начинающиеся с «R». Но на самом деле буква «R» чаще встречается во втором варианте, поэтому *фактор наличия* в данном случае не срабатывает.

Эвристический фактор поиска того, что в первую очередь приходит на ум (фактор наличия), как правило, приводит к правильным ответам. Например, чтобы узнать, играет ли такой-то подросток на виолончели или же на игровой приставке, вам нужно представить всех известных

вам подростков, играющих на виолончели, и сравнить это количество с количеством подростков, сидящих за игровой приставкой. Возможно, вам удастся прийти к правильному решению. Опасность эвристического подхода подстерегает вас тогда, когда ситуация оказывается нетипичной. Если бы вам пришлось принимать решение по поводу ученика в художественной школе для одаренных детей, эвристический фактор мог бы увести вас в ложном направлении. Но если бы вам приходилось постоянно общаться с учениками из художественной школы, вам гораздо легче было бы вспомнить виолончелистов, чем любителей игровых приставок, а это уже привело бы вас к неверному решению по поводу количества тинейджеров по сравнению с населением в целом.

Врачи в действительности пользуются эвристическими факторами в ходе постановки первичного диагноза. К примеру, в некоторых университетских клиниках каждая студентка, обращающаяся по поводу тошноты, должна пройти тест на беременность, — даже в том случае, если, по ее словам, она не живет половой жизнью. Вряд ли к таким анализам прибегнут врачи, имеющие дело главным образом с пациентками среднего возраста, поскольку в этом случае результаты показали бы скорее заболевание гриппом, а не беременность. Это еще один показатель того, как вероятностные факторы вклиниваются в процесс постановки диагноза (хотя использование принципа эвристического наличия происходит на подсознательном уровне). Когда врачи ставят диагнозы, основываясь на неясных, необъяснимых внутренних ощущениях, это является показателем того, что фактически включилось эвристическое сознание. А поскольку на него наслаивается некий фон или ситуация, то, когда обнаруживается, что интуиция подвела, начинают обвинять этот эвристический фактор, по крайней мере, на него перекладывают часть вины.

В серии «Детки» (1–19) Хаус доказал, что он может в равной степени пользоваться эвристическим методом или отбрасывать его, как это произошло, когда в некоей школе произошла вспышка менингита и одних учеников начали лечить, а других вакцинировать. Из сотен учеников и посреди всеобщего смятения Хаусу удалось найти одного с симптомами похожими, но не идентичными симптомам менингита.

Общим для всех способов принятия решений, которые мы рассмотрели выше, является то, что с их помощью можно найти правильный ответ в типичной ситуации. Но в ситуациях нетипичных правильная диагностика строится на *выходе за пределы обычного*. Хаус в этом явно преуспел, его больные должны порадоваться, поскольку их заболевания типичными не назовешь. В серии «Тяжесть» (1–16) десятилетний подросток, страдающий ожирением, переносит инфаркт. Первоначальные диагнозы строились на попытке определить заболевания, вызванные ожирением, но результатов это не дало. Наконец Хаус перевернул все с ног на голову и начал думать о заболеваниях, которые могли бы сами вызвать ожирение. И только после этого врачи смогли определить у больного синдром Кушинга — настоящую причину ожирения и сердечной патологии.

И наконец, пытаясь понять процесс принятия решения врачом, важно уяснить, что никто не принимает решения изолированно. Групман говорит о «неуправляемой буре», в эпицентре которой находятся врачи, особенно врачи-реаниматологи, и утверждает, что они могут найти «тихую гавань» в чрезмерно уверенном сознании и «культуре конформизма и ортодоксальности, которая берет истоки в медицинских вузах» (Тверски и Канеман: 153). Врачам приходится принимать решения быстро, на основании недостаточной или противоречивой информации, а это может приводить к глубокому ощущению уязвимости и отсутствия контроля над ситуацией. Чтобы справиться с этим, врачи зачастую допускают крайнюю самоуверенность, считая, что пусть не все их решения будут правильными, но большинство будут именно такими. Помимо этого, некоторые врачи прячутся за белыми халатами и усердно следуют тем заповедям, которым их учили в вузе; если они ошибаются, то ошибаются по старинке. У Хауса, несомненно, есть та сверхуверенность в себе, которой обладают многие врачи, он решительно отвергает любой конформизм и ортодоксальность, будучи убежденным в том, что поступает правильно. Но его суперэгоцентризм и неортодоксальность окупаются. В конце концов, он охотится за зебрами в кино.

Линда Хит, профессор психологии в Университете имени Лойолы в Чикаго. Она преподает и занимается проблемами влияния массовой информации, методологией, психологией и юриспруденцией. Она получила степень магистра и кандидата наук в университете Нортвестерн. В области социальной психологии имеет диплом бакалавра, полученный в Государственном университете Огайо.

Линдсей Николс получила диплом бакалавра в Университете Флориды, где она изучала психологию, английский язык и риторику. В настоящее время она пишет магистерскую работу в области прикладной социальной психологии в Университете имени Лойолы в Чикаго. Она планирует продолжить научную работу в этом же университете и защитить диссертацию. Ее планы связаны с наукой, преподаванием и исследовательской работой.

Джонья А. Леверет окончила Университет в Джорджии и получила диплом историка искусств. Работала юридическим консультантом, а затем занялась диссертацией по социальной психологии в Университете имени Лойолы в Чикаго. Она работает над диссертацией уже второй год. К ее научным интересам относятся вопросы манипуляции и эффективности средств массовой информации и пропаганды.

Источники

Aronson, Elliot et al. *Social Psychology.* 5th ed. New Jersey: Upper Saddle River, 2005.

Croskerry, Pat. «The Cognitive Imperative: Thinking About How We Think.» *Academic Emergency Medicine* 7 (2000): 1223–1231.

___. «Achieving Quality in Clinical Decision Making: Cognitive Strategies and Detection of Bias.» *Academic Emergency Medicine 9* (2002): 1184–1204.

Groopman, Jerome. *How Doctors Think.* Boston: Houghton Mifflin Co., 2007.

Tversky, Amos and Daniel Kahneman. «Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases.» *Science* 185 (1974): 1124–1131.

Понимать, как мыслит Хаус, не значит понимать, почему он мыслит так здраво. Нэнси Франклин, специалист в области когнитивной психологии, делится некоторыми соображениями относительно того, почему теории Хауса более соответствуют действительности, чем наши собственные.

БРАВО, ХАУС!

Почему они лучше других?

Нэнси Франклин

Узнайте неприятную новость: когда вам плохо, но вы сумели добраться до больницы, это не означает, что вы попадете в руки таких же талантливых врачей, каких мы видим в «Докторе Хаусе». В действительности если вы отправитесь в учебную больницу, то, скорее всего, окажетесь в руках ординатора, недавно закончившего медицинский вуз и еще не достигшего пика своих диагностических способностей. Добавьте к этому, что вас может прихватить в июле или в августе, то есть когда ординаторы впервые приступают к работе в качестве полноправных врачей, и тогда молитесь Богу, чтобы у вас было что-то несерьезное и легко поддающееся лечению.

Но даже если вас будет осматривать опытный врач, не расслабляйтесь. Ошибки в диагностике по-прежнему составляют 10–15%, причем во многих случаях мы имеем дело с простым заболеванием по сравнению с тем, что вы видите в «Докторе Хаусе» (Элштейн). Ошибки, которые могут приводить к отсрочке или неправильному лечению либо лечению, которое может вызвать побочные заболевания, занимают второе место в рейтинге побочных эффектов (Бреннан и др.). Неуди-

вительно, что диагностические ошибки стоят на втором месте среди причин, по которым на больницы подают в суд за халатность, и на первом — по обращениям в суд с жалобами на то, с чем больные сталкиваются в отделениях рентгенодиагностики, патологии и экстренной помощи (Бартлет). Разумеется, исход таких судебных исков далеко не в пользу медицинских учреждений.

Как вы могли заметить, если изучали логику или теорию вероятности, люди, даже самые толковые, не рождаются со способностью критически мыслить. То, как мы принимаем решения и решаем проблемы в повседневной жизни, как правило, не имеет ничего общего с логикой. Причем удивительно, что в итоге у нас все получается так, как надо. Поэтому должны же быть какие-то принципы, руководящие нашим мышлением. Психологи-когнитивисты Дэнни Канеман и Эймос Тверски впервые продемонстрировали это в своей работе, за которую получили в 2002 году Нобелевскую премию.

Реальность такова, что во многих ситуациях, когда нужно принять решение, мы просто не можем прибегнуть к логике. Нужно действовать немедленно, тотчас, не тратя время на поиск правильного ответа. Или же бывает так, что у нас недостаточно информации, чтобы включить математический алгоритм, который приведет к правильному решению. Понятно, что врачи оказываются в такой ситуации всякий раз, когда к ним приходит кто-то с некоторым набором симптомов. Ставя диагноз, они пытаются определить самый вероятный из всех возможных. А как они определяют, что наиболее вероятно, имея ограниченную информацию?

Как пишут в своей статье Линда Хит, Линдсей Николс и Джонья А. Леверет, Тверски и Канеман обнаружили, что люди при анализе вероятного прибегают к помощи *эвристической оценки наличия* чего-либо. Если им на ум приходят примеры конкретного результата, они (включая врачей) могут заключить, что таких-то результатов много и что, следовательно, такой-то результат наиболее вероятен. Эвристическая оценка наличия — это великолепный, быстрый, не требующий затрат способ получить рациональную оценку, поскольку обычно частота некоторого явления действительно коррелирует с количеством примеров, которые вы можете привести за ограниченный период времени. Но, как пишет Линда Хит, этот способ может привести и иногда действительно приводит к неправильному ответу.

Увы, врачи принимают решения так же, как и все остальные люди. У них может быть хорошее образование, они внимательны, но они не избавлены от ловушек человеческого сознания, в которые попадаем все мы. Врачи обычно ищут самое вероятное (в научном языке «рациональное») объяснение симптомам заболевания. Ну и хорошо, это разумный подход. Но объяснение, которое всплывает из памяти в первую очередь, не всегда самое вероятное. Врачи пользуются этим эвристическим методом, не осознавая (как не осознаем и мы), что то, что оказывается в наличии в первую очередь, может привести к диагностическим ошибкам (Групман).

Склонность подтверждать собственную догадку, не проверяя ее (хорошо известное явление человеческого сознания) может привести к ложным умозаключениям как в обычной жизни, так и в области медицины; отвергать альтернативы так же неправильно, как и собирать доказательства в пользу одной-единственной гипотезы. Врачей учат в медицинских вузах, но врачи — такие же люди. Вовсе не обязательно, что именно их особые знания ставят их выше других и заставляют искать подтверждение тому, что они правы. Проблема гораздо серьезнее: они не могут выйти за рамки механизма человеческого сознания. По крайней мере, большинство не может. К счастью для нас, не таков доктор Хаус.

Когда Кэмерон предположила, что у больной синдром Мюнхгаузена, а Хаус сказал, что виной всему опухоль, которая давит на зрительный нерв, и тот и другой начали обвинять друг друга в проталкивании собственной теории. Если это так, то такие обвинения оправданны. Но снова и снова мы видим, что Хаус готов рискнуть жизнью больного, чтобы исключить прочие альтернативы ради одной, которая кажется ему правильной. (В этом, несомненно, есть свои проблемы. Даже лучшие врачи имеют дело с загадками и решениями, которые по своей сути вероятностны и не могут быть правильными на 100%, поэтому всегда есть риск неправильного диагноза.) Но у Хауса такой послужной список, которого нет ни у кого, и, в конечном счете, это телевидение. Поэтому мы можем быть уверены, что он не убьет больного в серии

«Детоксикация» (111), когда использует мендрол, чтобы исключить возможность гепатита Е.

Хаус, открытый всем

Кажется, что каким-то чутьем Хаус постигает когнитивную значимость мысленной расшифровки трудной проблемы. Классический пример этого можно взять из литературы, посвященной решению проблем: монах отправляется в путь по горной тропе в пять утра. Он передвигается с разной скоростью, иногда делает остановки, любуется пейзажем, иногда идет быстрым шагом, а иногда еле волочит ноги. К храму на вершине горы он добирается в тот же день в пять вечера. Весь вечер он постится и молится, а наутро в пять утра начинает обратный путь вниз. И снова он продвигается с разной скоростью, но возвращается в пять вечера. Вопрос: есть ли на его пути точка, где он оказывается в первый и во второй день в одно и то же время? Можно решить эту задачу с помощью бесчисленного количества уравнений с несметным числом неизвестных, но вы тут же поймете, что это ни к чему не приведет. А можно представить, как он бредет по тропе в гору в интервале с пяти утра до пяти вечера, наложив на этот мысленный образ второго монаха, который начинает движение вниз в промежутке между пятью утра и пятью часами вечера. Вы не знаете наверняка, в какое время или в каком месте произойдет их встреча, но поскольку движение вверх и вниз происходит в одной временно́й рамке, должна быть какая-то точка встречи двух монахов. Да, конечно, есть точка, которую монахи достигнут в одно и то же время. Задача, которая невероятно сложна, если ее решать математически, становится донельзя простой, если ее представить графически.

Где мы видим Хауса, меняющим образ мыслей? Представьте больного с афазией, который говорит: «Я не мог справиться с медведем! Они забрали мое пятно!» (серия «Невозможность общения», 2–10). Сможете ли вы понять, что у этого больного биполярный синдром и что он перенес операцию на мозге? А если сестра Августина заявляет, что внутри нее Бог (серия «Если сделаешь, то будешь проклят», 1–5), придет ли вам в голову, что причиной ее заболевания является внутриматочное устройство из меди, которое ее отравляет? Вы считаете, что вы в состоянии спонтанно установить некую связь между купанием в фонтане после пробежки и вызывающим беспокойство диагнозом больного, прикованного к инвалидному креслу, который попытался съехать в бассейн, потому что дисфункция гипоталамуса привела к нарушению температурной регуляции тела (серия «Смысл», 3–11)? Или можете тут же понять, что у больной, не чувствующей боли, в кишечнике находится червь длиной в 25 футов, причем эта мысль приходит вам в голову только потому, что Уилсон обвиняет вас в том, что вам доставляет удовольствие издеваться над другими (серия «Бесчувственный», 3–14)? Пусть так, но вы лжете. Давайте признаем, что ни вы, ни я не обладаем таким творческим мышлением, как Хаус.

Именно творческое мышление помогает ему избегать слишком быстрого решения. Редкий врач проводит полную дифференциальную диагностику, основываясь на симптомах, результатах анализов, на том, что написано на классной доске, или на том, что не написано (Грабер, Франклин и Гордон). Как правило, врачи быстро приходят к заключению (к примеру, при наличии признака, подтверждающего их первую догадку) и считают, что дело сделано. Если у вас ум не такой гибкий, как у Хауса, или если ваши познания в медицине не так обширны, вы, прежде всего, менее способны на такую дифференциальную диагностику. Но наш самоуверенный Хаус к тому же обладает недюжинной восприимчивостью, он максимально использует поступающую информацию. Даже когда он уже чуть было не вскрыл живот авиапассажира, заподозрив его в том, что тот перевозит в желудке кокаин, он продолжает наблюдение. Он заметил, что этому пассажиру стало легче, когда нажали на суставы, и понял, что этот мужчина занимается подводным плаванием и что в действительности он страдает от декомпрессии (серия «В воздухе», 3–18).

Поаплодируем Хаусу (хоть немного)

В действительности самые счастливые моменты Хаус переживает, когда его подчиненные критикуют его мнение и предлагают свое, что заставляет его думать о всевозможных вариантах еще более критически.

Если многим руководителям это не по вкусу, то Хаус требует, чтобы было именно так. Похоже, он откуда-то знает о недостатках *группового мышления* — термин, использованный психологом Ирвингом Дженисом применительно к давлению, которое испытывали советники Джона Кеннеди, когда их призывали прислушаться к мнению большинства по поводу стратегии в Заливе Свиней.[1] Когда люди видят потенциальные проблемы и то, как они решаются, но не выражают свое мнение по этому поводу, могут произойти трагические вещи.

Есть в нашем сознании нечто похожее на групповое мышление, этому подвержены все мы. В психологической терминологии это называется *установкой сознания*. Говоря проще, это тенденция решать проблему тем же способом, что и в предыдущий раз, поскольку в прошлый раз такой способ сработал. И такая предрасположенность хороша для большинства ситуаций. Но в необычных обстоятельствах, где привычный подход не является самым эффективным или, что еще хуже, является совсем неэффективным, люди, как правило, не задумываются об альтернативных подходах к решению проблем. В жизни мы сталкиваемся с какими-то проблемами снова и снова, и они нам напоминают о предыдущих проблемах, которые мы успешно разрешили. В целом изобретать велосипед не имеет смысла, а следует воспользоваться тем, что уже изобретено. Но иногда новая проблема, хотя и похожая на ту, которую мы уже разрешили, требует нового подхода, и мы, таким образом, оказываемся очень уязвимыми со стороны ограничений, создаваемых *установкой сознания*. В медицине врачи часто сталкиваются с подобными ситуациями, и на практике оказывается, что самые опытные из них чаще всего страдают от этой установки.

Хаус сомневается

Каким образом этого избежать? Как насчет того, чтобы принять дозу и войти в измененное состояние сознания? Хотя нет единого мнения по поводу того, что психоделические препараты способствуют повышению творческих способностей, известно, что они нарушают обычный

[1] Залив на северо-востоке Кубы, где США безуспешно пытались организовать вторжение в апреле 1961 года.

ход мыслительного процесса и ослабляют тиски *умственной установки*. Возможно, поэтому наш высокоинтеллектуальный Хаус и пользуется болеутоляющими опиатами, с помощью которых ему удается избежать воздействия установки сознания, на удочку которой попадаются все остальные.

Так или иначе, поскольку он наркоман, то лишить его наркотиков — значит поставить под угрозу способность решать даже самую обычную проблему. Можно предположить, что в этом случае он будет страдать от боли, которая не только будет занимать все его внимание, но и приведет к ломке. Вследствие сильного физического стресса (Йеркес и Додсон) и первоочередной биологической потребности в наркотике (Лэйси и др.) нам не следует ожидать от него многого в когнитивном плане. И действительно, когда он не находится под воздействием викодина, он начинает халтурить, ему нет дела до больных. Этим он ставит в неловкое положение коллег, которые вынуждены решать: либо избавиться от него, либо доставать необходимый препарат. Он даже придумывает себе рак мозга, чтобы попасть на клиническое испытание имплантата, внедряемого в центр удовольствия головного мозга (серия «Полоумный», 3–15). Вероятно, нам не следует сомневаться в его изобретательности даже тогда, когда он не в себе.

Как Хаус играет

Какие прочие поступки Хауса можно оправдать с точки зрения когнитивной психологии? Давайте рассмотрим его необычное пристрастие к просмотру телевизора и привычку вздремнуть на работе. Из литературы (Янив и Мейер) нам известно, что бессознательная обработка информации в проблемных ситуациях может давать замечательные результаты. Иногда это называют *инкубационным эффектом*. Бывает так, что решение проблемы, даже научной, как, к примеру, открытие Фридрихом Кекуле структуры бензольного кольца, происходит тогда, когда этой проблемой в данный момент не занимаются. Известно, что озарение у Кекуле наступило в тот момент, когда он отходил ко сну. Дикстериус и ван Ольден показали, что люди более способны на лучшие решения тогда, когда их отвлекают от рассмотрения возможных

вариантов, нежели когда они полностью погружены в анализ. Возможно, успех Хауса вызван тем, что он смотрит телевизор и дремлет.

Как привести Хауса в чувство

Когда он дает установку мозгу на решение проблемы, он тем самым делает то, что психологи рекомендуют делать при решении сложных интеллектуальных задач. Первое — это высвобождение рабочей памяти. Когда вы храните информацию (к примеру, о комплексе симптомов) в рабочей памяти, ваши возможности думать об этих симптомах, интегрировать их в единое целое, сравнивать, делать выводы и т. д. ограничены. Но если вы запишете эти симптомы, скажем, на доске, объем рабочей памяти увеличивается за счет освобождения от некоторой информации, в результате чего вы можете интенсифицировать мыслительный процесс. Хаус активно пользуется этим методом. Если рядом классная доска, он использует ее. Если нет, он применяет импровизированную доску, как это происходит в серии «Невозможность общения» (2–10), где пишет симптомы на стене, и на киноэкране — в серии «В воздухе» (3–18).

Хаус и карточный домик

Решение проблем отвлекает Хауса от его больной ноги, и это совпадает с тем, о чем уже несколько лет пишут многие клиницисты и исследователи о больных с хроническими болями. Новые методы, позволяющие человеку забыть о физических страданиях, направлены на то, чтобы намеренно отвлечь человека ситуациями, подобными тем, в которые Хаус попадает ежедневно естественным путем, и тем самым помочь людям избавиться от беспокойства хотя бы на время. Уилсон, который знает Хауса лучше других, призывает его искусственно вызвать у себя приступ мигрени, чтобы отвлечься от потери Стэйси («Отвлечение», 212). В серии «Наружность обманчива» (2–13) Кадди делает Хаусу укол солевого раствора, причем последний уверен, что ему ввели морфий. Боль немного отпускает его, но только до тех пор, пока его мысли сосредоточены на решении сложной задачи. Может быть, он почувствовал облегчение не в результате эффекта плацебо, а потому, что отвлекся и переключился.

В свете этих фактов возникает вопрос: действительно ли Хаусу нужны медикаменты, снимающие боль? Конечно да. У него зависимость, и он сам ее признает. Но независимо от этого, независимо от возможного побочного эффекта (возможности мыслить нестандартно), вероятно, и от наркотиков есть прямая польза. Вернее, от того состояния, в котором организм находится под воздействием наркотического вещества. Если Хаус сталкивается с теми или иными обстоятельствами, находясь в наркотическом состоянии, велика вероятность того, что он их извлечет из памяти, если его организм снова окажется в подобном состоянии (например, случаи с Хиллом, Швином, Пауэллом, Гудвином). А если бывали ситуации, когда ему раньше уже удавалось решить какие-то задачи в наркотическом состоянии, то есть шансы, что он вспомнит способы решения и решит данную задачу, если получит дозу этого же вещества. Так, может, и не надо мешать Хаусу принимать таблетки, хотя бы ради больных?

Хаус — врач и врач в мире Хауса

А теперь давайте остановимся на такой черте его личности, как грубость, в которой он главным образом винит свою боль. Похоже, нет для Хауса более радостного момента, чем наблюдение за первыми симптомами заболевания («Эйфория, часть 1» (2–20) и «Эйфория, часть 2» (2–21)). Помогает ли ему находить правильный ответ его собственное брюзжание, и если да, то как? Ведь грубость не делает его умнее; он рассматривает больного и его болезнь как загадку только благодаря своему диагностическому дару, в то время как участие вряд ли приближает врача к решению загадки. И действительно, оно может отвлечь диагноста от его основной задачи. Многие из нас выше ценят таких врачей, которые искренне желают, чтобы мы поправились, но если они будут нам только сочувствовать, они вряд ли сумеют определить, в чем причина недомогания. Понятно, что иметь врача, который проявит заботу, когда уже разгадана загадка нашей болезни и ясно, как нас надо лечить, совсем неплохо. Но лучше дайте мне грубого и хорошего диагноста, чем заботливого врача со средними умственными способностями. Для меня важно, если оставить вопрос диагностики в стороне,

чтобы врач думал, как меня лечить, а не тратил время на проявление сочувствия. Сериал «Доктор Хаус» изобилует примерами сопереживания, приводящего к неверному решению. В «Шалтае-Болтае» (2–3) Кадди, сочувствуя технику Альфредо, пытается отменить назначенное ему лечение. Сам Хаус, ковыляя по больнице, на каждом шагу встречает проявления этого неуместного сочувствия; и своей собственной больной ногой он обязан Стэйси, принявшей за него неверное решение («Три истории», 1–21). Мы видели проблеск гуманности (и ошибку) у Хауса, когда он отказался сделать биопсию мозга Форману («Эйфория, часть 2» 2–21), потому что не смог вынести мысли о том, чтобы сделать такую опасную операцию другу. Остается загадкой, почему же Хауса так мучает Эстер, которая умерла несколько лет назад из-за того, что он не смог вовремя поставить ей правильный диагноз (серия «Все включено», 2–17). Он чувствует свою вину или не привык ошибаться? Если вы считаете, что это происходит потому, что он терпеть не может, когда у него что-то не получается, вспомните о том, как он принял решение спасти игрока из низшей бейсбольной лиги (тот принимал запрещенные препараты) и заявил во всеуслышание, что у того Аддисонова болезнь. Или о том, как в серии «Кто твой отец?» (2–23) он сообщил Леоне, что Крэндал ее настоящий отец. Он знает, что с медицинской точки зрения поступает неправильно, но для него быть правильным — не самое важное.

С другой стороны, какое нам дело до того, что его так занимают мысли об Эстер? Но в вопросах медицины мы придерживаемся иррациональных ценностей, поэтому нам хочется узнать ответ, как будто этот ответ влияет на профессиональные качества Хауса. Вспомните эпизод, когда Джефри Рейлих нападает на него, обвиняя в том, что Хаус проводил эксперименты на его сыне, Гэйбе, даже не поговорив с ним. Он утверждает, что у Хауса для этих экспериментов нет оснований. Это неправда. У Хауса масса оснований для разгадки головоломки, поэтому он старается уйти от неверной информации и чрезмерной эмоциональности, когда дело касается личного общения с больным. Он считает это ненужной тратой времени. (Не будем преувеличивать разницу между поведением Хауса и обычных врачей. Классическое исследование, проведенное Бекманом и Франкелем, показывает, что среднестатистический врач прерывает больного через 18 секунд после того, как тот начал говорить. Хаусу хватает 15 секунд, но колоссальной разницей это не назовешь.)

Если мы хотим продолжать критиковать его за неумение вести себя с людьми, мы можем отметить, что поведение Хауса неординарно даже тогда, когда его нет в больничной палате. Известно, что он делал незаконные и сомнительные вещи, чтобы получить информацию или чтобы вылечить людей, находящихся в опасности. Некоторые люди, включая его подчиненных, ошибочно принимают это за аморальность. Он аморален в жизни, но не аморален, когда дело касается медицины. Вспомните, как он сказал малышке Энди, что она умирает (серия «Аутопсия», 2–2). Перед ним не стояла цель мучить ее — он хотел узнать таким образом, нормально ли в ее мозге функционирует амигдала, центр страха. Можно ли найти лучший способ приблизиться к правильному диагнозу и, может быть, спасти ее жизнь, даже если в данный момент эта новость может ее оглушить? Иногда он лжет больным, пичкает препаратами, но лишь с целью получения необходимой информации или чтобы заставить их согласиться на медицинское обследование, как это было с Марком в серии «Медовый месяц» (1–22).

Не будем забывать, что Хаус идет и на моральные подвиги. Когда боль у него прошла, он начал действовать, чтобы помочь Ричарду в серии «Смысл» (3–1). Столкнувшись с целиком и полностью моральной дилеммой в серии «Согласие после получения информации» (33), после того как вопрос с Эзрой был однозначно решен — это было смертельное заболевание, — он помогает тому уйти из жизни. Он также помог Гэйбу принести себя в жертву Кайл, которой был нужен сердечный трансплантат (серия «Сын коматозника», 3–7).

Роль врача

Хаус креативен и гибок до такой степени, о которой мы и мечтать не смеем. Но кое-чем в этой области может овладеть любой достаточно умный человек с помощью научных методов. То, как он рассматривает рабочие гипотезы, отражает хорошую научную теорию: она может объяснить имеющиеся данные (или симптомы), она может предсказать

будущие события (или результаты лабораторных анализов), и она экономична (т. е. это самое простое из подходящих объяснений). Он ищет единственное условие, которое может объяснить все симптомы, а не пять различных условий, чтобы отдельно объяснить каждый из пяти симптомов. Его рассуждения изящны, хотя в нем самом нет ничего изящного. А в редком случае, где факты говорят, что рациональный ответ может оказаться неправильным, как это случилось, когда Брэндон ошибся и не принял лекарство от подагры в серии «Бритва Оккама» (1–3), Хаус начинает злиться, и злиться оправданно, на то, что жизнь не такая изящная и стройная, как теория.

Одно из правил разработки хороших теорий заключается в создании ситуаций для проверки этих теорий. Неудивительно, что Хаус обладает хорошими экспериментальными навыками, причем иногда это качество вызывает у его коллег отчаяние. К примеру, для подтверждения эксперимента обычно требуется контрольное условие, чтобы исключить альтернативные объяснения. Если у троих младенцев с непонятным приступом болезни одни и те же симптомы, имеются научные основания в пользу того, чтобы назначить им разное лечение и сравнить результаты (серия «Материнство», 1–4). Есть также научные основания для сбора данных, даже если это противозаконно или аморально. Если остальных врачей моральный долг или страх перед наказанием останавливает, Хаус идет вперед. В серии «Охота» (2–7) он спровоцировал отца больного ударить его и сделал это, как мы вскоре увидели, чтобы нанести удар в ответ, и этот шаг оправдан. Все это явилось частью грандиозного плана нанести точный удар, разорвать ему кисту и убедиться в том, что у сына и отца одно и то же заболевание. Однажды Хаус разбивает флакон с патогенной субстанцией болезни легионеров в изоляторе, где находится Форман, поскольку считает необходимым сорвать завесу тайны с его болезни. Он часто забирается в дома больных, чтобы найти там причину их заболеваний. (К сожалению, ему трудно контролировать склонность к подобному сбору информации. Он роется в истории болезни Стэйси, содержащей данные осмотра у психиатра (серия «Вращение», 2–6), или в мусорной корзине Кадди (серия «Навсегда», 2–22), или в шкафчике новой медсестры в серии «Линии на песке», 3–4.)

Но и у него есть свои нормы. Он проводит эксперименты, чтобы помочь конкретному больному, нуждающемуся в незамедлительной помощи, а не ради высокой цели науки (и не для того, чтобы оказать возмездную услугу фармацевтическим компаниям или врачам, проводящим клинические испытания). Он — ученый, но он выступает против участия больных в клинических испытаниях (серия «Контроль», 1–14). Таким способом он демонстрирует наличие морали, которой у медицины и науки в целом нет.

Нам следует порадоваться, что следующее поколение телевизионных врачей пройдет школу доктора Хауса. Он показывает, что не только мыслит, но игнорирует, спит, оскорбляет, разрушает, заражает, роется в чужих вещах, глотает таблетки — и все это помогает ему разгадывать сложные загадки. Конечно, важно иметь соответствующую медицинскую подготовку и обладать научным мышлением. Но сложные задачи и считаются сложными, потому что обычным способом их не решить. Когда они возникают, вся штука в том, чтобы использовать знания творчески.

Нэнси Фрэнклин — доцент кафедры психологии в Университете «Стоуни Брук», специализируется в вопросах человеческого мышления и памяти. Она защитила диссертацию в 1989 году в Стэнфордском университете, где училась вместе с Барбарой Тверски и Гордоном Боуэром. В настоящее время занимается изучением ложной памяти и эмоциональным влиянием на память и суждения.

Источники

Bartlett, Edward. «Physicians' Cognitive Errors and Their Liability Consequences.» *Journal of Healthcare Risk Management* 18 (1998): 62–69.

Beckman, Howard B. and Richard M. Frankel. «The Effect of Physician Behavior on the Collection of Data.» *Annals of Internal Medicine* 101 (1984): 692–696.

Brennan, Troyan A., Lucian L. Leape, Nan Laird, Liesi Hebert, A. Russell Localio, Ann G. Lawthers, Joseph P. Newhouse, Paul C. Weiler, and Howard

H. Hiatt. «Incidence of Adverse Events and Negligence in Hospitalized Patients. Results of the Harvard Medical Practice Study I.» *New England Journal of Medicine* 324 (1991):

370–376. Dijksterhuis, Ap and Zeger van Olden. «On the Benefits of Thinking Unconsciously: Unconscious Thought Can Increase Post-Choice Satisfaction.» *Journal of Experimental Social Psychology* 42 (2006): 627–631.

Elstein, Arthur S. «Heuristics and Biases: Selected Errors in Clinical Reasoning.» *Academic Medicine* 74 (1999): 791–794.

Graber, Mark, Nancy Franklin, and Ruthanna R. Gordon. «Reducing Diagnostic Errors in Medicine–What's the Goal?» *Academic Medicine* 77 (2002): 981–992.

Groopman, Jerome. *How Doctors Think*. New York: Houghton Mifflin Company, 2007.

Hill, Shirley Y., Robert Schwin, Barbara Powell, and Donna W. Goodwin. «State-Dependent Effects of Marihuana [sic] on Human Memory.» *Nature* 243 (1973): 241–242.

Janis, Irving L. *Victims of Groupthink*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1972.

Lacey, Charles F., Lora L. Armstrong, Morton P. Goldman, and Leonard L. Lance. *Drug Information Handbook*. Hudson, Ohio: Lexi-Comp, Inc., 2001.

Tversky, Amos and Daniel Kahneman. «Availability: A Heuristic for Judging Frequency and Probability.» *Cognitive Psychology* 5 (1973): 207–232.

Yaniv, Ilan and David E. Meyer. «Activation and Metacognition of Inaccessible Stored Information: Potential Bases of Incubation Effects in Problem Solving.» *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* 13 (1987): 187–205.

Yerkes, Robert M. and John D. Dodson. «The Relation of Strength of Stimulus to Rapidity of Habit-Formation.» *Journal of Comparative Neurology and Psychology* 18 (1908): 459–482.

Одной из самых захватывающих и изящно снятых серий «Доктора Хауса» до сего времени была серия «Три истории» из первого сезона: в ней фигурирует Кармен Электра, кроме того, из этой серии становится ясно, почему Хаус хромает. Серия начинается и заканчивается с лекции Хауса в аудитории, заполненной студентами-медиками. Это, конечно, не единственный эпизод, где Хаус выступает в роли преподавателя. Фактически он в каждой серии учит Формана, Кэмерон и Чейза тому, как проводить диагностику. Улучшение в их знаниях налицо, значит, он это делает неплохо. А на самом деле — хороший ли учитель Хаус? Это обсуждают Сьюзан Энгель и Сэм Левин.

КАКОЙ ИЗ ХАУСА УЧИТЕЛЬ?

Сьюзан Энгель и Сэм Левин

Многим нравится поговорка «Можешь — делай; не можешь — учи, как делать», однако было бы правильнее сказать: «Любой может учить. Немногие могут научить». К счастью, медицинским специальностям обучают как раз те, кто отлично знает свое дело.

Чтобы хорошо учить, нужно иметь энциклопедические знания по теме, но этого недостаточно. Что еще требуется, чтобы стать выдающимся учителем? И есть ли у Хауса то, что для этого необходимо?

Хаус очень много знает по теме

Хорошие учителя должны обладать глубокими познаниями в своей дисциплине; и несмотря на то что этот принцип и является основополагающим, в школьной среде он соблюдается не всегда. Дело не только в том, что знания сами по себе — необходимое условие отличного пре-

подавания (как можно учить, не зная — чему?), знания важны еще и потому, что они дают свободу учителю вести занятия без конспекта.

Хаус знает намного больше других по своему предмету. Кто-то скажет, что он просто очень умен. Судя по его энциклопедической памяти, по острым как бритва аналитическим способностям, обширному и точному словарному запасу и высокой мыслительной скорости, IQ Хауса — 150 или выше (Нейссер). Однако человек может быть сообразительным и не иметь глубоких знаний в конкретной области. Наш герой не только потрясающе умен, но и обладает внушительным объемом знаний по медицине. Хаус часто ведет себя так, как будто он не всегда придерживается медицинских канонов. Но в то же время он демонстрирует отличное знание медицинских прецедентов, малоизвестных способов лечения и необычных, но важных диагностических приемов. Поверхностными его знания никак не назовешь, настолько они глубоки; он так много знает, что легко видит ускользающие от других аналогии между случаями или типами лечения, которые кажутся абсолютно не связанными между собой. Он настолько хорошо ориентируется в медицинской литературе, что если надо, легко вспоминает мелкие, всеми забытые детали. Если у учителя жестко очерченный набор методик, определений и примеров, значит, у него поверхностные знания по предмету. В случае с Хаусом все наоборот.

Знания Хауса проявляются в том, например, как неожиданно быстро и к месту он умеет отличить обычное от нестандартного. Когда в клинику приходит человек с онемевшей кистью, Хаус не тратит время на составление длинного утомительного списка возможных причин или на не относящееся к делу обследование больного, а, едва взглянув, советует тому ослабить ремешок часов на руке и переходит к другому пациенту. Хаус часто прибегает к подобного рода бытовым объяснениям болезни. Так, когда Хаус удалил из носа малыша несколько крошечных игрушек: полицейского, пожарную машину, а следом пожарника, ему вдруг пришло в голову, что там может быть что-нибудь еще, и при помощи магнита он извлек маленькую игрушечную кошечку. Он догадался, что ребенок «вызвал» пожарных и полицию, чтобы спасти кошку. Он знает, в каких случаях повседневный опыт, бытовое мышление или простое объяснение полезнее, чем эзотерическая медицинская информация.

У Хауса есть способность сочетать повседневные знания с технической и редко встречающейся медицинской информацией. Когда в клинику обратился мужчина по поводу импотенции, Хаус моментально вычислил проблему, которая заключалась в нежелании этого человека, страдающего сахарным диабетом, принимать инсулин. Многие его догадки основаны на здравом смысле (сахарная пудра и салфетки, торчащие из кармана, подсказали Хаусу, что пациент, похоже, ест слишком много сахара), но вывод о том, что инсулин и импотенция связаны между собой, основан на медицинских знаниях. Эти комические эпизоды о виртуозности Хауса раскрывают два важных момента в его знаниях: Хаус столько знает, что может играть своим знанием; он настолько быстро и глубоко схватывает сугубо профессиональный аспект проблемы, что виртуозно балансирует между знанием и здравым смыслом.

Подобного рода знание играет решающую роль в преподавании; чем больше знаний у учителя, тем больше он может дать своим ученикам. Оно также является для них своего рода образцом компетентности. В серии «Тяжесть» (1–16) бригада медиков работает над десятилетней девочкой с патологическим ожирением, к тому же страдающей от высокого давления и начинающегося некроза, которые ставят под угрозу ее жизнь. Ближе к концу серии Хаус, пытаясь найти объяснение этому букету симптомов, вдруг обращает внимание на то, что девочка очень маленького роста, а оба родителя высокие. Он вслух высказывает свои соображения о том, что поскольку девочка не унаследовала рост от родителей, это может быть симптомом заболевания, и, похоже, в этом случае можно поставить диагноз — синдром Кушинга. Кэмерон, Чейз и Форман возражают, указывая на то, что в медицинской литературе нигде не говорится о том, что болезнь Кушинга связана с некрозом. Но Хаус вспоминает о тех действительно редких случаях в медицине, когда при определенных условиях у больных было выявлено развитие некроза на фоне синдрома Кушинга. Как видно, Хаус постоянно следит за новинками в огромном объеме медицинской литературы, и эта эрудиция играет важную роль в его интуитивных догадках.

Хаус — живое воплощение того, что Джером Брунер, американский психолог, специалист в области когнитивной психологии, на-

звал «тренированной» интуицией, основанной на опыте; в основе его неожиданных диагнозов и на вид скоропалительных интуитивных умозаключений лежат глубокие медицинские знания. Но, как указывал Брунер в 1959 году, а позднее было доказано соответствующими исследованиями, хорошая интуиция появляется не случайно и не как Божий дар, а является следствием всесторонних и глубоких знаний в сфере профессиональной деятельности. Другими словами, чем выше ваш уровень квалификации, тем больше у вас оснований доверять своей интуиции. То, что со стороны в Хаусе кажется странным и причудливым, как правило, основывается на поразительном сочетании его медицинской проницательности и познаний, лежащих за пределами медицины. Хаус подкидывает йо-йо[1] вверх-вниз, все его внимание сосредоточено на этом движении, и вдруг возникает неожиданный поворот в сознании — два разрозненных куска информации соединяются; а когда он выдает точное объяснение таинственным симптомам, создается ощущение, что его внезапное вдохновение рождается из движения этой игрушки. На самом деле оно — не только результат многолетней практики, но и следствие того, что Хаус читает огромное количество медицинских журналов, следит за новейшими достижениями в химии, фармакологии, эпидемиологии и физиологии. И когда студенты видят, как он ставит неожиданные диагнозы, когда выясняется, как часто Хаус оказывается прав, у них появляется возможность строить свою медицинскую деятельность по его образцу.

Великий учитель рассказывает о том, что лежит за пределами очевидного, с большим трудом собирая материал в единое целое, и тем самым дает то, что студенты не смогут выучить путем зазубривания большого количества информации из книг. Знания и компетентность Хауса делают его креативным, восприимчивым, достоверным, умеющим удивить, когда он делится своими знаниями со студентами. Но его основанная на опыте интуиция бесценна при преподавании еще и в другом плане — она позволяет ему выявлять способности студентов, которых он учит.

[1] Йо-йо — игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков из пластика, дерева или металла, связанных веревкой.

Независимо от возраста учеников, их знания часто проверяются какими-то удивительными, спонтанными, нестандартными и новыми способами. Хороший учитель так хорошо знает свою область, что распознает способного студента. Это очень важно, поскольку он замечает этот первый и подающий надежды шаг, а затем ведет студента к первому перспективному шагу в нужном направлении. Учитель с поверхностными знаниями в своей области ограничен рамками конспекта (учебника, основ программы, вводного курса, которые он сам-то только что изучил). А это приводит к тому, что ему приходится уворачиваться от вопросов учащихся, препятствовать развитию в них нестандартного мышления, того, что могло бы привести их к чему-то полезному. А порой ему приходится говорить студенту, что тот ошибается, когда дает нескладный и странный ответ, только потому, что этот ответ не совпадает с ответом в книге. Хаус основательно знает медицину и может не только передать свои знания студентам, но и по достоинству оценить их ответы, даже если сами студенты этого не осознают.

Хаус учит как наставник

Возможно, это и бросается в глаза, потому что в интернатуре — это обычная вещь, но способность Хауса учить, вовлекая студентов в свою профессиональную деятельность, является примером применения одного из основных методов обучения: обучения через практику. Лев Выготский, выдающийся советский психолог первой половины XX века, был первым, кто установил необходимость такого обучения, при котором ребенок усваивает знания с помощью более взрослого или компетентного человека. Позднее Джером Брунер предложил термин «возведение лесов», который он использовал, чтобы описать, как, давая ребенку распространенные ответы, мать возводит строительные леса, подталкивающие ребенка к использованию более сложных слов и конструкций по мере того, как он учится говорить. Однако эти идеи получили распространение только во второй половине XX века, когда специалисты по возрастной психологии начали проводить сравнения в разных культурах и обнаружили, что дети овладевали более сложными и важными видами деятельности, если осваивали их рядом со

специалистами. В своем известном исследовании Патрисия Гринфилд показывает, как в Мексике искусные ткачихи учат молодых девушек ткачеству, используя модель сочетания учебы и практики. Девушки работают рядом с опытными мастерицами и имеют возможность наблюдать ткачество в его лучшем исполнении. Со временем девушкам поручают все более сложные и ответственные операции, пока они не смогут работать полностью без посторонней помощи. У модели «учеба плюс практика» множество достоинств, среди которых — заинтересованность квалифицированных специалистов в успехах новичков; так мастера в мексиканской деревне заинтересованы в том, чтобы ткань получилась хорошего качества.

Интерес Хауса заключается в том, чтобы пациенты были живы. Поэтому когда его подмастерья собираются в комнате для заседаний, он начинает выписывать на доске симптомы; этим он не только показывает свой метод решения проблемы, но и вовлекает в обсуждение Кэмерон, Чейза и Формана. Хаус также дает каждому студенту возможность предложить свои варианты. Как и ткачи, эти новички учатся на практике — принимая на себя, наряду с другими, все больше и больше ответственности. В серии «Сколько тебе лет!» (3–19) Хаус сцепился с Кэмерон из-за того, как получить подпись отца больной девочки на согласие или отказ от проведения лечения, в котором они сами сомневались. Совсем неожиданно они перешли на новый уровень взаимодействия — как равные, а не как учитель и ученик, и это показывает, какого успеха добился Хаус, помогая новичку стать специалистом. Это также доказывает его способность строить новые отношения со студентами, когда они становятся более квалифицированными.

Поскольку Хаус учит на реальных случаях, его больше волнует постановка правильного диагноза и выздоровление больного, чем тот урок, который извлекут его ученики. В этом есть как положительный, так и отрицательный моменты. Положительный момент заключается в том, что, сосредоточение на собственно работе повышает планку для учеников и дает Хаусу как учителю хорошую мотивацию для обучения. Это можно проиллюстрировать примером из школьной практики. Когда ученику в школе задают написать сочинение, за которое учитель будет ставить оценку, ученик знает, что оно будет оценено так, как сочтет нужным учитель. Поэтому работа ученика направлена главным образом на то, чтобы сочинение понравилось учителю, а не на то, чтобы ученик действительно поработал на совесть. Будут ли замечания учителя подробными и строгими, зависит от того, насколько учитель заинтересован в действительном успехе учащихся, ведь на его оценку может повлиять множество факторов, таких как заниженные ожидания, основанные на скрытых предположениях учителя о способностях и мотивации учеников (Розенталь и Якобсон).

А теперь представьте ученика, пишущего сочинение, которое будет читать и проверять кто-нибудь не из этой школы — на сочинении будут стоять две фамилии: ученика и учителя. В этом случае у учителя повышается мотивация, и он следит за тем, чтобы все было написано хорошо. Плюс к этому и студент мотивирован не просто на хорошую оценку в школе, а на то, чтобы написать сочинение как можно лучше. Некоторые отмечают, что, может быть, в этом и заключается причина того, что ученики, у которых есть проблемы с учебой, занимаются более активно спортом или искусством, ведь на карту поставлена не только оценка, но и победа. Справедливо и то, что тренеры и руководители школьных театров более требовательно относятся к своим подопечным, потому что речь идет не об оценке их совместной деятельности только одним человеком. На Хаусе и его учениках лежит общее бремя ответственности за выздоровление пациентов, вот почему эта учеба так важна. Заинтересованность Хауса в том, чтобы найти правильный ответ, перевешивает необходимость быть авторитетным учителем. Самое замечательное, что если у ученика вдруг возникла идея лучше, чем у Хауса, он не будет переживать из-за того, как выглядит в глазах студентов. В жизни учителя часто недолюбливают учеников, которые умнее их, потому что чувствуют при этом своего рода неуверенность и унижение. Избежать этого помогают два качества: уверенность в знании дела и стремление решить проблему (неважно, в какой области: литература, история, математика, искусство, наука или медицина), а не упрочить свою власть и положение.

Отрицательный момент заключается в том, что для Хауса первично лечение больных, а не обучение ординаторов, поэтому порой он слишком жесток, отвергая их идеи, которые, может, и неправильны

в конкретной ситуации, но показывают правильное направление и рациональный ход мысли. В обычных аудиторных условиях у хорошего учителя больше времени и свободы для того, чтобы поддержать хороший мыслительный процесс, даже если ответ, к которому приходит учащийся, неверен.

Еще одно преимущество «наставнической» модели обучения в том, что она позволяет ученикам (и учителю) воссоздать в классной комнате реальные ситуации. Урок, который усваивают учащиеся, имеет для них практическое значение, поскольку изученное ими важно для общества.

Столетие назад американский философ, психолог и педагог-реформатор Джон Дьюи первым написал о том, как важно соединять обучение с реальными проблемами и деятельностью учащихся в жизни. С того времени исследования не раз показали, что мотивация детей к проявлению их лучших познавательных навыков выше во время тех видов деятельности, которые имеют смысл и значение для реальной жизни. В одном из исследований описывается, как пятилетние дети с трудом запоминали предложенный им список слов, однако показали значительно более цепкую память, когда им предложили запомнить товар, который надо было купить в продовольственном магазине (Истомина). Психолингвист Фрэнк Смит установил, что дети быстрее учатся читать, если ощущают себя частью конкретной группы детей или взрослых, которым надо читать с практической целью. Однако эту идею до сих пор не взяли на вооружение школы и технологически развитые общества. Хаус и его ученики — яркое напоминание о том, что максимальный эффект обучение дает тогда, когда учащиеся понимают цель обучения.

Хаус любит медицину

Практически в каждой третьей серии к Хаусу приходят Уилсон или Кадди и просят его взять какое-нибудь дело. Он тут же категорично отмахивается от них, уверенный, что дело не стоит выеденного яйца, оно слишком очевидно, чтобы браться за него. Затем Кадди или Уилсон приводят веский аргумент — одну деталь или намек, который делает

случай заманчивым (например, семилетний ребенок с симптомом, который обычно появляется только после тридцати; мужчина, никогда не бывавший в тропиках, с симптомами тропического заболевания). Они знают, что он не упустит удивительный случай, потому что медицина — его страсть. Эта поразительная тяга и делает Хауса таким ярким учителем. Страсть к предмету (это не одно и то же, что знания по предмету) заразительна. В процессе обучения этого рода инфекция крайне живуча — особенно если студентам интересен их учитель. Способность Хауса передавать свою любовь и знания о медицине частично является результатом его очень тесных отношений со своими учениками. Хотя Кэмерон, Чейз и Форман часто злятся на Хауса, а порой ненавидят его, он постоянный зримый и существенный компонент учебного процесса.С ними он просто человек, он один из них, но как учитель — он для них совсем иное (см. далее «Хаус уязвим»).

Харизма Хауса

Учителя с харизмой — великое дело, а Хаус просто купается в харизме. Людей к нему тянет не только его приятная внешность (проницательные голубые глаза, стройное телосложение, правильные черты лица), но и ум, необузданность, временами неожиданная сдержанность и бессчетное множество его причуд и каламбуров. Исследования проблем лидерских качеств показывают, что харизме нельзя научиться, она — мощная составляющая в арсенале влияния человека на окружающих. Нет сомнения, что тем, кто притягивает к себе других своей энергией, юмором, властью, лучше удается убедить окружающих изменить точку зрения или выполнить неприятное задание (Геталс и др.). Другими словами, харизма помогает решать те трудные задачи, с которыми учителя сталкиваются на каждом шагу.

Хаус уязвим

Харизма Хауса переплетается с другим его качеством, существенным для хороших учителей, — способностью по-человечески относиться к своим ученикам. Хаус проявляет редкую способность сочетать в себе власть и уязвимость — комбинация, которая нередко свойственна хо-

рошим учителям. Хаус внушает страх, он самоуверен, его ученики ни на минуту не забывают, кто тут главный, а если они и забудут, он напомнит им об этом самым явным и оскорбительным образом. Когда Чейз совершил ошибку, подумав, что «Тик-Так», найденный в палате больного, к заболеванию не имеет отношения, Хаус не преминул привести троих ординаторов в палату и велел Чейзу принюхаться к запаху изо рта больного, что свидетельствовало об инфекции. Чейз осторожно и нерешительно посмотрел на Хауса и сказал: «Ты хочешь меня унизить, я знаю». Хаус, полный решимости поставить Чейза на место, продолжал настаивать: «Давай, сунь свой нос ему в рот» («Любовь зла», 1–20).

Но Хаус все же человек. Он хромает, страдает от постоянной боли, принимает наркотики и время от времени проявляет свою незащищенность, зависть и желания. Все это позволяет ученикам завязывать с ним настоящие отношения (хотя он и вызывает у них раздражение). Взаимоотношения учителя со своими учениками, как показано в сериале, составляют самый важный элемент, определяющий приобретение опыта учащимися на занятиях и их успехи (Пелегрини и Блечфорд).

Особенно интересны взаимоотношения Хауса с Кэмерон — может показаться, что в личном и сексуальном плане он пересек некую черту. У них было свидание, хотя зрителю не рассказали о том, что между ними было и чего не было. Он часто отпускает реплики по поводу ее тела. Хотя подобного рода сексуальность считается неприемлемой в любом учебном заведении США, она лишний раз подчеркивает основу взаимоотношений учителя с учеником, а именно роль привязанности в процессе обучения. Самая первая связь в учебном процессе, каковой является связь между матерью и ребенком, ведет к тонкому обмену, позволяющему ребенку начать изучать мир; эта связь становится основой его когнитивных, лингвистических и социальных успехов (Стерн). Одно исследование за другим показывает, что обучение уже на самых ранних стадиях осуществляется в контексте взаимоотношений, это верно и по отношению к обучению, которое проходит далее в более формальной школьной среде. Дети узнают больше, если у них возникает привязанность к своему учителю. Одним довольно простым объяснением этому является то, что дети копируют тех, с кем они устанавливают связь (Пелегрини и Блечфорд). В определенном смысле учитель является образцом, а не проводником информации; чем сильнее привязанность ребенка к идеалу, тем больше вероятность того, что он будет стараться превзойти его.

Более того, исследования доказывают, что учащиеся легче овладевают знаниями, если у них внутренняя, а не внешняя мотивация. Другими словами, они лучше учатся, когда их к этому подталкивают их собственные мысли и чувства, а не какая-то награда, поощрение (оценка, золотая медаль, конфета). Ранее мы показали, что если работу студента оценивают вне привычных школьных рамок, его мотивация растет. Еще один способ добиться этого заключается в отождествлении себя с учителем. Отождествление — мощная база для передачи ценностей, целей и интересов. Когда ученик (особенно ребенок или подросток) отождествляет себя с учителем, он сильнее стремится к тому, чтобы угодить ему, получить от него похвалу, сформировать у учителя хорошее мнение о себе.

Благодаря сочетанию харизмы и уязвимости Хаус вызывает сильные чувства у своих учеников, создавая, таким образом, связи, которые позволяют ему добиваться успеха, формировать знания студентов и применять эти знания на практике. В серии «Хаус — наставник» (3–20), когда Форман сталкивается с тем, что неправильно поставленный им диагноз приводит к смерти больного, он не знает, как справиться с чувством вины и поражения. В конце серии Хаус входит в кабинет, где его ждет Форман в надежде получить от Хауса мудрый совет и поддержку, несмотря на скептическое отношение к учителю. Сложившиеся отношения между Хаусом и его учеником позволяют Хаусу найти верный, твердый, четкий тон. Он советует Форману отправиться домой, выпить, помолиться или сделать что-то еще, чтобы прийти в себя, затем лечь спать, а наутро снова начать пробовать и, может быть, снова потерпеть неудачу. Но он также напоминает Форману, что врачи, которые рискуют, спасают больше людей, страдающих от недугов. Цена такого риска, однако, заключается в том, что у таких врачей умирает больше пациентов, чем у тех, кто более осторожен и не выходит за рамки учебника. Хаус уверен, что Форману придется это признать, если он хочет стать таким же хорошим врачом, как он сам. Другими словами,

давая советы Форману, он отождествляет себя с идеалом Формана, тем самым еще более укрепляя связь между ним и собой. Хаус основывает свой совет Форману на той привязанности, которая существует у Формана к нему. В серии «Яд» (1–8) Форман понимает, что невольно оказывается в шкуре Хауса. Можно ли найти более точный пример тому, как исполняется желание ученика быть таким, как учитель?

У Хауса удивительные ученики

Бывает, мы недооцениваем роль, которую ученики играют в развитии способностей учителя. Хорошие ученики помогают учителю быть хорошим, и чем лучше ученики, тем легче их учить. Ученики Хауса исключительно способны и мотивированы. Поскольку они уже многого добились (например, прошли конкурс и получили стипендию на участие в программе под руководством Хауса), они стали более уверенными в себе. Несомненно, они целеустремленны и энергичны. В серии «Истории» (1–10) Чейзу приходит оригинальная идея, как вернуть зрение подростку, не отвлекая внимание команды от более серьезной проблемы, основной болезни. Этим он производит на Хауса большое впечатление, и он задает вопрос: «Почему же раньше не предложил?» Удивленный и польщенный, Чейз честно отвечает, что раньше он об этом не подумал. Хаус тут же резко замечает: «А надо было». Хаус всегда ставит трудные задачи. Но он совершенно справедливо полагает, что его ученики могут взять планку и даже извлекут выгоду из таких безжалостно высоких стандартов.

Нелишне напомнить, что обучение — это не набор методов и способов, которые применяются по шаблону или механически. Лучшие учителя — сложные, интересные, заинтересованные, квалифицированные и преданные профессии люди. Это — индивидуальности, которых невозможно и не нужно исключать из педагогического процесса. То же справедливо и в отношении учеников. Обучение — это процесс, в котором чувства, опыт и неординарность как учителей, так и учеников определяют результат преподавания.

Может быть, Хаус и не идеальный учитель для других учеников. Он весь в себе и не контролирует свои реакции. Он может вызывать неприязнь. Он может быть безжалостным и в стремлении докопаться до причины болезни и вылечить больного, часто грубит окружающим, высмеивает их, оговаривает, ему нет дела до того, что они ему отвечают, верят или нет. При работе с менее уверенными и менее способными учениками такой подход мог в одинаковой степени принести как вред, так и пользу.

Важный момент: у Хауса нет ни желания, ни способностей следить за развитием учеников. Вряд ли он будет тратить время на выискивание нестандартных путей для того, чтобы увлечь пассивных или неспособных студентов. Вряд ли у него в запасе есть набор методик, чтобы решать те проблемы, с которыми учителя сталкиваются изо дня в день с утра до вечера. Успехи учеников не настолько его интересуют, чтобы он тратил время и наблюдал за ними, а потом подгонял свою методику в соответствии с выводами, полученными в результате этих наблюдений. Он не привык критично оценивать самого себя, тщательно анализировать свои действия, что важно для хорошего учителя в той же степени, как и те факторы, которые мы уже рассмотрели. Похоже, у него нет желания или стремления заинтересовать незаинтересованных учеников.

У Хауса есть почти все природные таланты, необходимые хорошему учителю. Но у него нет ни интереса, ни готовности, которые превращают талантливого учителя в великого учителя.

Всем надоевшие (и утомительные) споры о том, можно ли научиться быть хорошим учителем или это должно быть «дано», на деле не так важны: у хорошего учителя должен быть талант, но этого учителя надо учить и готовить, Так, хирургам важно иметь отличное зрение, ловкие руки и крепкие нервы, но все-таки необходимо и медицинское образование, и интернатура по хирургии (об этом часто говорят в «Докторе Хаусе»): чем лучше подготовка в мединституте и интернатуре, тем лучше будет хирург. Никто не сможет стать великим врачом без природного таланта и хорошей подготовки. Это же относится и к учителям. Хаус-врач сочетает в себе талант и образование. Но у Хауса-учителя талант есть, а образования педагога нет. Поэтому он сияет в окружении отличных учеников и легко бы померк, случись ему столкнуться с такими учениками, с которыми имеют дело большинство учителей.

6 № 3091

Без Чейза, Формана и Кэмерон Хаус не был бы таким блистательным, притягательным и значительным. Только вот как учитель он вряд ли смог бы состояться.

Сьюзан Энгель получила степень бакалавра в колледже имени Сары Лоренс в 1980 году и защитила диссертацию по возрастной психологии в Нью-Йоркском университете в 1985 году. В настоящее время она читает лекции по психологии и является директором программы по педагогике в Уильямс-колледже. Энгель работала с учениками разного возраста — от маленьких детей до взрослых. Является автором журнальных статей и соавтором ряда книг, а кроме того Сьюзан Энгель написала три книги: «Детские истории: придаем смысл повествованиям из детства» (1985), «Значение контекста: природа памяти» (1997) и «Настоящие дети: вкладывая смысл в каждодневную жизнь» (2005). Она также является соучредителем и консультантом по педагогике в экспериментальной школе в восточной части Лонг-Айленда, Хейграунд Скул, и ведет колонку по вопросам образования «Уроки» в газете «New York Times». Научные интересы Энгель охватывают такие сферы, как развитие памяти, процессы повествования у детей, воображение и игра в детстве, развитие любознательности. Она вместе с мужем и тремя сыновьями живет в Нью-Мальборо, штат Массачусетс.

Сэм Левин в настоящее время является учащимся одной из школ в Массачусетсе. Недавно он закончил работу по естественной истории под названием «Пруд».

Источники

Bruner, Jerome. *The Culture of Education.* Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Bruner, Jerome. *The Process of Education.* Cambridge: Harvard University Press, 1959, 2006.

Dewey, John. *The Child and the Curriculum.* Chicago: University of Chicago Press, 1902.

Goethals, George, Georgia Sorenson, and J. M. Burns, eds. *Encyclopedia of Leadership.* New York: Sage Publications, 2004.

Greenfield, Patricia. «A Theory of the Teacher in the Learning Activities of Everyday Life.» In *Everyday Cognition,* edited by B. Rogoff and J. Lave. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Istomina, Z. M. «The Development of Voluntary Memory in Preschool-Age Children.» In *Soviet Developmental Psychology,* edited by Michael Cole, 100.

159. New York: M. E. Sharpe, 1977. Neisser, Ulrich, et al. «Intelligence: Knowns and Unknowns.» *American Psychologist* 51.2 (1966): 77–101. Pellegrini, Anthony and Peter Blatchford. *The Child at School: Interactions with Peers and Teachers.* London: Hodder Arnold Pubs, 2000. Rosenthal, Robert and Lenore Jacobson. «Teacher Expectations for the

Disadvantaged.» *Scientific American* 218.4 (1968): 19–23.

Smith, Frank. *Understanding Reading.* New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1994.

Stern, Daniel. *The First Relationship.* Cambridge: Harvard University Press, 1977.

Vygotsky, Lev, M. Cole, V. John-Steiner, S. Scribner, E. Souberman, eds. *Mind in Society.* Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Хаус берет на себя задачи, решить которые не может никто другой. Но иногда даже Хаусу нужны консультанты. В данной статье психологи Михаил Любански и Элейн Шпунгин пытаются разобраться со сложнейшей задачей, которой является сам Хаус.

ИГРАЕМ ХАУСА

Михаил Любански и Элейн Шпунгин

Действие происходит в центре психиатрической и психологической помощи.

Михаил: [заходит в кабинет Элейн, за ним следует студент колледжа] Привет, получил твое сообщение по поводу консультации. Это Джордан, студент, он учится по программе Макнэйр,[1] я этим летом буду руководить его работой. Если не возражаешь, он посидит и послушает. Что касается конфиденциальности,[2] то он уже в курсе, поэтому можем сразу начать. Так что у тебя?

Элейн: [обращается к Джордану.] Не возражаю. Надеюсь, будет небезынтересно. [Обращается к Михаилу.] Спасибо, что так быстро откликнулся. Дело в том, что мне сегодня позвонил редактор из «Бен-

[1] Национальная программа «Макнэйр» ставит своей целью выявление лучших учеников и предоставление им и студентам из малообеспеченных семей возможности получить образование. Программа носит имя Рональда Макнэйра, сына автослесаря, который стал инженером, врачом и астронавтом космического корабля «Челленджер». — *Примеч. авт.*

[2] Психологи и психиатры обязаны сохранять данные о своих пациентах в тайне, однако могут быть сделаны исключения в образовательных и консультативных целях. — *Примеч. авт.*

Белла Букс».[1] Они выпускают популярные книжки, которые тебе так нравятся. Похоже, они собираются издавать антологию, но один из авторов в последний момент отказался участвовать. А им нужен отчет о психологическом диагнозе и назначенном лечении для Хауса к завтрашнему дню. Они прислали историю болезни.

Михаил: Психологический диагноз? Хаоса?

Элейн: Не хаоса, а Грега Хауса. Это главный герой телесериала «Доктор Хаус», что-то наподобие Шерлока Холмса, только он специалист по инфекционным заболеваниям и... [смотрит в свои записи] по нефрологии. Специалист как никто другой.

Михаил: Да, вроде что-то слышал, только есть проблема. Как мы можем поставить диагноз телевизионному персонажу, с которым нельзя ни поговорить, ни осмотреть, не говоря уж о том, что я ни одной серии не видел?

Элейн: Я тебе о нем говорила; они прислали нам его историю болезни [достает пухлую папку толщиной примерно 7–8 см]. Здесь все, что известно о Хаусе: краткое изложение всех его медицинских случаев, отзывы коллег, даже отрывки из сценария и фотографии.[2]

Михаил: Кошмар! Ты хочешь, чтобы я все это прочитал?

Элейн: Твое дело. Кстати, читается с интересом. Мы с Эделин[3] обсуждали это все утро. Она считает, что он попадает под категорию нарциссического расстройства личности и наркотической зависимости.

Михаил: Отлично, вы уже поставили диагноз. Тогда я вам зачем?

[1] «БенБелла» — издательство, публикующее материалы о здоровье, науке, политике, психологии и других вопросах в популярной форме.

[2] Исходное условие: в истории болезни есть только то, что есть в сериале, ни больше ни меньше. — *Примеч. авт.*

[3] Эделин Верона — профессор психологии в Иллинойском университете, курирует аспирантов, занимающихся изменениями личности. Она утверждает, что причина психопатологий, особенно асоциального поведения и агрессии, заключается во внешних обстоятельствах. — *Примеч. авт.*

Элейн: За тем же, зачем и всегда: он сложный. Не укладывается в рамки. Например, в РСД[1] говорится, что у таких больных наблюдается преувеличенное чувство собственной значимости при отсутствии соразмерных достижений.

Михаил: И?

Элейн: И он самонадеянно считает, что всегда прав, он думает, что все в больнице должны прогибаться перед ним... и при этом оказывается самым выдающимся диагностом в стране.

Михаил: Интересно... нарцисс с адекватной самооценкой. Такое возможно?

Элейн: Эделин говорит, что возможно; нарциссы с высоким уровнем умственного развития часто многого добиваются. Его высокомерие, уверенность в том, что он имеет право на все, отсутствие чувства сопереживания и готовность пренебречь другими, чтобы добиться того, чего он хочет, как раз и указывают на нарциссизм.

Михаил: Добиться того, чего хочет он, или того, что нужно его пациентам?

Элейн: Она сказала, это неважно, его поведение объясняется несгибаемым, не поддающимся адаптации и устоявшимся характером, и даже если он хочет чего-нибудь для своего пациента, то своим отношением и поведением дает понять, что, по его мнению, кроме него никто не знает, как действовать в интересах больного.

Михаил: Ну, предположим, он страдает нарциссизмом. А что с наркозависимостью?

Элейн: Он принимает викодин, чтобы снять хроническую боль в ноге после перенесенной закупорки сосудов в бедре. Но главное не в наркозависимости. Если верить тому, что написано, он жалкий сукин

[1] РСД (DSM) — «Руководство по статистике и диагностике психических расстройств», изд. IV. Является основным классификатором психических расстройств, принятым в США. — *Примеч. авт.*

сын, но при этом настоящее светило, понимаешь меня? Сказать, что он полностью зависим от викодина, не совсем правильно, даже если принять во внимание нарциссизм.

Михаил: Дай-ка мне историю [читает несколько минут]. Извини, но никакой загадки здесь не вижу. Отвратительный, несносный характер, брюзга, мужичонка средних лет, кроме работы, ничего нет: классический пример депрессии или затяжной депрессии, что типично для страдающих нарциссизмом. Сообщи в «БенБелла Букс», что ему нужно принимать антидепрессанты.

Элейн: Не думаю. По критериям РСД, на глубокую депрессию это не тянет.

Михаил: Ты уверена? По крайней мере, некоторые симптомы присутствуют, а его коллеги вовсе убеждены, что...

Элейн: Конечно, уверена. У половины наших посетителей депрессия. А у этого типа ее нет. Он может грустить, раздражаться, но способен и радоваться, кроме того, потерей веса не страдает, аппетит, сон в норме, таких признаков, как усталость, нерешительность, ощущение ненужности или суицидальных наклонностей, не наблюдается. У него не депрессия.

Джордан: А разве из истории видно, что у него нормальный аппетит?

Элейн: Вообще-то видно. Читай, ему нравится то, что он ест, и то, что едят пациенты. Похоже, ему особенно по вкусу то, что готовит его друг Уилсон. Кроме того, здесь десятки фотографий, и не похоже, что вес его хоть как-то менялся за несколько лет. Между прочим, он очень даже симпатичный.

Михаил: [с сарказмом] Очень существенный момент для диагноза... А что насчет склонности к суициду и мыслей о смерти? Разве тут не написано, что он ежедневно разъезжает на мотоцикле, несмотря на ногу? Мне это видится попыткой рассчитаться с жизнью. А как он издевается над больными и их родственниками... похоже, недолго ждать осталось — кто-нибудь из них его пристрелит.

Элейн: Один стрелял. Это отражено в истории. Но ты ошибаешься и знаешь это. Хаус не склонен к самоубийству. Он просто любит рисковать. А это не одно и то же. Во всяком случае, его отношение к смерти вполне здравое. Он не отрицает, что все умрут, но считает, что жизнь неплохая штука.

Михаил: Ну, допустим, у него нет ярко выраженной депрессии. И затяжной депрессии тоже нет, поскольку затяжная депрессия — та же депрессия, менее выраженная, но хроническая. Дай-ка мне мел. Каковы его отличительные признаки?

Элейн: В общем-то, Хаус не похож на других. Можно предположить *атипичную* депрессию.

Михаил: Занятно, глубокое депрессивное расстройство с атипичными проявлениями.

Элейн: [берет справочник по статистике и диагностике умственных расстройств] У него «устойчивая, крайне выраженная чувствительность в ответ на неприятие окружающими».

Михаил: О чем ты говоришь? Из истории болезни следует, что ему наплевать на то, что о нем думают окружающие. По описанию он грубый, резкий и отвратительный тип.

Элейн: ...И еще политически некорректный... Все правильно, но посмотри-ка на его отношения со Стэйси. Когда она от него ушла, он был полностью разбит и целых пять лет только и думал о том, чтобы ее вернуть.

Михаил: И что?

Элейн: А то, что на самом деле ему не все равно, что о нем думают окружающие. Их мнение заботит его даже *больше*, чем других.

Михаил: Как это понимать?

Элейн: Посмотри, если он настолько отвратителен и груб с людьми, можно объяснить отсутствие у него нормальных взаимоотношений с ними тем, что он их намеренно отталкивает от себя. Или же, наоборот, он сталкивается с тем, что люди отвергают его, как его отец, а это для него непереносимо.

Михаил: Предположим...

Элейн: Неужели непонятно? От этого, когда его отвергают, он становится *более* чувствительным, чем большинство из нас. Ведь многие хотят, чтобы их отвергли, чтобы потом, возможно, приняли и полюбили.

Михаил: Я понял, но ни то ни другое произойти не может. Если он так драматично воспринял разрыв, то, должно быть, хотел пойти на риск разрыва, чтобы затем снова быть с ней.

Элейн: Но это случилось более пяти лет назад, возможно, до того, как проявились все эти симптомы. Ты обязательно должен прочитать весь отчет. После разрыва Хаус все-таки смог вернуть Стэйси, хотя она уже была замужем. Она даже решила уйти от мужа к Хаусу, хотя и не надеялась, что он хоть как-то изменится. Вообще-то, после того, как он сох по ней пять лет, от него этого можно было ожидать, но нет. Он заявил, что их отношения ни к чему не приведут и ей лучше остаться с мужем. Он отверг ее, потому что боялся, что их союз долго не просуществует и что она снова начнет высказывать ему свои претензии. Он предпочел навсегда с ней расстаться, но не быть отвергнутым!

Михаил: Очень занятная теория, но ее можно принять только в том случае, если Хаус действительно отвечает прочим критериям.

Элейн: Да, согласна. Давай посмотрим... Вдобавок к гиперчувствительности в личных отношениях у него также должна бы быть «реактивность настроения», способность радоваться, когда происходят радостные события, и наличие одного из следующих признаков: повышенный аппетит или увеличение веса; гиперсомния; или онемение рук и ног. Атипичной депрессии у него тоже нет.

Михаил: [просматривая историю болезни] Здесь написано, что у него хроническая боль вследствие закупорки сосудов в бедре недиабети-

ческого характера. А как насчет расстройства настроения, связанного с общим состоянием?

Элейн: Нет. Такой диагноз подошел бы, если бы изменение настроения было прямым *физиологическим* следствием общего состояния. Насколько мне известно, закупорка сосудов в бедре не повлияла на уровень серотонина. Не подходит.

Михаил: То, что он постоянно принимает викодин, может вызвать отклонения в настроении. Это могло бы объяснить все симптомы, включая меланхолию, раздражительность, нежелание вступать в общение с окружающими, перепады настроения... А с другой стороны, все это довольно редкие побочные реакции на викодин. Кроме того, чтобы определить действительную причину, нам пришлось бы продержать его без викодина довольно долгое время.

Элейн: В истории написано, что как-то на спор он провел целую неделю без викодина, в результате чего у него усугубилась дисфория[1] и он стал более раздражительным. А это довольно показательно, учитывая то, что обычно он ведет себя вызывающе.

Михаил: Дай-ка немного подумать. Он раздражителен, когда принимает викодин, и еще более раздражителен без него. Это означает, что повышенная раздражительность вызвана либо отказом от приема викодина, либо хронической болью.

Элейн: Либо ни тем ни другим, поскольку эти симптомы проявлялись и до закупорки сосудов. Жалко, что в истории болезни об этом не говорится. Единственное, что нам известно, так это то, что Хаус сказал Уилсону, что он «отдаляет людей от себя с трех лет».[2]

Михаил: Да, я уверен, что эти детские воспоминания вполне надежны. А что говорят его коллеги по работе?

Элейн: Похоже, Кадди согласна с Хаусом.

[1] Дисфория — настроение подавленности.
[2] Серия «Детоксикация», 1-11. — *Примеч. авт.*

Михаил: Они что, ходили в одни и те же ясли?

Элейн: Ну, не в ясли, но она говорит, что он был таким же мерзким сукиным сыном и до встречи со Стэйси. С другой стороны, Уилсон утверждает, что Хаус все-таки изменился. Он настаивает на своих словах. Поэтому нельзя исключать, что нарушение настроения вызваны либо наркозависимостью, либо болью.

Михаил: Была бы у нас волшебная палочка, чтобы взмахнуть, и боль бы у него прошла! Тогда бы мы узнали, что является причиной — боль или лекарства от боли.

Элейн: [взмахивает карандашом, как палочкой] Вуаля!

Михаил: Что это значит?

Элейн: У тебя же в руках история болезни, так прочитай! После того как в Хауса стреляли, его с помощью кетамина ввели в состояние комы, что, очевидно, отключило, а затем включило мозг и тем самым успешно устранило хроническую боль, как это происходит у многих больных. После операции по извлечению пуль из шеи и живота Хаус пришел в себя и обнаружил, что боль в ноге прошла. Через два месяца после операции он уже бегал и катался на скейтборде. Более того, на работу он вернулся новым человеком: сарказм остался, но не такой ядовитый.

Михаил: Ну, так о чем разговор?

Элейн: Не повезло. Лечение бывает успешным только в 50% случаев. Хаус оказался среди тех, кому не повезло. Боль вернулась, и он снова принялся принимать викодин и опять стал угрюмым и раздражительным.

Михаил: ...Что возвращает нас к исходному положению. Мы что-то пропустили. Давай на сегодня поставим точку и поговорим завтра. А я пока полистаю историю болезни.

На следующий день, в центре психологической и психиатрической помощи.

Михаил: [входит вместе с Джорданом в кабинет Элейн] Ты была права... все это занятно было почитать. Мы ищем не там.

Элейн: Привет!

Михаил: Да, да, привет! Его дурное настроение и раздражительность лишь маскируют настоящую проблему.

Элейн: И что за проблема?

Михаил: Окружающие. Сам Хаус счастлив и весел, а окружающие несчастны.

Элейн: Ты считаешь Хауса счастливым человеком? Ну-ка расскажи поподробнее.

Михаил: Самым простым было бы измерить его по шкале «Удовлетворенности жизнью» Эда Динера[1] или по каким-то другим критериям. Этого мы сделать не можем, но мы *можем* сравнить Хауса с теми, кого исследователи квалифицируют как «счастливых». По их мнению, счастливый человек характеризуется несколькими специфическими чертами: это экстраверт, он имеет обширные социальные контакты, он обладает высокой самооценкой, он в большой степени оптимист, он владеет собой и живет как живется.

Элейн: Экстраверта можно исключить. Хауса социальной личностью не назовешь.

Михаил: Правильно, он не экстраверт. Но и не интроверт. К тому же где-то я читал, что это качество составляет лишь 8% того, что мы называем счастьем. Да, он малообщителен, поэтому обширные социальные контакты можно также исключить. Но все остальное у него есть.

[1] Эд Динер, специалист в области социальной психологии из Иллинойсского университета, занимается вопросами счастья и субъективного благополучия уже более 25 лет. Его работа «Шкала удовлетворенности жизнью» переведена на десяток языков, на нее ссылаются более тысячи журнальных статей. Ее можно прочитать на сайте http://www.psych.uiuc.edu/~ediener/SWLS.htm. Динер, который любезно согласился дать нам консультацию по поводу нашей статьи, утверждает, что люди, которые любят свою работу, но которым нет дела до межличностных отношений (как Хаусу?), как правило, имеют низкий коэффициент положительных эмоций (что ничего не говорит об их отрицательных эмоциях), но иногда среди них встречаются вполне удовлетворенные жизнью. – *Примеч. авт.*

Элейн: Итак, тебе удобнее пренебречь двумя показателями, которые не вписываются в твою теорию?

Михаил: Это как депрессия и нарциссизм. Для полного соответствия совсем не обязательно иметь все характеристики. Самооценка и самоконтроль идут вместе, поэтому начнем с них. Счастливые люди довольны собой.

Элейн: Конечно, он самовлюбленный тип, он сам себе нравится. Но важно отметить самоконтроль.

Джордан: Простите, что перебиваю, но мне непонятно, как врачи могут определить, что человек контролирует себя. Мне кажется, что Хаус не может ничего контролировать: ни реакцию больных на препараты, ни их жизнь или смерть.

Михаил: Нет, нет, речь не о том, что ему *подконтрольны* какие-то события. Речь идет о том, что ему *кажется*, что он может их контролировать. Зелигман[1] с коллегами показали, что люди, считающие, что их поступки не имеют никакого значения, более подвержены состоянию беспомощности и последующей депрессии. Наоборот, счастливые люди склонны контролировать события. Они испытывают удовлетворение оттого, что принимают решения, оказывают влияние, потому что считают, что у них для этого есть все способности. Кроме того, когда им что-то не удается, как это случается со всеми нами, они склонны объяснять неудачи какими-то внешними факторами, а не своими качествами. Хаус считает, что обладает способностью воздействовать на мир, способностью узнавать причину болезни, и при этом он спасает многие жизни. То, что исход заболеваний иногда предсказать нельзя, и то, что он иногда ошибается и иногда даже причиняет вред больному, никак не может его разубе-

[1] Марти Зелигман – профессор психологии в Пенсильванском университете. Он известен, главным образом, своей теорией приобретенной беспомощности и вкладом в развитие позитивной психологии. – *Примеч. авт.*

дить в том, что не все ему подвластно, поскольку он приписывает неудачи не себе, а внешним обстоятельствам.

Элейн: То есть поскольку «все лгут», у него не было достоверной информации...

Михаил: Или ему помешало начальство...

Элейн: Или виноваты его помощники... Но есть ли такое понятие, как чрезмерная самоуверенность или чрезмерный самоконтроль? Я имею в виду то, что он, похоже, думает, что способен решить любую медицинскую задачу, и настолько уверен в собственных способностях, что начинает лечение, даже не получив результаты анализов для подтверждения диагноза!

Михаил: Совершенно верно, но его гордость и уверенность оправданны. Известно, что коллеги обвиняют его в том, что он считает себя богом, но его уверенность — это не бред сумасшедшего. Если присмотреться, то в нем можно обнаружить и чуточку смирения.

Элейн: Шутишь! Он же самовлюбленный тип, или забыл?

Михаил: Я совершенно серьезно. Кадди рассказала, что как-то спросила Хауса, почему он считает себя вечно правым — даже тогда, когда с ним никто не согласен. И знаешь, что он ответил? Он сказал: «Не знаю. Мне просто трудно действовать в соответствии с тем, как думают другие».[1] А это означает, что уверенность, по крайней мере частично, является его стратегией, а это, между прочим, свидетельствует против нарциссизма. И это позволяет ему делать свое дело лучше, чем другие. И я уверен, что ты заметила, как он стремится привить эту же уверенность своим помощникам. А это, знаешь ли, совсем неплохо, когда ты отстаиваешь свою точку зрения... В любом случае, продолжаем. Люди с высокой самооценкой имеют строгие моральные принципы и непредвзяты...

[1] Серия «Пилот», 1-1. — *Примеч. авт.*

Джордан: И это исключает третье. Я частично прочитал историю болезни этим утром. Похоже, что этот доктор Хаус делает, что захочет и когда захочет, не обращая внимания ни на кого и ни на что, и правила ему не указ. Не является ли он примером анархиста, у которого нет ни морали, ни этики? Кажется, доктор Форман называл его анархистом.

Михаил: Слово «анархист» мы иногда употребляем в отношении человека, для которого не существуют нормы общества и власть. Однако можно отвергать и то и другое, но при этом соблюдать моральные принципы. В поведении Хауса четко прослеживается последовательная система — этическая иерархия, в которой на первом месте стоит жизнь больного, затем его здоровье, а потом уже качество жизни. Он бесит людей, потому что в его этическом кодексе нет места для чувств коллег и для правил, указаний, распоряжений, касающихся защиты интересов больницы и врачей. Можно не соглашаться с его этическим кодексом, но он у него, несомненно, есть, и Хаус считает, что этот кодекс превыше всего. К примеру, когда Форман очень серьезно заболел и сам стал пациентом, отношение Хауса к нему изменилось. Он делал все возможное, чтобы найти причину болезни, и вышел из себя, когда Кадди решила соблюсти нормативы, предписанные Центром контроля за заболеваниями, и не разрешила провести вскрытие полицейского, который умер от такого же заболевания, опасаясь, что оно могло быть заразным.

Элейн: Хорошо, я согласна с тем, что *он считает* себя этичным в большей степени, чем другие, хотя таковым не является, но отказываюсь признавать, что у него меньше предубеждений, чем у других.

Джордан: Я тоже об этом думал. Помнится, он назвал доктора Формана «Негрополеоном Негропартом»[1] и не разрешал ему писать на доске, потому что она *белая*. И кроме этого он отпускает всякие сальные шуточки в отношении доктора Кадди...

[1] Серия «Обман», 2–9. — *Примеч. авт.*

Элейн: ...И позвал Уилсона на осмотр женщины с подозрением на рак груди, чтобы показать ему «классные буфера».

Михаил: И тем не менее предрассудков у него нет. Прежде всего, он оскорбляет и насмехается почти над каждым, с кем ему доводится встречаться. Во-вторых, он отпускает расовые,[1] а не расистские шуточки в присутствии людей с темной кожей, что свидетельствует о том, что он вполне комфортно себя ощущает в смешанном обществе и осознает динамику этого общества. Его шуточки всегда обращены на конкретных людей, а не на группу или класс, и в целом его поведение показывает, что он оценивает окружающих по их способностям, а не по другим признакам. Его коллеги это понимают. Их это может раздражать, но, похоже, не обижает. В какой-то момент Кэмерон даже советует ему прекратить притворяться женоненавистником, поскольку в действительности он мизантроп.

Элейн: Рада, что ты помог нам в этом разобраться... Не хотелось бы ставить ему неправильный диагноз.

Михаил: Вообще-то мне кажется, что он притворяется мизантропом, так как это дает ему право делать все что заблагорассудится. Я понимаю, что он раздражает своих коллег, выводит их из себя, но он также знает, как ладить с ними на работе. Похоже, что до того, как он уволил Чейза и Формана, и перед уходом Кэмерон ему удавалось сохранять нормальные рабочие взаимоотношения почти со всем персоналом больницы, со всеми, с кем он регулярно сталкивался по работе. Конечно, не всем он нравился, но не в этом дело. Дело в том, что он нравился сам себе.

Элейн: Ну хорошо, у него высокая самооценка, он обладает самоконтролем, но это всего лишь две характеристики счастливого человека из шести, а еще две у него отсутствуют. Поэтому на данный момент я склонна заключить, что причина его болезни в наркозависимости либо это пассивно-агрессивное расстройство личности.

[1] Высказывания расового характера означают признание существования рас и расовых различий, тогда как высказывания расистского толка направлены на то, чтобы унизить одну расу и возвысить другую. — *Примеч. авт.*

Михаил: Нет проблем. Пятая характеристика счастливых людей — оптимизм. Я думаю, что уже убедил вас в том, что Хаус уверен в своих диагностических способностях, но его оптимизм простирается на многие другие области. Очевидно, он считает, что назначенное им лечение правильное. Он верит, что добьется успеха, будь то скачки или борьба за жизнь больного. Он также демонстрирует это качество в общении с начальником и коллегами. Он радуется, когда меньше загружен на работе, когда у него меньше больных, его вполне устраивают эти странные отношения с людьми, и при этом он умудряется сохранить работу.

Элейн: Да-да, а Стэйси? Куда делся его оптимизм?

Михаил: Это правда, оптимизм улетучивается, когда дело касается того, чтобы изменить себя. Но он добивался Стэйси очень долго, а это доказывает его уверенность в себе, высокую самооценку, способность к самоконтролю и оптимизм. В конце, когда она решила остаться с ним и он ее отверг... вероятно, он бежал, чтобы не быть отвергнутым, о чем мы говорили ранее, отвергнуть ее для него было способом сохранять контроль над событиями. Он не желал, чтобы они происходили без его участия. Он должен был контролировать происходящее, даже если из-за этого было так больно и ему и Стэйси. Я не говорю, что он всегда настроен оптимистично; я просто говорю, что трудно оспаривать тот факт, что в большинстве ситуаций он проявляет завидный оптимизм и контроль над происходящим.

Элейн: Хм...

Михаил: Великолепно. И последняя характеристика счастливых людей заключается в том, что они живут как живется.

Элейн: Вот и твой третий промах. Ты только что сказал, что он не хочет, чтобы события происходили без его участия. Я не думаю, что встречала кого-то, кто бы так упорно шел *против* течения. Хаус — как лосось, всегда плывет против течения.

Михаил: Неплохая метафора, но я говорю о потоке Чикжентмихалыя.

Джордан: Чик... что?

Михаил: Михал Чикжентмихалый. Это психолог, который придумал понятие потока. Вы читали интервью с ним в журнале «Wired»?[1]

Элейн: Я похожа на читательницу «Wired»?

Михаил: Подожди... Вроде, он где-то здесь [роется в стопке бумаг и журналов на полу]. Ага, вот он. Сейчас найду страницу. Вот. Он называет потоком «возможность заниматься делом ради самого дела, когда эго полностью отпадает, время не чувствуется, каждая следующая мысль и действие четко вытекает из предыдущего, нет ничего лишнего — как в джазовой импровизации, ты вовлечен целиком, от пяток до кончиков волос, и способен использовать свои возможности на 100%».[2]

Джордан: Это все равно как встречаешься с кем-то на свидании, и сердца бьются в унисон, и все происходит само по себе, и ты настолько увлечен моментом, оглянуться не успеваешь, как уже наступил вечер...

Михаил: Встречаешься с новой девушкой, Джордан?

Джордан: Да нет, это я гипотетически.

Михаил: Хорошо, поэтому гипотетически вы понимаете, что это означает. И обратите внимание, Чикжентмихалый говорит, что возможность испытать состояние потока усиливается, когда мы сталкиваемся с трудностями и проблемами, для решения которых необходимы наши лучшие знания и умения. Согласитесь, что это как будто бы списано с Хауса. Я бы сказал, что он испытывает состояние потока ежедневно.

Элейн: Полагаю, это возможно.

[1] «Wired» — журнал, посвященный использованию компьютерных технологий.
[2] Гейрланд. — *Примеч. авт.*

Михаил: Конечно, возможно. Испытать состояние потока, по крайней мере на какое-то время, это значит *быть счастливым*. А для Хауса это значит полное счастье. Итак, у нас есть самооценка, контроль, оптимизм и поток. Как сказал бы Мит Лоуф: «четыре из шести — вовсе не плохо».[1] Согласны?

Элейн: Послушай, мне не хотелось бы лопать мыльный пузырь, но твои доводы пригодны только для профессиональной жизни. Если ты совершенно игнорируешь его личные отношения и то, как он чувствует себя вне работы, то тогда ты прав, его можно назвать счастливчиком. Но если ты посмотришь на него вне работы, то скажешь, как и все, что он жалок и несчастен.

Михаил: Да ну! Никто не может быть постоянно счастлив. И разве счастливые люди не испытывают грусть, печаль, ярость или злость?

Элейн: Испытывают, но это обычно связано с жизненными обстоятельствами и ежедневными стрессами. И, как тебе известно, счастливые люди обычно справляются с такими стрессами с помощью друзей, семьи, а не ищут утешения у проституток, в азартных развлечениях, не шкодят, как подростки, сующие палец спящего товарища в банку с водой. У него и друзей-то нет, кроме Уилсона.

Михаил: Не вижу ничего плохого в том, чтобы иметь только одного хорошего друга. Это даже больше, чем имеют многие другие.

Элейн: Замечательно, но партнера для романтических отношений у него нет. А единственную женщину, которую он любил, он потерял, точнее, оттолкнул от себя.

Михаил: Это можно квалифицировать как «жизненное обстоятельство или ежедневный стресс».

Элейн: Не прерывай. Помимо работы у него нет никаких других занятий или хобби.

[1] Мит Лоуф — американский певец, кино- и театральный актер.

Михаил: А что, разве азартные игры и хождение по бабам — недостойное занятие?

Элейн: Очень смешно, однако сам Хаус говорит об этом как о чем-то временном, что мешает ему быть самим собой. Это как его издевки над Уилсоном, как пари с коллегами по поводу чего-нибудь вроде того, является ли больной настоящим отцом своего ребенка или нет. Его жизнь вне работы пуста, и все это просто жалкие попытки заполнить ее, а не проявить себя.

Михаил: Горький сказал: «Когда работа в удовольствие, жизнь в радость».

Элейн: Это так, но Горькому никогда не попадался такой тип, иначе он сказал бы: «Когда работа в удовольствие, воспользуйтесь ею как возможностью уйти от вашей жалкой жизни»! Взгляни-ка на факты. Ты знаешь, почему к Хаусу неприменим почти ни один из симптомов глубокой депрессии? Только потому, что работа — это часть уравнения. Убери из него дела, связанные с работой, и получишь Хауса с депрессивным расстройством и ангедонией.[1] Добавь отсутствие личных отношений, пессимизм по поводу всего, что не связано с работой, и мы сможем заключить, что он соответствует определению глубокой депрессии или дистимии, приведенному в РСД.

Михаил: Прежде всего, РСД так вопрос не ставит. Мы не можем сказать, что его высокофункциональные зоны не существуют, а диагноз он ставит, опираясь только на низкофункциональные зоны. Во-вторых, нам, согласись, мало что известно о его доме и личной жизни. История болезни, беседы с коллегами по работе, материалы о больных — все в основном вертится вокруг работы. Возможно, у него есть интересы, о которых мы не знаем. Возможно, у него есть другие друзья. Кроме того, Хаус наверняка занимается и тем, что ему нравится. Мне кажется, что ему нравится кататься на велосипеде, мне кажется, ему нравится играть на пианино, даже если его игра

[1] Ангедония — неспособность испытывать радость. — *Примеч. перев.*

несколько печальна. Ему также нравятся видеоигры, нравится телевизор, и хотя ты можешь и не одобрять телевизор как «достойное» времяпрепровождение, там можно найти немало интересного.

Элейн: Типа «Доктора Хауса»?

Михаил: Совершенно верно! Во всяком случае, я имею в виду то, что нам действительно не известно, как он проводит время вне работы или насколько его устраивает его собственная компания, — может быть, вполне устраивает.

Элейн: А может быть, вовсе не устраивает. Ты видел, что он отчудил, чтобы помешать Уилсону съехать с квартиры?

Михаил: Это доказывает только то, что с Уилсоном ему жить не плохо. Как бы то ни было, это поддерживает мою версию о том, что Хаусу много что нравится. Даже его стремление добиться Стэйси, что Уилсон интерпретировал как эмоциональное истощение, вероятно, стало для Хауса чем-то желанным, еще одним препятствием, которое необходимо преодолеть, еще одной загадкой, которую нужно разрешить. Не то что бы он не чувствовал эмоциональной и физической боли, когда оттолкнул ее, но то, что он ее отверг, могло означать, что его скорее привлекала сама охота, нежели добыча.

Элейн: Ладно. Но ты не можешь утверждать, что у него нормальные личные отношения вне работы.

Михаил: А почему они обязательно должны быть вне работы? На работе Хаус постоянно вступает в отношения с разными людьми. Вместе с Уилсоном они обедают, разговаривают о своих любовных похождениях, шутят, дают советы друг другу по поводу реальных и воображаемых больных и даже обсуждают, что делают друг для друга ради дружбы (к примеру, что чувствует Хаус, когда берет для Уилсона взаймы деньги, или каково Уилсону врать ради Хауса). Хотя Хаус много времени проводит в раздумьях или за чтением, еще больше времени у него уходит на разговоры со своими подчиненными. Они хорошо знают друг друга. Им комфортно вместе. И, возможно, они

будут вынуждены признать, что им нравится быть вместе. Может, это не близкая дружба в классическом смысле, но их взаимоотношения имеют самые разные формы — это поддразнивание, разногласия, соперничество и откровения о маленьких семейных тайнах: смерть родителей или супруга, сложные отношения в семье, супружеская неверность, серьезные заболевания.

Джордан: Но доктор Хаус не выказывает им поддержки или сочувствия, когда у них трудности!

Михаил: И да, и нет. Что касается душевной теплоты, то здесь его оценка невысока. Внимание и заботу, в отличие от Кэмерон, он не источает. Но он очень внимателен к близким людям, он подмечает, что что-то произошло, а это не характерно для большинства людей, которых мы называем друзьями. Он замечает отсутствие любимого украшения, новый яркий галстук или выглаженную рубашку, заплаканные глаза после рядовой беседы с больным. Можно предположить, что внимание к деталям и интерес к внутренней жизни людей — это выражение заботы и внимания. Неужели вы будете утверждать, что ему нет дела до Формана или Кэмерон, что ему все равно, что с ними происходит? Неужели вы думаете, что *они* со всей откровенностью скажут, что они для Хауса пустое место? Я не утверждаю, что в соревновании за приз «Кто лучший друг?» он победит или что его отношения с людьми — это образец эмоционального здоровья. Меня просто не убеждает утверждение, что он несчастен и одинок в личной жизни, как вы это пытаетесь представить.

Элейн: Послушай, все это замечательно, но «счастье» — это не клинический диагноз. И если в его жизни все так хорошо, то почему же он уволил Чейза и почему от него ушли Кэмерон и Форман? Если хочешь знать мое мнение, я считаю, что у него кризис.

Михаил: Ты попала в точку. Поставить диагноз Хаусу трудно, потому что он представляет собой клиническую загадку. Но в некоторых отношениях виновато РСД, поскольку оно предписывает использование дискретных диагностических категорий, тогда как

в большинстве случаев при постановке диагноза больше подходят динамические многомерные характеристики. Однако я продолжаю утверждать, что Хаус в полном порядке, возможно, за исключением некоторой склонности к нарциссизму. Проблемы у тех, кто его окружает.

Элейн: Вот это да! Но тем не менее нам нужен диагноз и рекомендации по лечению. Может быть, мы пропишем таблетки от счастья?

Михаил: Ну а *твои* рекомендации?

Элейн: Основное лечение практически всех взрослых пациентов с расстройствами психики, независимо от того, соответствуют ли они диагностическим критериям, состоит в беседах и психотерапии. Как вам известно, такое лечение в целом дает очень хорошие результаты. В восьмидесяти процентах случаев наблюдается улучшение.

Михаил: Может, так оно и есть, но ты же знаешь эти шутки про лампочки.[1]

Элейн: Да, да. Психотерапия помогает, но только если этого хочет сам пациент.

Однако предугадать исход невозможно. Есть примеры успешного лечения, когда пациентам предписывают пройти такое лечение, к примеру, в судебном порядке.

Михаил: Мне нравится такой подход. Скажи своим людям в издательстве «БенБелла Букс», что мы всем прописываем обязательное лечение.

Элейн: О чем ты? Как это «всем»?

Михаил: Психотерапия. Групповая терапия всем, у кого проблемы в общении с Хаусом. Не в этом ли состоит твоя рекомендация?

Элейн: Что?

[1] Сколько нужно психологов, чтобы заменить перегоревшую лампочку? Один, но надо спросить желание лампочки. — *Примеч. авт.*

Михаил: Вообще-то мне показалось, что мы согласились с тем, что, несмотря на раздражительность и приступы дурного настроения, в целом он счастливый человек с высокой самооценкой, ощущением, что его жизнь подконтрольна ему, он оптимист, испытывает состояние потока и...

Элейн: ...И еще нарциссическое расстройство личности. А ты что думаешь?

Михаил: Я думаю, что назвать Хауса несчастливым человеком нельзя. И даже если у него нарциссическое расстройство личности, то, как и многие расстройства личности, оно в общем-то неизлечимо. Это означает, что данный кризис не может быть разрешен, если Хауса лечить, что, в свою очередь, означает, что нам необходимо лечить тех, кто испытывает проблемы при общении с ним, и помочь им управлять своими эмоциями и реакциями. Принимая во внимание количество этих людей, а также учитывая то, что у всех у них одна и та же проблема, хотя и выражающаяся по-разному, и то, что в больнице есть психолог, который проводит сеансы групповой психотерапии, наиболее нетрудоемкий и эффективный совет для всех них и для всех будущих членов его команды — совместная групповая терапия.

Элейн: Ты хочешь, чтобы я сказала редакторам в «БенБелла Букс», что... что мы считаем Хауса относительно счастливым человеком, что, может быть, у него нарциссическое расстройство личности, а может и нет, но в любом случае это расстройство не лечится, и что всем остальным сотрудникам больницы нужно прописать лечение, чтобы они успешно сосуществовали с ним?

Михаил: Ну, суммируя все сказанное, пожалуй, так.

Элейн: И ты думаешь, они клюнут на это?

Михаил: Понятия не имею. Мой диагноз и рекомендации правильные, но люди не всегда готовы слушать правду. Рукопись-то редакторы прочитают, но опубликуют ли? Это вопрос. [Собирает свои вещи.] Как сказал бы Хаус, делай все, что сочтешь правильным. Пока. [Выходит.]

Михаил Любански, преподаватель факультета психологии Иллинойского университета в Урбана-Шампейн, защитил диссертацию, ведет занятия по расовой и этнической психологии и теории психотерапии, проводит исследования по расовым отношениям и проблемам миграции. Периодически пишет статьи для издательства «БенБелла Букс». Как и Хаус, он считает, что во всем прав. В отличие от Хауса обнаруживает, что часто бывает не прав. К счастью, его оптимизм и ощущение контроля над происходящим от этого совершенно не страдают.

Элейн Шпунгин защитила диссертацию, является директором Центра психологической помощи, местной психиатрической клиники, а также директором программы подготовки диссертантов на факультете психологии Иллинойского университета в Урбана-Шампейн. Она похожа на Хауса тем, что быстро распознает людей, но обычно выражает свое мнение с бóльшим тактом и более дипломатично.

Источники

American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders Fourth Edition, Text Revision.* Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1994.

Geirland, John. «Go with the flow.» *Wired.* September 1996. <http://www.wired.com/wired/archive/4.09/czik.html>

Myers, David G. «Who Is Happy-and Why?» In *Exploring Social Psychology.* New York: McGraw-Hill, Inc., 1994.

Несмотря на то что почти в каждой сцене мы видим, как Хаус страдает от боли (хромота или что-то другое), эта боль является наименее исследованным аспектом сериала, во всяком случае, кроме как в каждой серии длиной в один час, этот аспект нигде не обсуждают. Каково это — жить с постоянной болью? Как эта боль влияет на мыслительную деятельность, настроение, взаимоотношения в обществе? Джеймс Гилмер знает это не понаслышке и показывает нам реальные ситуации, которые помогают лучше понять Хауса и то, как он борется с недугом.

А БОГ ХРОМАЕТ?

Джеймс Гилмер

В западной цивилизации, особенно в американской, существует своеобразное отношение к боли. Может быть, мы обязаны этим иудейско-христианской идее терпения, что считается благом для души, с изрядной долей пуританской нравственности: страдания Адама и Евы, которые впали в немилость после грехопадения, и все такое. Помимо этого в американской культуре существует интересное представление о медиках: врачей изображают авторитарными личностями, которые знают все, которые с каменным выражением лица сеют богоподобную мудрость и лечат отважных больных, а те, стиснув зубы и вцепившись в кровать, терпят любой одолевающий их недуг.

И вдруг нам показывают доктора Грегори Хауса — гения, решающего медицинские загадки и жующего викодин, — воистину струя свежего воздуха в затхлом жанре медицинской драмы. Хаус снимает боль викодином — под этим названием поступает в продажу соединение гидрокодона с ацетаминофеном. Гидрокодон — вещество, снимающее

напряжение, которое относится к группе полусинтетических опиатов, производных кодеина и тебаина.

Почему же в нашем обществе, где облегчить страдания можно лишь протянув руку к домашней аптечке (как утверждает реклама), это лекарство представлено таким монстром? Что страшного в том, что Хаус, которому, похоже, этот наркотик помогает, принимает его, чтобы нормально жить и делать свою работу? Почему его лучший друг постоянно пытается уговорить его попробовать другие способы лечения? Почему этот друг, онколог, который в своей практике постоянно сам сталкивается с болью у раковых больных, все время борется с Хаусом из-за того, что тот принимает викодин? Не является ли Хаус со своим умом и знаниями еще одним врачом с комплексом бога, хромым богом в политеистическом пантеоне, богом, страдающим от человеческих недугов и все-таки возвышающимся над обществом, или же он просто очень умный врач, который страдает от ужасных мучений?

ХАУС:

Я сказал, что я наркоман. Я не говорил, что у меня есть какая-то проблема («Детоксикация», 1-11).

Вряд ли поведение Хауса у постели больных, которое никак не назовешь участливым, идет им на пользу, но причина такого поведения — не викодин, как заметила бывшая подружка Хауса Стэйси. Так почему же всех так заботит, что Хаус принимает эти таблетки? Что такого в этом несильном наркотике?

Само слово *наркотик* имеет таинственную силу. Оно сразу вызывает у нас определенные представления, не так ли? В этом слове заключен отрицательный смысл — на ум приходят заведения, где можно купить наркотики, и наркоманы. А ведь наркотики ежедневно применяются в больницах США для лечения больных с хронической или острой болью.

Термин «наркотик» первоначально обозначал медикаменты, получаемые из опиума, но в правовой практике США наркотиками признаны препараты, перечисленные в законе об обращении с контролируе-

мыми веществами, даже если по химическому составу это вещество не относится к опиатам.

Викодин — лишь одно из торговых названий гидрокодона, который поступает в продажу и под другими названиями и является самым известным и широко распространенным наркотическим анальгетиком, продаваемым по рецепту. Тот, у кого нет хронических болей, приняв этот препарат, испытает то, что обычно называют «кайф», потому что он вызывает эйфорию (один из его побочных эффектов), а также снимает напряжение, беспокойство и агрессию.

Похоже ли это на Хауса? Можно сказать, что он пребывает в постоянном состоянии эйфории? Да, есть еще один нюанс: дело в том, что у таких хроников, как доктор Хаус, этот чудесный препарат не вызывает кайфа. Если бы они принимали его в дозах, превышающих уровень, необходимый для снятия боли, может быть, такой эффект и был бы, но в рамках традиционного лечения, когда мы видим, что Хаус хромает и весь день у него на лице гримаса боли, не похоже, что он находится в состоянии эйфории.

Да, изредка показывают, как Хаус принимает наркотика больше, чем надо, чтобы снять боль, и получает определенный кайф, но мы также видим, что он воздерживается от приема препарата, когда занимается пациентом. (Помните эпизод, когда он собрался сделать себе инъекцию морфия, но вдруг ему звонят из больницы? Он тут же откладывает шприц и ковыляет, чтобы делать свою работу.)

ХАУС:
Кого ты предпочтешь — врача, который держит тебя за руку, а ты при этом умираешь, или врача, который на тебя внимания не обращает, а ты идешь на поправку? Думаю, самое паршивое — это когда ты умираешь, а врач на тебя внимания не обращает.
(«Бритва Оккама», 1-3)

В сериале часто упоминается, что опиаты не избавляют от боли, они ее только заглушают. Все так, но пока Хаус не получил новую ногу, и заглушить боль неплохо.

Хроническая боль не постоянна. Она не остается на одном уровне, и то, что помогает одному больному, не годится другому. Может, всем

и не надо принимать опиатные анальгетики, как и каждому ребенку не надо бы глотать риталин.[1]

Это и есть причина, называемая медицинской практикой: нет моментального средства или волшебной таблетки, такой, чтобы принять один раз, и боль сразу исчезла бы без следа.

ХАУС:
Я рискую; иногда пациенты умирают. Но если не рисковать, больных умрет еще больше; поэтому, думаю, моя беда в том, что у меня все в порядке с математикой.
(«Детоксикация», 1-11)

Дать умирающему марихуаны, чтобы облегчить боли в желудке? Да, Уилсон без проблем скрутит сигаретку для больного. Хоть и скрепя сердце, но все чаще допускают возможность использования наркотиков при лечении безнадежно больных или больных раком, или с глаукомой, или чем-то подобным. Но больным дают марихуану, у которой нет такой репутации, как у викодина, или морфия, или оксиконтина, иначе называемого «героином для быдла».[2]

Подростки продают риталин, вызывающий кайф, своим одноклассникам, и хотя определенная озабоченность высказывается, врачи не торопятся бросаться защищать тинэйджеров от риталина. Про действие риталина известно гораздо меньше, чем про викодин, но доподлинно известно, что прекращение приема риталина вызывает ломку, если происходит резко.

Большинство наркотиков влечет за собой ломку, если бросить их принимать. Это результат того, что ваш организм привыкает к препарату, а потом ему приходится приспосабливаться к тому, что наркотик больше не поступает. Да, эти симптомы не такие серьезные, как в случае с опиатами, но вся разница в степени, а не в характере ломки. Здравоохранение и широкая общественность только сейчас наконец-

[1] Риталин — «детский кокаин».

[2] Оксиконтин считается эффективным обезболивающим средством, особенно при онкологических заболеваниях; при увеличении дозы употребления оксиконтин оказывает на человека такое же воздействие, как и героин. Оксиконтин становится все более популярным и составляет серьезную конкуренцию героину, поскольку значительно дешевле последнего.

то начинают осознавать, что нет такого препарата, прием которого не был бы сопряжен с риском.

В любом взятом эпизоде «Доктора Хауса» вы увидите многообразные и различные побочные эффекты, которые может вызвать у больного неправильно назначенное лекарство. В сериале отлично показано, как не тот препарат, принятый не в то время, может привести к летальному исходу. Команда медиков постоянно борется с побочными эффектами, вызванными медикаментами, которые прекрасно подходят для лечения других заболеваний.

Посмотрите, как в сериале изображена реакция на боль, а еще лучше посмотрите, как люди из окружения Хауса реагируют на собственную боль. В сериях «Эйфория, часть 1» и «Эйфория, часть 2» (2–20 и 2–21) Форман оказывается в таком ужасном состоянии, что его жизни угрожает... очень болезненная смерть. Спасти его можно, только выяснив, чем он заразился, находясь во время карантина с больным, умершим от неизвестной болезни.

Форман, вероятно, больше всего похож на тех врачей, которых мы привыкли видеть на экране. Перед больным он спокоен, убедителен, если и позволяет себе улыбнуться, то это улыбка спасителя, медицинского бога, который спустился с небес, чтобы излечить страдающих.

Форман, самый здравомыслящий из всех помощников Хауса, в этих двух серях настолько пугается не смерти вообще, а мучительной смерти, что нарушает одну врачебную клятву за другой. Он делает укол коллеге инфицированной иглой, подвергая ее той же опасности, которая грозит ему. Он выполняет указание Хауса вопреки распоряжению Кадди и делает попытку сделать биопсию мозга другого умершего больного. И это после того, что еще один его больной чуть не умер, потому что Форман, пытаясь облегчить страдания, ввел ему слишком много морфия.

ХАУС:

Такого не бывает! Наш организм может сломаться и когда нам девяносто, и даже тогда, когда мы еще не родились, но это происходит всегда, и никакого чувства достоинства здесь быть не может. Мне без разницы, как вы ходите, смотрите, подтираете задницу. Все это безобразно — всегда! Можно с достоинством жить, но нельзя с достоинством умереть.

(«Пилот», 1-1)

Сколько раз люди повторяли старую истину, что хотели бы умереть во сне? Что хотели бы уйти быстро и без мучений? В нашем обществе больше говорят о том, чтобы облегчить боль умирающего, а не избавить его от боли, пока он жив.

Боль и смерть — две спутницы, которые ходят вместе. В серии «Один день, одна комната» (3–12) третьего сезона Кэмерон лечит бездомного, желающего умереть в агонии, поскольку он уверен, что если смерть будет мучительной, значит, и жизнь его прошла не впустую. Многие считают, что боль имеет определенный смысл. Уилсон часто говорит Хаусу, что боль может быть хорошим признаком, она может означать, что происходит регенерация нервных окончаний. Но для Хауса это все равно боль, и неважно, о чем она свидетельствует.

Не бывает достойной смерти, красноречиво говорит Хаус в пилотной серии.

Это не означает, что он несерьезно относится к смерти или предсмертным страданиям, не означает, что какой-то вид боли для него важнее другого, он имеет в виду, что все виды боли равны. Человек, у которого болит, — это человек, у которого болит, и все-таки, как мы видим, герои сериала «Доктор Хаус» продолжают рассуждать о том, что люди должны уходить из жизни с достоинством, не обращая при этом внимания на то, что Хаусу приходится терпеть боль.

По ходу сериала в тот или иной момент каждый врач подходит к тому, чтобы подобно богу объявить больному о его праве на смерть или порассуждать о том, готов ли конкретный пациент умереть. Если ты уже одной ногой в могиле, ты получаешь право на инъекцию морфия, но если придется жить, испытывая боль, тебе придется с этим смириться.

Физиотерапия, акупунктура, хиропрактика, акупрессура, массаж, психотерапия, подсоединение электродов к спине и пропускание тока по телу, чтобы купировать боль, даже облучение и введение стероидов непосредственно в позвоночник... люди готовы пройти через все это, и врачи подвергают их этому — вместо того, чтобы дать им одну маленькую белую таблетку.

Без страдания нет избавления. Избавься от боли. Боль существует лишь в сознании. Это всего лишь страх покинуть оболочку. Живи полной жизнью, сдавай кровь, играй в хоккей!

ХАУС:

Ты можешь истово верить в духов, в потустороннюю жизнь, в рай и в ад, но когда дело доходит до земной жизни, не будь идиотом. Ты говоришь, что готов поверить в Бога, если это поможет тебе прожить еще один день, но когда дело доходит до финальной черты, я знаю, ты смотришь в обе стороны. («Если сделаешь, то будешь проклят», 1-5)

Буддист скажет «Жизнь — это страдания». Еврейская и христианская вера отошлет нас к псалму 23, известному псалму Давида,[1] который говорит, что только Бог может помочь нам пережить страдания. Ислам тоже рассматривает мирскую суету как испытание, через которое все мы должны пройти. Тема страдания как искупления постоянно звучит в «Докторе Хаусе» и очень явно проявляется в земной жизни.

Само слово «боль» происходит от латинского *poena*, оно означает боль, наказание или возмездие. Поэна была богиней возмездия в римской мифологии, поэтому мысль о боли как о наказании или каре богов, Бога или самой Вселенной присутствует практически в каждой культуре и глубоко укоренилась в нашем обществе. Хаус, понятное дело, отвергает понятие боли как искупления; он рассматривает его в здравых научных терминах: боль — это просто биологический процесс, указывающий на наличие патологии.

Люди во всем склонны искать смысл, поэтому полагают, что таковой есть и в боли. Неудивительно, что в религии боль рассматривают как кару за падение или как испытание, чтобы вернуть милость Всевышнего. Если религия — опиум для народа, то понятно, что Хаус предпочитает этот опиум в форме таблетки.

Забавно, но существует точка зрения, что Хаус является тем, что он есть, только благодаря своей боли. Красной нитью в сериале проходит мысль, что боль — одна из констант в жизни Хауса: боль с ним всегда, боль будет с ним до конца его жизни. В промежутке между вторым

[1] «Господь — мой пастух».

и третьим сезонами показано, что курс лечения кетамином оказался успешным, и боль отпустила Хауса. И тут же все были поражены изменениями, которые с ним произошли. Примечательно, что Кэмерон, которая пыталась обратить свой взгляд на Хауса как на предмет любви, потеряла к нему всякий интерес, когда он избавился от боли.

КАДДИ:

Ты знаешь, есть и другие способы облегчить боль.

ХАУС:

Какие, например? Смех? Медитация? Или кто-нибудь возьмется прочистить мою третью чакру? («Детоксикация», 1-11)

Когда Триттер, полицейский, который пытался привлечь Хауса к ответственности за употребление наркотиков, допрашивал Кэмерон, Формана и Чейза, они в один голос заявили, что никому не дано понять чужую боль. Но люди вообще, — включая Кэмерон, Формана и Чейза, — склонны с цинизмом относиться как к боли другого, так и к тому, насколько она сильна. Сколько раз команда Хауса говорила ему, что он принимает слишком много викодина, и сомневалась, так ли уж сильна боль, как он говорит?

Сколько раз герои сериала, глядя на ногу или на трость Хауса, участливо спрашивали «Болит?», а он в ответ отпускал одно из своих ядовитых замечаний? Похоже, даже Уилсон, его лучший друг и единственный человек, с которым Хаус позволяет себе быть откровенным, не в состоянии осознать, какую боль испытывает Хаус; он продолжает сомневаться, на самом ли деле тому нужны наркотики.

Хроническая боль и острая боль — не одно и то же. И когда у больного с хронической болью случается приступ острой боли (также известной как прорывающаяся боль, потому что она прорывается наружу на фоне лечения хронического больного и становится для него нестерпимой), тогда этот больной оказывается так же не готов к этому приступу, как и любой другой человек без хронической боли.

Хаус мог бы ввести себе морфий, чтобы полностью избавиться от боли. Он мог бы завести переносную капельницу и вводить морфий непосредственно в кровь или в позвоночный канал. Но в таких услови-

7 № 3091

ях вряд ли он смог бы нормально существовать. Цель любой программы помощи больным, страдающим от боли, — найти золотую середину в дозе анальгетика, определить, что «слишком много», а что «недостаточно». Тогда бы Уилсон не нашел Хауса валяющимся без сознания на полу в серии «Веселенькое Рождество» (3–10): ему не удалось раздобыть викодин на работе, он обнаружил заначку только у себя дома и накачался по полной программе.

ХАУС:
Не волнуйтесь, потому что с большинством ваших проблем справится и мартышка, дав вам бутылку мотрина.[1] Кстати, если вы и дальше будете меня доставать, смотрите: стоит мне руку протянуть. Это викодин. Он мой. С вами не поделюсь. Нет, я не участвую в программе помощи больным, страдающим от боли, я страдаю от боли сам. Кто знает, может, я не прав. Может, я слишком накачался, чтобы ясно выражаться.
(«Бритва Оккама», 1-3)

Обычно после приема викодина Хаус кажется чуть-чуть более счастливым. Нам остается только гадать: прошла ли у него боль в ноге? Случайно ли то, что он хуже соображает, если не может достать викодин? Может быть, в этом отчасти виновата интоксикация, хотя совершенно понятно, что боль тоже вносит свою лепту. Даже Кадди, его начальница, в одном из эпизодов третьего сезона выписывает ему рецепт на викодин, аргументируя это тем, что он лучше работает, если принимает его.

Боль становится центром вселенной Хауса. Она загоняет его в ловушку. Она занимает все его мысли. Забудьте о том, что викодин может слегка затуманивать мозги. Попытайтесь-ка сами думать, когда боль пронизывает все ваши суставы. Попытайтесь думать, в то время как по вашему позвоночнику колотят молотками, а в ногу вонзаются раскаленные иглы. Попытайтесь не спать несколько ночей, потому что от нестерпимой боли просыпаетесь каждые полчаса.

[1] Мотрин — препарат, оказывающий анальгезирующее, жаропонижающее и противовоспалительное действие.

Поражает отношение Уилсона к состоянию друга. Он с готовностью идет на нарушение закона и делает самокрутки с марихуаной для своих пациентов, а Хаусу постоянно пытается внушить, что его боль носит психогенный характер и поэтому викодин ему не нужен. Может, и правда Хаус смог бы жить, не принимая наркотики, но нет сомнения в том, что его боль абсолютно реальна, и кажется странным, что Уилсон, который делает все, что в его силах, дабы облегчить страдания посторонних людей, отказывает в этом Хаусу. Более того, он хочет, чтобы Хаус смиренно принял боль, которая превратила бы его в другого человека — лучше, чем он есть. Чувствуете, на что похоже? Боль как путь к изменению? Боль как искупление?

В третьем сезоне мы видели, как ногу Хаусу на какое-то время подлечили, но у него появились мышечные судороги, которые стали предвестниками возвращения боли. Без викодина боль усиливалась, и чем сильнее была боль, тем труднее было работать, пока он не испытал выброса эндорфинов после пробежки. Тогда-то ему и пришло в голову начать лечение, в отношении которого у него были сомнения, но инстинкт подсказывал, что он прав. Вряд ли является совпадением то, что правильный ответ пришел к нему тогда, когда он испытал так называемый «кайф бегуна»; он сознательно подвел себя к точке, когда произошел естественный выброс эндорфинов и заработали механизмы контроля над болью, что и дало ему возможность испытать кайф.

ХАУС:
В глубине души Уилсон уверен, что никогда не умрет, если будет себя беречь.
(«Сын коматозника», 3-7)

И снова вступает Уилсон, чтобы преподать Хаусу урок: после того как лечение, предложенное Хаусом, оказалось успешным (кстати, вначале Кадди его отвергла, но потом сдалась и одобрила назначение), Уилсон заставил Кадди поклясться, что она будет молчать, мотивируя это необходимостью дать понять Хаусу, что он не бог и может ошибаться.

В этой же серии становится ясно, что боль возвращается к Хаусу, но когда он просит у Уилсона викодин, тот хмыкает и отказывает. Это вынуждает Хауса в конце серии забраться в офис Уилсона и выписать себе поддельный рецепт.

В следующей серии Хаус и Уилсон встречаются, и Уилсон (этот друг, якобы всегда готовый прийти на помощь) объясняет свой отказ заботой о Хаусе: «Знаешь, в чем дело? Я бы испытал такое унижение, если бы что-то пошло не так, мне пришлось бы пересмотреть всю свою жизнь, поставить под сомнение природу истины и добра и превратиться в Кэмерон». Уилсон говорит, что он всего лишь пытается помочь, и сравнивает Хауса с Икаром, у которого расплавились крылья, — на что Хаус замечает, что Бог не хромает.

ХАУС:

Я уверен, это противоречит всему, чему нас учили, но ответы могут быть правильными и неправильными. То, что ты не знаешь правильного ответа, а может быть, и не можешь знать, что такое правильный ответ, не делает твой ответ правильным или хотя бы приемлемым. Все намного проще. Ответ просто неверный.

(«Три истории», 1-21)

У Хауса нет иллюзий насчет своего места во Вселенной. Он не считает себя Богом. Он знает, что иногда ошибается, иногда поступает правильно, но лучше всего — просто вести честную игру. Он борется с болью и обычно выходит победителем в этой борьбе. Иногда он лжет и принимает неверные решения. Иногда он глотает слишком много таблеток. Иногда он ведет себя как обычный человек и признал бы это первым, если бы не считал себя намного умнее остальных.

УИЛСОН:

Ты ведь сам знаешь, что у врачей иногда бывает комплекс мессии, и они считают, что их призвание — спасти мир. У тебя комплекс Рубика; ты стремишься разгадать головоломку

(«Меня не реанимировать», 1-9)

Хаус ищет способ отвлечься от боли и находит его в решении медицинских загадок. Он не готов умереть или лежать на больничной койке под капельницей до конца жизни, но он и не собирается идти по жизни через физические мучения, даже если его поведение у постели пациентов отталкивает от него окружающих, что наносит ему моральную травму.

Любители сериала, даже коллеги и друзья Хауса видят в его поиске путей отвлечься от боли черту характера и совсем упускают из виду, что, возможно, он делает это, чтобы не зацикливаться на боли. Он делает то, что можно назвать обычным методом борьбы с болью: он переключает внимание на игру своей тростью, занимает себя видеоиграми, — все для того, чтобы отключить сознание от боли, которую вынужден терпеть.

В конце концов, простых ответов нет. Боль у всех разная. Каждый остается один на один со своей болью, и неважно, находит он поддержку у семьи и друзей или нет. Боль становится константой.

Боль — это ось, вокруг которой вращается жизнь Хауса, боль становится персонажем сериала, пусть и неявным, но часто она оказывается механизмом развития сюжета. Весь гений Хауса и его острый ум не могут освободить Хауса от боли.

Маленькая белая таблетка способна вернуть Хаусу достоинство, однако на протяжении веков боль рассматривали как наказание свыше. Уникальность сериала в том, что он показывает боль как гуманизирующий фактор. Хаус нам ближе не благодаря мягкости, человечности, невинности, а из-за его боли. В отличие от прошлых телевизионных драм, изображавших богоподобных врачей, и сериалов типа «Скорая помощь» и «Клиника» с их практикантами-неудачниками, «Доктор Хаус» показывает нам живого врача с обычным человеческим недугом — и это приближает Хауса к простым смертным.

Джеймс Гилмер — радиолог в региональном медицинском центре Спэрроу, травматологической больнице первого уровня в Мичигане, а по совместительству писатель. Он окончил университет штата Мичиган и курсы «Кларион 2000» для писателей, работающих в жанре научной фантастики и фэнтези. Его короткие рассказы под названием «Генератор фантастических идей» («Ideomancer») и антология «Mota 3: смелость» («Mota 3: Courage») опубликованы в онлайновом журнале «Webzines». Он также работал газетным репортером и писал для журнала «Variants».

В настоящее время живет с женой Элизой и ждет дня, когда она получит диплом медсестры, — тогда он сможет оставить работу и будет писать, лежа в гамаке.

А до того времени, если он не смотрит сериал «Доктор Хаус», то продолжает писать художественные и научно-популярные произведения.

УИЛСОН, КАДДИ и другие интересные герои второго плана

Не могу отделаться от ощущения, что иногда Уилсон меня раздражает. Или, скорее, всегда раздражает. Может быть, его вина заключается в том, что он болтается под ногами? Но заслуживает ли он того, как с ним обращается Хаус? Что ему мешает отойти? У Джойс Милман на этот счет есть убедительная теория.

ЗАКАДЫЧНЫЙ ДРУГ

Джойс Милман

[Нью-Йорк] Сотрудники Института бихевиористских исследований им. Этель Мерц провели анализ хронического и социально опасного состояния, получившего название «синдром закадычного друга». В течение многих лет считалось, что этот синдром затрагивает только лиц из группы высокого риска, к примеру второстепенных персонажей из телевизионных комедий положений. Но сейчас исследователи склонны считать, что это психическое состояние характерно для всех людей.

Страдающие синдромом закадычного друга проявляют крайний интерес к жизни своего более харизматичного друга (БХД), у них необычно сильная восприимчивость к его влиянию и повышенная терпимость к унижениям и оскорблениям с его стороны. Исследователи выяснили, что многие исторические личности, которых принято было считать бесполезными занудами, на самом деле страдали синдромом закадычного друга. В список страдальцев входят Эд Макмахон,[1]

[1] Эд Макмахон — американский комик, телеведущий и диктор.

многие вице-президенты и часто забываемый безымянный дружок Уильяма Шекспира (какая разница, как его звали — «Что в имени тебе моем?»), который никогда не жаловался, оплачивая выпивку, поскольку драматург в очередной раз забывал кошелек в других панталонах.

Доктор Гильда Моргенштерн, ведущий исследователь из Института им. Этель Мерц, отмечает, что ее собственная мать, Рода, в течение многих лет страдала от синдрома закадычного друга.

«Рода жила в тени своей более стройной и более веселой подруги, которая могла заставить улыбаться весь мир. Она могла наполнить смыслом самый пустой день, — говорит доктор Моргенштерн. — И стресс от такого состояния дал о себе знать. Рода пыталась найти спасение в еде, в диете, "йо-йо", в неудачном браке с молодым человеком, который был красивее ее. Низкая самооценка привела к тому, что она утратила свое "я", что символически выразилось в отказе носить что-либо другое, кроме скрывающего фигуру деревенского кафтана (цветного, но бесформенного) и платка, который она заматывала вокруг головы. Эта ужасная борьба матери с самой собой заставила меня попытаться раскрыть тайну синдрома закадычного друга».

Ну ладно. На самом деле в медицине синдрома закадычного друга не существует. А жалко. Закадычные друзья — тоже люди, хотя мало похожие на настоящих друзей, судя по тому, как их изображают на телевидении. Я говорю не об отношениях равенства в таких динамичных дуэтах, как «Кэгни и Лэйси», «Лаверн и Ширли» и «Странная пара».[1] Я говорю о сериалах, где второстепенный персонаж играет роль софита, направляя свет на звезду. В солнечной системе знаменитости ему уготована роль Луны, спутника.

Такой закадычный дружок нужен для того, чтобы выставить главного героя в лучшем свете. А в случае «Доктора Хауса» — в плохом. Если бы синдром закадычного друга существовал на самом деле, доктор

[1] Американские сериалы.

Джеймс Уилсон должен был быть воплощением этого состояния. Во многих отношениях синдром закадычного друга связан с проявлением эгоизма и давления со стороны более харизматичного друга на его приятеля. А Уилсону не нужен более харизматичный друг, чем доктор Грегори Хаус. Блестящий диагност, Хаус превратился в легенду, и не только потому, что спасает многих больных, но и из-за своих совершенно необычных методов диагностики и из-за того, что он сложный, а временами невыносимый человек. Хаус и Уилсон дружны со времен обучения в медицинском вузе, где внимательный к людям и глубоко чувствующий Уилсон оказался в орбите лихого и рискового приятеля. Несколько лет назад Хаус перенес закупорку сосудов, в результате которой ходит с тростью, терпит постоянную боль и принимает викодин. В результате такого сочетания инвалидности, наркозависимости и собственного супер-эго Хаус превратился в злобного, высокомерного, эгоцентричного, грубого, экстравагантного и манипулирующего окружающими людьми человека. И тем не менее Уилсон считает его своим лучшим другом. Не один раз он вытаскивает Хауса из неприятностей, в результате чего его собственная карьера оказывается под угрозой. Хаус платит ему оскорблениями и неблагодарностью. Почему же такой умный, добрый и удачливый в профессиональном отношении человек, каким является Уилсон (а он является опытным онкологом), попадает под влияние такого испорченного человека как Хаус? Мой диагноз таков: синдром закадычного друга. Причем у Уилсона он проявляется классическим образом.

Желание потрафить. Типичный закадычный друг страдает от невысокой самооценки. В сериалах закадычных друзей обычно изображают тупыми идиотами, которых просто тянет на всякие приключения, тем более что рядом с ними находится более харизматичный друг. Уилсон со своими пластиковыми коробочками, в которых он приносит на работу еду, старомодными галстуками и бровями, как у героини сериала «Дурнушка», не исключение. Он с недоумением смотрит на Хауса с его трехдневной щетиной, на его мотоцикл, — и в сравнении с Уилсоном последний выглядит еще более брутально и сексуально.

У закадычного друга есть сильное желание угодить своему более харизматичному другу, но поскольку его роль зачастую выписана не очень подробно, нам непонятно, зачем он это делает. Почему Барни Рабл старается угодить всякой прихоти Фреда Флинтстоуна?[1] Почему Гарет и Дуайт в британской и американской версиях сериала «Офиса» лижут задницу Дэвида и, соответственно, Майкла? Как может Уилсон, после издевок и насмешек Хауса, смотреть ему в глаза и говорить: «Для меня имеют значение только две вещи — эта работа и наша чертова дружба» (серия «Младенцы и вода в ванной», 1–18)? В чем смысл пребывания в тени более талантливого, более яркого и харизматичного друга, который заставляет все это терпеть? Это боязнь того, что тебя отвергнут? Или что-то более серьезное? До «Хауса» актер Роберт Шон Леонард, играющий Уилсона, был, главным образом, известен по своей роли в фильме «Общество мертвых поэтов», где он играл Нила Перри, ранимого мальчика из подготовительной школы,[2] на которого давит строгий и властный отец. Да, я понимаю, мы сейчас говорим о двух вымышленных героях, но серьезный и вежливый Нил, этот подросток со щелями между зубами, является копией Уилсона. Когда мы видим, как Нил безуспешно пытается угодить холодному и властному отцу, возникает вопрос, каков же отец у Уилсона. Такой же отстраненный и не отвечающий на доброту, как Хаус? Такие однобокие отношения между отцом и сыном могли бы объяснить, почему Уилсон так старается доказать свою значимость, пытаясь решать неразрешимые проблемы, напрасно пытаясь помочь всем. Хаусу в том числе.

«Половина всех врачей-онкологов как-то перегорают и утрачивают чувствительность к страданиям больных, но ты — ты просто упиваешься этими страданиями» («Хаус против Бога», 2–19) — и это так! Уилсону необходимо быть нужным окружающим, и это желание заходит настолько далеко, что как-то раз он даже начал спать со своей пациенткой.

[1] Персонажи мультсериала «Флинтстоуны».
[2] Подготовительная школа — американская школа, как правило, привилегированная, целенаправленно готовящая учеников к поступлению в вуз.

Нездоровый интерес к любовным делам БХД. Как изголодавшаяся по мужскому вниманию Рода Моргенштерн, которая с утра до вечера готова была слушать рассказы Мэри Ричардс о ее (скромных) успехах на любовном фронте, так и Уилсон просто зациклен на отношениях Хауса с женщинами. Он выпытывает у него, как обстоят дела с его бывшей подругой, Стэйси, его интересует, что испытывает Хаус по отношению к Кэмерон, симпатичной молодой практикантке, втюрившейся в своего начальника. В серии «Любовь зла» (1–20) Уилсон мечется по квартире Хауса, советуя, что надеть для свидания с Кэмерон («Широкий галстук слишком короток, ты будешь похож на Лу Костелло»[1]). Уилсон также советует Хаусу, как себя вести на свидании: «Открой перед ней дверь, придвинь стул, похвали ее туфли... затем выслушай, о чем она мечтает, на что рассчитывает, чего хочет. Положись на меня. Эх, ты только и можешь лазать к женщинам под юбки». Ага, вот в чем секрет успеха Уилсона у трех жен и многочисленных любовниц. Может быть, он и придурок, но выслушать готов.

Уилсон избирает тактику упредительного поведения с женщинами, которых он воспринимает как угрозу благополучию и счастью Хауса. Перед тем как Хаус отправился на свидание с Кэмерон, Уилсон предупреждает ее, что Хаус уже «давным-давно ни перед кем не открывался» и что она должна понимать, что «если он разоткровенничается, а она проявит бестактность, то другого случая уже не представится» («Любовь зла», 1–20). Он также говорит Стэйси, когда та возобновила отношения с Хаусом: «Когда ты ушла, именно мне пришлось собирать осколки!». Хотя, если честно, похоже, что Уилсону льстит роль главного собирателя осколков («Хочу знать», 2–11). В то время как Уилсон занят романтическими приключениями своего более харизматичного друга, личная жизнь самого Уилсона не ладится. А Хаусу нравится подтрунивать над этим, он постоянно дразнит его за юношескую романтику и за нескладывающиеся отношения с женщинами. «Я люблю свою жену!» — возражает Уилсон в серии «Верность» (1–7), на что Хаус отвечает: «Ты любил всех своих жен. Наверное, и до сих пор любишь. На самом деле ты, вероятно, любишь всех женщин, которых ты любил и которые не были твоими женами». Причина, по

[1] Американский комедийный актер.

которой Уилсону не везет в длительных и моногамных отношениях с женщинами, очевидна. Это не блудливость и не постоянный поиск романтического идеала — причина в том, что этот мужчина испытывает страсть к Хаусу. Я не утверждаю, что Уилсон гомосексуалист, — хотя я не стала бы исключать такой занятный поворот в сюжете, ведь для натурала Уилсон знает подозрительно много о группе «Village People».[1] Нет, скорее это похоже на эпизод из сериала «Зайнфельд», в котором Джерри попадает под обаяние нового друга, баскетболиста Кита Эрнандеса. Волнение, которое Уилсон испытывает в результате бурных отношений с Хаусом; их словесные перепалки; напряжение, с которым он наблюдает за рискованными приключениями Хауса; трепет, с которым он следит за тем, как этот замечательный ум разрешает самые невероятные головоломки, — такое эмоциональное возбуждение значительно сильнее, чем то, которое он когда-либо испытывал с женами и подружками. Как-то раз он сказал Хаусу: «Мои браки были таким дерьмом, что я все свое время проводил с тобой!» («Дураки, которых мы любим», 3–5).

Верность и желание защитить. У Уилсона много общего с самым великим и закадычным другом всех времен и народов, помощником Шерлока Холмса доктором Джоном Уотсоном. Случайно ли, что имена Уилсон и Уотсон отличаются только двумя буквами? И Уилсон и Уотсон существуют рядом с гениями. В общем-то, посредственный Уотсон оказывается антиподом Холмса с его фантастическими дедуктивными способностями. А Уилсон с его здравым профессиональным мышлением, но без полета фантазии, представляет собой собирательный образ врача, который делает все правильно, но которому не дано находить яркие и неординарные решения медицинских загадок. Уотсон и Уилсон — верные защитники и слуги гениев с присущими гениям недостатками. Без Уилсона, упрямо взывающего к сознанию Хауса и всячески оберегающего их дружбу, Хаус мог бы превратиться в еще более холодного мизантропа (даже страшно об

[1] «Village People» — американская диско-группа, изначально ориентированная на гей-аудиторию, но со временем ставшая одним из самых популярных музыкальных коллективов конца 1970-х годов.

этом подумать!). Уотсон также является образцом верности своему холодному и высокоинтеллектуальному другу (который, между прочим, является наркоманом). И хотя Уотсон не чета Шерлоку Холмсу, когда дело касается разгадки преступления, у него есть определенные заслуги, ведь именно он повествует нам о происходящем. Он рисует нам Холмса, поэтому наше восприятие великого сыщика главным образом зависит от его замечательного повествования.

Уилсон не является рассказчиком о событиях, происходящих в «Докторе Хаусе», но в диалогах с другими персонажами он уделяет много внимания психоанализу главного героя, он рассказывает о Хаусе как о ком-то, кто принадлежат только ему; фактически он формирует наше мнение о нем.

«Ряд исследователей доказали, что психическая боль может проявляться в физической боли», — говорит Уилсон Хаусу, когда к тому вернулась бывшая подружка Стэйси и когда боль в ноге стала мучить его еще сильнее («Внешность обманчива», 2–13). Уилсон часто оказывается проводником, с помощью которого авторы сериала рассказывают нам о личности Хауса и мотивах его поведения. В данном случае Уилсон говорит нам, что мы должны воспринимать физическое состояние Хауса (очень даже реальное) как некую метафору его изломанного эмоционального состояния.

Уилсон говорит Хаусу: «Ты себе не нравишься. Ты собой восхищаешься. Вот такой ты есть, и тебя не изменить... Твои страдания не делают тебя лучше других... они тебя делают жалким» («Хочу знать», 2–11). Эти слова — не просто проявление суровой любви, этими словами он показывает нам, что его не одурачишь и не напугаешь игрой Хауса в страдающего гения и что нам тоже не следует попадаться в эту ловушку. Слова Уилсона спускают Хауса до уровня, на котором находимся все мы, и нам становится легче его понимать.

Что касается рассуждений: «Религиозная вера раздражает, потому что если вселенная существует по абстрактным правилам, вы можете овладеть этими правилами и защитить себя. Если есть Бог, он может раздавить вам в любой момент» («Хаус против Бога», 2–19), то они во многом подкрепляют психологические мотивы, лежащие в основе бравады Хауса. Уилсон знает, что для Хауса самое страшное — потерять

контроль над происходящим, стать жертвой случая, как это произошло во время закупорки артерии, в результате которой он стал хромать.

Уилсон замечательно изложил суть Хауса (и исходное положение всего сериала) словами: «Ты ведь знаешь, что у некоторых врачей есть комплекс мессии, им нужно спасать мир. А у тебя комплекс Рубика, тебе нужно отгадать загадку» («Меня не реанимировать», 1–9). Четыре строчки – практически как из анонса в телепрограмме для зрителей с небольшим объемом внимания.

Уилсон – очень сопереживающий врач, тогда как Хаус – это крайне изломанная личность. Будучи вдвоем, они усугубляют синдром закадычного друга. По мере того как Хаус становится все более дерзким и идет по пути саморазрушения, Уилсон действует все более нелепо и все более укрепляется в намерении поставить диагноз Хаусу, распознать его болезнь и излечить. В серии «Линии на песке» (3–4) Уилсон приходит к убеждению, что у Хауса аутизм, в доказательство чего приводит его отказ подчиняться принятым в обществе правилам и нежелание менять себя. К счастью, директор больницы доктор Лиза Кадди спустила Уилсона на землю, предложив более правдоподобный диагноз поведения Хауса: «Он ненормальный».

Мазохистское терпение к оскорблениям и унижениям. Для закадычного друга приятно любое проявление внимания со стороны БХД. У многих закадычных друзей и компаньонов, как это показано на примере постоянной и самоуничижительной тяги Смизерса к мистеру Бернсу («Симпсоны»), Хэнка Кингсли к Лэрри («Шоу Лэрри Сэндерса») и Фарнума к Элу Сверенгену («Дэдвуд»), отсутствует способность понимать, когда их присутствие начинает раздражать, – даже тогда, когда их БХД недвусмысленно дают им это понять, причем в достаточно резкой форме. «В какой момент человек, беспрестанно слышащий наставления от другого, превращается в идиота?» – зло спрашивает Хаус Уилсона, когда тот в очередной раз пытается провести сеанс психоанализа («Линии на песке», 3–4). Проблема состоит в том, что зачастую закадычные друзья упиваются такой враждебностью. Уилсон продолжает окружать своего сварливого друга чрезмерной заботой, даже когда тот мстит ему за эту заботу унизительными замечаниями, а иногда и просто лупит его по коленкам тростью. Но все повторяется вновь. Уилсон проявляет необычайное терпение в ответ на гнев Хауса и его отказ принять помощь и заботу. Он не ударит в ответ и не будет клясться в том, что навеки забудет Хауса. Напротив, он ведет себя корректно, хотя на лице его – выражение немой боли и жалости. Самое большое, что он может себе позволить, – это колкость («В шведском языке слово "друг" также означает "хромой идиот"», «Истории»,1–10), но это не идет ни в какое сравнение с язвительным юмором Хауса. Во многих случаях Уилсон просто не способен противостоять тому, как с ним обращается Хаус. К примеру, тот регулярно тащит еду с подноса Уилсона, в очереди в кассу кафетерия влезает перед ним и говорит кассирше, что Уилсон заплатит за него, на что Уилсон лишь беспомощно пожимает плечами. Уилсону даже приходится просить его вернуть взятые взаймы деньги, а Хаус берет у него в долг на протяжении всех серий (уж не к тридцати ли тысячам долларов приближается эта сумма?).

Во втором сезоне, когда Уилсон разводился с женой, Хаус позволяет ему временно поселиться у себя. Однако этим кратким периодом совместного существования он пользуется для того, чтобы изводить Уилсона самым садистским образом. Он таскает из холодильника купленную Уилсоном еду, даже если на пищевых контейнерах есть надпись (что его очень хорошо характеризует) «Собственность Джеймса Уилсона» и даже если приготовленная Уилсоном домашняя и здоровая еда, по его словам, выглядит на тарелке так, «как будто это навозные жуки нагадили» («Без улик», 2–15). Хаус издевается над длительной утренней процедурой, во время которой Уилсон приводит себя в порядок («Ты что, сушишь волосы феном?»), он заставляет его мыть посуду («Без улик», 2–15). И он забавляется, как подросток, окуная руку спящего дружка в воду, чтобы тот обмочился во сне. И в то же время одинокий Хаус всячески противится попыткам Уилсона найти себе собственную квартиру, он удаляет с автоответчика сообщения от квартирных агентов и не выпускает его из дома.

Издевательства Хауса над Уилсоном приобретают психосексуальный оттенок, когда Хаус вешает стетоскоп на ручку двери при входе в дом – знак еще со времен учебы в вузе, означающий, что друг при-

нимает у себя женщину и просит не мешать. Этим он как бы демонстрирует Уилсону свое сексуальное превосходство, заставляя беднягу часами бродить по улице. Однако когда Уилсона наконец-то пускают в дом, оказывается, что Хаус все это время был один и мастурбирует. Я понимаю, что мое эссе главным образом посвящено психологии не БХД, а его помощника, но не могу не дать медицинское определение эмоциональной проблеме Хауса: «Старик, ты в дерьме!»

Компаньон, вопреки своим убеждениям, позволяет более харизматичному другу втянуть себя в свои интриги. Уилсон восхищается своим БХД, это восхищение ослепляет его; он боится его, навлекая на себя его неудовольствие. Не желая рисковать дружбой, Уилсон часто уступает требованиям Хауса и участвует в его сомнительных и даже противозаконных делишках. Давайте назовем этот симптом «этелитом» в честь Этель Мерц, самой известной страдалицы от синдрома закадычного друга (возможно, вы помните, что ее трагическая неспособность противостоять влиянию Люси Рикардо, чокнутой рыжеволосой более харизматичной подружки, привела к развалу брака, к чуть ли не смертельной передозировке шоколада, к аресту за мошенничество, нарушению общественного порядка и попытке выдать себя за марсианку).

Под влиянием Хауса Уилсон, несомненно зрелый и ответственный человек, часто начинает вести себя, как подросток. Они, как двенадцатилетние, взирают на вырез платья Кадди. В серии «Любовь зла» (1–20) Уилсон подтрунивает над Хаусом, ходившим на свидание с Кэмерон, и распевает детскую песенку «Тили-тили-тесто, жених и невеста». Возможно, это глуповатая незрелость демонстрирует внутреннее желание Уилсона снять с себя ответственность зрелого возраста, и разве можно его за это обвинять? Но, похоже, что Уилсону, как и многим другим закадычным друзьям, очень хочется, чтобы Хаус взял на себя руководство и принимал за него решения.

Но Уилсон переходит опасную черту, когда позволяет Хаусу проявлять свою оригинальность на работе. В серии «Все включено» (2–17) он играет с Кадди в покер во время бенефиса «Ночь казино», чтобы отвлечь ее внимание и чтобы Хаус мог беспрепятственно ускользнуть

и проделать с больным то, что ему делать было запрещено. Уилсон также защищает Хауса от больничной администрации, которая хочет наказать его за неподчинение. Уилсон предпочел уйти с работы, нежели поддержать решение администрации уволить Хауса, заявив: «Да, он наломал дров. Да, он жалок. И, вероятно, ему следует снова прочитать этический кодекс. Но при этом он лечит. Он спасает сотни жизней» («Младенцы и вода в ванной», 1–18). Самое тревожное, что Уилсон выписывает Хаусу викодин, хотя понимает, что тот наркоман и глотает таблетки прямо на работе.

Хаус подделал подпись Уилсона на рецепте викодина. Когда полицейский спросил об этом Уилсона, тот снова почувствовал себя курицей-наседкой и солгал, чтобы защитить Хауса, утверждая, что подпись его. Даже когда против него было начато судебное расследование, банковский счет заморожен и ему пригрозили, что лишат медицинской лицензии, Уилсон не выдал Хауса и продолжал утверждать, что подпись на рецепте принадлежит ему. И в то время как Уилсон проявлял такую стойкую верность, Хаусу было до лампочки, что его друг попал в беду. Он не выказал ни раскаяния, ни сочувствия. Он даже не предложил подвезти Уилсона домой, после того как его машину конфисковали.

Даже в ситуации, когда карьера Уилсона находилась под угрозой, он все же идет на поводу у Хауса, помогая отвезти умирающего больного в Атлантик-Сити на безрассудную «последнюю гастроль». Уилсон не только решился на величайшую авантюру, когда предоставил необходимые ингредиенты, чтобы сделать больному его последний в этой жизни огромный сэндвич, но также обеспечил Хаусу алиби, чтобы скрыть его участие в самоубийстве пациента. Уилсон – это зеркало, в котором отражаются наши смешанные чувства к Хаусу. В своем друге он видит хорошее и понимает, что этого хорошего едва хватает, чтобы не перевесило плохое. Но он не может от него отвернуться. И мы не можем. Издевательства Хауса над Уилсоном заставляют нас смотреть сериал дальше, чтобы увидеть, насколько еще хватит этого пресмыкательства. Но «Доктор Хаус» быстро бы надоел, если бы Хаус был простой сволочью. В этом отношении верность Уилсона имеет очень большое значение; это сигнал зрителям о том, что хотя Хаус и ненормальный, у него

есть один друг, считающий его достойным своей дружбы. Это позволяет нам усомниться в виновности Хауса, сохранить к нему некоторое сочувствие (и не выключить телевизор).

Да, Уилсон тоже не без проблем. Но без этого не обойтись: если ты закадычный друг, твои невроз и недостатки являются признаком того, что ты занимаешь более низкое положение, чем главный герой. Но твои невроз и недостатки не могут отвлекать внимание от него. Если так, то ты нарушил первейший долг закадычного друга: не оказал поддержку. Несмотря на то что исполнительский состав «Доктора Хауса» полностью современный, отношения между Хаусом и Уилсоном строятся по старой схеме отношений между телегероем и его спутником. Как Вивиан Вэнс в роли Этель Мерц или Дон Нотс в роли Барни Файфа, Уилсон по замыслу Роберта Шона Леонарда знает, как далеко ему позволено зайти, чтобы не переключить внимание зрителей с громовержца Хауса на себя.[1] Уилсон тихо занимается своим делом, это надежный и «хороший мальчик» в услужении у очень «плохого мальчишки», каковым является Хаус.

Уилсон открыт, Хаус замкнут, Уилсон великодушен, а Хаус — эгоист. Уилсон принимает близко к сердцу беды своих больных, тогда как для Хауса больные — это всего лишь занятная головоломка. В сравнении с Хаусом Уилсон предстает в некоторой степени занудой и моралистом, но так задумано. Нам нужна слащавость Уилсона, чтобы оценить сарказм Хауса. Нам нужно бескорыстие Уилсона, чтобы увидеть, насколько эгоистичен Хаус. Все это — для того, чтобы как можно ярче показать в главном герое героя (в случае Хауса — антигероя). Презрение Хауса и страх перед человеческими отношениями никогда не вызывали такого отвращения, как в серии «Вскрытие» (2–2), в которой наш бессердечный негодяй издевательски спрашивает у Уилсона, нельзя ли ему присутствовать при том, как тот сообщит своей маленькой, но храброй пациентке, что у нее конечная стадия развития злокачественной опухоли, поскольку он «хочет посмотреть, куда денется ее храбрость, когда она узнает, что умирает». Можно нервно хихикнуть

[1] Вивиан Вэнс — американская актриса второго плана, исполнительница роли Этель Мерц в сериале «Я люблю Люси»; Дон Нотс — американский комедийный актер, исполнитель роли Барни Файфа в «Шоу Энди Шриффита».

в ответ на отсутствие у Хауса чувства сопереживания, но очень быстро начинаешь понимать, что его поведение иначе как ужасным не назовешь, а если вы этого не поняли, то выражение ужаса на лице Уилсона вам это подскажет.

К чести авторов сериала, они не изображают Уилсона святым, точно так же как и Хауса — грешником. В третьем сезоне Уилсон пускается в какие-то интриги: он разрабатывает тайный план «помочь» Хаусу, и этот план — нечто среднее между помощью и пассивно-агрессивной местью. В серии «Каин и Авель» (32) Хаус впал в глубокую депрессию после того, как решил, что ему не удалось вылечить необъяснимый паралич у больного. В действительности он просто не догадывался, что его достаточно безрассудное и опрометчивое лечение дало положительные результаты, а Уилсон потребовал, чтобы эту информацию от Хауса скрыли, — чтобы преподать урок его эго и безрассудству.

«Пусть радуется, что все произошло именно так, — говорит Уилсон Кадди. — В следующий раз удача может отвернуться, и он кого-нибудь убьет». Когда Хаус узнал, что за всем этим стоит Уилсон, он поинтересовался: «Так в чем же твой план? Чтобы я опозорился и пересмотрел всю свою жизнь, подверг сомнению природу, истину и мораль и стал таким, как Кэмерон?», на что Уилсон отвечает: «Если бы тебе сообщили о том, что тебе удалось разрешить вопрос, не имея никаких медицинских подтверждений, ты бы решил, что ты Бог. И я боялся, что твои крылья могут растаять». Забота и внимание Уилсона окрашены ощущением собственной правоты на протяжении этих двух серий. О чем его слова? Действительно ли о спасении Хауса от самого себя или же в Уилсоне говорит чувство вины? Или он пытается доказать самому себе, что он действует в интересах больного, потому что в действительности предал друга, солгав ему? Или же это ощущение вины идет из каких-то более темных уголков его души? Возможно, Уилсон чувствует вину, потому что, пусть не во всем, но ему доставляет удовольствие держать судьбу Хауса в своих руках, а выказав некоторую долю смирения, он с удовольствием наблюдает, как Хаус вынужден усмирить свой гнев, и в этот момент Уилсон мстит за все, что он вытерпел от Хауса.

Самым смелым ходом Уилсона было его признание следователю из полиции, который занимался расследованием подделки рецептов для

покупки викодина, когда он робко сказал: «Мне нужны мои тридцать сребреников» («Найти Иуду», 3–9). Подлинные мотивы поступка Уилсона можно интерпретировать по-разному. Это можно трактовать как самое настоящее предательство. Можно расценить это как отчаянную попытку заботливого друга заставить своего гибнущего приятеля повернуться лицом к своим проблемам. А возможно, это попытка оторваться от этой разрушительной дружбы?

Во всяком случае, когда в итоге Уилсон восстает против Хауса и выдает его, этим он проявляет себя как герой неординарный. Но тем не менее он соответствует всем качествам закадычного друга. Как Уотсон, Этель и все классические закадычные друзья и подружки, Уилсон является персонажем второго плана; он — достаточно ординарная личность, близко допущенная к фантастическому герою, ему позволено взирать на его гений и сумасшествие — и проникаться как благоговением, так и разочарованием. Уилсон — это рулетка, с помощью которой мы измеряем величие и ошибки Хауса; он в моральном отношении гораздо выше Хауса, что позволяет нам увидеть недостатки последнего, но он все-таки ниже его во всем том, что делает Хауса харизматичным и талантливым.

Самое главное — Уилсон делает Хауса более человечным. Хаус не похож на злого гения, когда издевается и поддразнивает Уилсона, скорее он делает это как обычный школьный хулиган. А в редких эпизодах, когда Хаус не пребывает в одиночестве, мы видим его дома, вместе с Уилсоном: на Рождество они едят китайскую еду, купленную в ресторане, смотрят телевизор, пьют пиво и вообще ведут себя, как обычные люди. Уилсон — это ниточка, связывающая Хауса с миром, предстающим перед нами во всей своей замечательной обыденности. Он — его доверенное лицо, его резонатор. Уилсон напоминает напарника Тома Хэнкса по волейболу в фильме «Изгой». Конечно, напарник — это всего лишь мяч. Но без него весь фильм был бы двухчасовым разговором одинокого человека с самим собой, человека, отрезанного от мира, утратившего человеческий облик и ставшего дикарем. Стоит запомнить, что имя этого мячика — Уилсон.

Джойс Милман является соавтором книги «Великая полемика со Снэйпом» (издательство «БенБелла/Бордерз»). Ее статьи о массовой культуре публиковались в «Нью-Йорк Таймс», «Бостон Феникс», на интернет-сайте Salon.com, в нескольких антологиях из серии «Смарт поп», включая «Черный Нептун» и «Заблудшие». О ее работах можно узнать, посетив сайт www.joycemillman.com.

Джойс Милман напомнила нам о Томе Хэнксе, игравшем в волейбол. В связи с этим возникает вопрос: что, если Уилсон и вправду лишь воображаемый друг Хауса? Это могло бы многое объяснить — так считает Брэдли Сайнор. Для начала неплохо бы выяснить, почему Уилсон — друг Хауса.

ЭТОТ ДОКТОР, КОТОРОГО МЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ

Брэдли Сайнор

Когда «Доктор Хаус» появился на экране, я не сразу начал его смотреть — главным образом потому, что моей первой реакцией было: «Ну нет, еще один медицинский сериал».

А когда все-таки начал его смотреть, я понял, как ошибался. Первый же фильм, который, кажется, был шестым или седьмым в сезоне, оказался острым, с интересными персонажами и классными спецэффектами.

Почти с первых минут мне подумалось, что один из героев — довольно странный тип, или, по крайней мере, он показался мне странным. Этот персонаж — Джеймс Эван Уилсон, выпускник медицинского университета Макгилл в Монреале. Помимо того что он руководит отделением онкологии учебной больницы Принстон-Плэйнсборо, он, оказывается, еще и лучший, а возможно, и единственный друг доктора Грегори Хауса.

Почти сразу Уилсон показался мне ненастоящим; это казалось более чем странным. Да, он присутствовал на экране, но что-то в нем было неестественное.

Несколько раз мы наблюдали, как Хаус оборачивался или поднимал голову, а Уилсон уже был тут как тут. Непонятно, как он вошел, — ни звука открывающейся двери, ни слов приветствия, ни намека на то, что он был рядом. Поначалу это случалось, когда в комнате никого не было. Потом я заметил, что временами и те, кто был в комнате, его как будто бы не замечали.

В серии «Бритва Оккама» (1–3), когда Форман вошел в кабинет Хауса с результатами анализов пациента, Уилсон и Хаус сидели за столом. Очевидно, они разговаривали, однако Форман ни взглядом, ни жестом не показал, что заметил Уилсона. Логично было бы предположить, что более молодой врач должен отреагировать на присутствие старшего доктора из вежливости или профессиональной этики, особенно если тот возглавляет такое важное отделение в больнице, как онкологическое. (Хотя справедливости ради надо сказать, что и Уилсон тоже не обернулся и не взглянул на Формана, что, в общем-то, можно воспринять как нормальную реакцию на появление кого-то в комнате, если ты увлечен разговором.)

В начале серии «Если сделаешь, будешь проклят» (1–5) что-то подобное произошло с Кадди: она вошла, когда Уилсон и Хаус говорили о каком-то больном. Кадди начала разговор с Хаусом и, казалось, не заметила Уилсона.

Этому можно найти объяснения. Обычно, когда Хаус чем-то поглощен, окружающие не рискуют отвлекать его, разве что дело срочное или кто-то умирает — в этих случаях не до этикета. Но Уилсона не замечают, даже если приходят по важным вопросам.

И совершенно очевидно, что персонал больницы старается не разговаривать с Уилсоном в присутствии Хауса о делах, не относящихся к работе, поскольку знает, что это вызовет раздражение Хауса (Хаус проработал в больнице восемь лет, и многие работники побаиваются его — будь то врачи, медсестры или обслуживающий персонал. Вряд ли новичков на первом же собрании предупреждают о том, что с Хаусом надо быть настороже, но, держу пари, через пару дней им намекают, что лучше бы их дорожки не пересекались). Кстати, похоже, что не только больничный персонал не видит Уилсона. В серии «Если сделаешь, будешь проклят» сестра больного подходит к Хаусу и Уилсону,

но обращается только к первому, так ни разу и не взглянув на Уилсона. В серии «Отцовство» (1–2) Хаус и Уилсон сидят на открытой террасе и обедают. К ним подходят родители больного подростка, которого лечит Хаус, и спрашивают, что будет с их сыном. Как и Форман, они разговаривают с Хаусом, как будто не видя, кто сидит рядом.

«Может, он — какой-то доктор, которого просто не заметили?» — предположила моя жена, когда я поделился с ней своими сомнениями.

Даже если бы Шерлоку Холмсу привели все имеющиеся факты, ему пришлось бы признать, что Уилсон — всего лишь воображаемый друг Хауса.

Бывает, люди выдумывают себе друзей, но это редко присуще тому, кто старше восьми лет. (И это еще раз показывает, что Хаус в некоторых случаях ведет себя по-детски). Дети часто придумывают дружбу, чтобы «попрактиковаться» в настоящих отношениях... А Хаусу, Бог мой, нужна ли такая практика? Почему это хороший способ научиться взаимоотношениям с другими? Потому что в игре ребенок может быть лидером, а с реальным другом это не всегда возможно. Держать все под контролем и быть лидером — вот что на самом деле нравится Хаусу.

Воображаемые друзья часто заменяют детям компанию — то, чего не хватает Хаусу (может быть, он бы и хотел, чтобы у него было больше приятелей, чем он пытается показать). Создатель наделяет этих друзей такими чертами, которые у него самого отсутствуют; они — идеальная копия самого ребенка. Маловероятно, что Хаус хочет быть Уилсоном — но ведь вполне возможно, что иногда он хотел бы проявлять больше сочувствия и доброты (или, по крайней мере, иметь больше подружек)?

Воображаемому другу можно довериться, ребенок может поделиться с ним своими проблемами и секретами. Уилсон в этом качестве отлично подходит Хаусу. И пусть не в каждом конкретном случае Уилсон способен подтвердить догадки Хауса, но он часто наталкивает его на выбор нужного направления. В серии «Если сделаешь, будешь проклят» Уилсон пошутил, что у больной монашки, возможно, аллергия на Бога. Хаус ухватился за мысль, что у нее внутри может быть инородное тело, вызывающее аллергию, и назначил полное сканирование

организма. В серии «Охота» (2–7) дискуссия с Уилсоном о странном потоотделении у больного натолкнула Хаус на мысль, что болезнь может быть вызвана каким-то необычным паразитом.

Среди вымышленных героев Хаус — не первый, у кого есть воображаемый приятель. Классическим примером может служить Элвуд П. Дауд в театральной постановке и фильме «Харви»,[1] у которого был друг — невидимый кролик ростом в шесть футов (естественно, по имени Харви). Позже в длинном комиксе «Калвин и Хоббс» были показаны приключения шестилетнего Калвина и его лучшего друга, тигра Хоббса — мягкой игрушки, которая оживает и разговаривает только с Калвином.

Воображаемые друзья изображены в целом ряде телевизионных сериалов. В сериале «Госпиталь МЭШ» показан вымышленный друг детства Ястребиного Глаза, капитан Татл («Слушай, как я напьюсь, так и он тоже напивается» [«Татл»]). В другом сериале, «Остаться в живых», изображен воображаемый друг Херли по имени Дэйв («Дэйв»).

Однако Уилсон существует на самом деле, в этом мы можем не сомневаться. В сериале «Доктор Хаус» многие подтвердят его реальность: администратор госпиталя доктор Лиза Кадди; другие члены команды; Дебби из бухгалтерии; следователь Майкл Триттер; Грейс, пациентка Уилсона, к которой он переехал, когда узнал, что она одинока и смертельно больна («Хаус против Бога», 2–19).

А что, если представить, что временами он *не* существует?

Другими словами, что, если существует два Уилсона: один реальный, а другой — игра воображения Хауса?

Убедительная теория.

Но «Доктор Хаус» — медицинский сериал, поэтому надо попытаться найти медицинское объяснение этого явления. Так что давайте поставим диагноз Хаусу. Почему ему что-то видится?

Одной из возможных причин может быть шизофрения; ее симптомами являются видения и слуховые галлюцинации. Этим можно объяснить то, что Хаус видит и слышит Уилсона. Но обычно шизофреник слышит голоса, которые мучают и издеваются не только над ним, но и над окружающими, а Уилсон склонен все свои ругательства приберечь только для Хауса. (С другой стороны, Хаус...) А вот у больной

[1] Американский фильм 1950 г.

шизофренией из серии «Метод Сократа» (1–6) были классические симптомы шизофрении — рассеянное внимание и отсутствие координации, — не похоже, что они есть у Хауса.

Причиной галлюцинаций, в которых Хаус видит друга, могут быть наркотики. Нам показывают, что для снятия хронической боли Хаус принимает только один наркотик — викодин, и принимает его в больших количествах: во многих сериях он глотает таблетки как конфетки «M&Ms». Рекомендуемая доза викодина, как советуют медицинские сайты, составляет не более пяти таблеток в сутки, их надо запивать шестью-восемью стаканами воды. Во время обыска в квартире Хауса полицейские находят около 600 таблеток викодина, причем этот запас ему нужно постоянно пополнять.

В нашей теории с наркотиками есть слабое звено — побочными эффектами викодина являются эйфория, судороги, головокружение (и другие), но не галлюцинации. Так что наркотики как возможное объяснение следует исключить.

С чем же мы тогда имеем дело, если «галлюцинации» Хауса не результат умственного расстройства или передозировки наркотиков?

Может быть, это что-то более реальное?

Хаус — более чем «просто деревенский врач», как его шутливо назвал Уилсон в одной из пилотных серий. Если бы он на самом деле начал галлюцинировать и ему бы казалось, что он встречает Уилсона там, где того нет, Хаус наверняка признал бы, что у него действительно начались проблемы со здоровьем.

Итак, какие же у нас есть варианты? Он мог бы обратиться к какому-нибудь врачу в другой больнице, если его эго не позволяет ему открыться коллегам. Он также мог бы предложить своей команде решить проблему вымышленного больного. Хаусу с его фантазией ничего не стоит выдумать какую-нибудь историю; вспомним случай с Кармен Электрой и подменой в серии «Три истории» (1–21), когда он попытался замаскировать личность настоящего пациента: «Я выбрал Кармен, потому что она показалась мне приятной альтернативой мужчине средних лет».

Поскольку Хаус ничего из вышеперечисленного не предпринял, значит, он отдает себе отчет в том, что время от времени разговаривает с человеком, которого рядом нет, и не считает это проблемой.

В серии «Без причины» (2–24), когда в Хауса стреляли, его подсознание разработало целый сценарий, в котором был задействован не только Уилсон, но и весь персонал больницы, не говоря уже о стрелявшем Мориарти. Все это ради того, чтобы найти способ облегчить постоянную боль в ноге.

Таким образом, Хаус, очевидно, понимает, что вымышленный Уилсон — это проекция его подсознания, а не заболевание. Так как он ничего не предпринимает, чтобы вылечиться, ему должно быть понятно, что слова воображаемого друга — это не что иное, как его собственные мысли, и они нужны, чтобы указать ему нужное направление при решении головоломок.

Нет сомнения, что Эго Хауса бесконечно тешит факт того, что при обращении к Уилсону он имеет возможность разговаривать с умнейшим из известных ему людей — с самим собой.

Брэдли Сайнор опубликовал три сборника рассказов: «Темные грозовые ночи», «В тени» и «Игра с тайной» (в соавторстве с женой Сью). Его последние работы можно прочитать в сборниках «Космические кадеты», «Газета Грантвиля», «Что посетить», «Их убивают», «Кольцо огня 2» и «Хьюстон, у нас в гостях дружбаны». Кроме художественных произведений у него есть статьи в журналах и сборниках «Проходя через звездные врата» и «Одиссея Шеррил». Посетите его сайт www.zettesworld.com/Sinor/index.htm.

Великие соперники нашего времени: «Кока-Кола» и «Пепси», «Майкрософт» и «Эппл»... Хаус и Кадди. Как и у других соперников, в их баталиях на кон поставлено многое. За этими баталиями наблюдать очень занятно. И как у других, в основе их конфликта лежит прибыль. Вирджиния Бейкер объясняет нам природу этого конфликта и показывает, почему без него смотреть «Доктора Хауса» было бы неинтересно.

ХАУС ПРОТИВ КАДДИ

Деньги и бастион горькой правды

Вирджиния Бейкер

Почему Грег Хаус такой негодяй?

Это неплохой вопрос. У кого-нибудь готов диагноз? Как узнать правду о человеке, который умудряется ее так хорошо скрывать?

Симптомы не обманывают. Он лжет, он крадет. Нарушает правила и пользуется всеми, начиная от больных и друзей и заканчивая начальниками, как орудием для решения медицинской головоломки, которая привлекла его внимание. Чтобы найти ответ, Хаус готов пойти на все, он преодолеет любые границы. Если Хаусу не удается разрешить загадку или просто любой медицинский случай, который оказывается не под силу обычному врачу, он впадает в состояние одержимости, он готов на все, он идет на любые крайности.

Будучи человеком, движимым загадочными силами, Хаус сам по себе является самой настоящей загадкой. А действительно, почему он такой негодяй? Он ведет себя так отвратительно, чтобы добиться успеха в своем деле? А будет ли толк, если он изменит свое поведение в лучшую сторону?

На самом деле толку не будет. Как правило, именно его стремление решить проблему любыми дозволенными и недозволенными методами помогает спасти жизнь больного. И хотя Хаус — мастер свободного падения, яркое олицетворение притворства, уязвимости и всех человеческих слабостей, если приглядеться, можно увидеть, что он редко прибегает к искусству манипуляции без причины. И в этом заключается объяснение его успеха: Хаус поступает, говорит или рискует, чтобы докопаться до истины — независимо от того, что кому-то это может причинить боль. Вот почему он негодяй. И, по иронии, именно в этом причина успеха того, что он делает.

Но если бы Хаусу без всяких разговоров дали карт-бланш на все его выходки, все в сериале происходило бы без сучка и без задоринки, без трения. Трение — это теплота. Теплота подогревает наше волнение, интерес, любопытство. Зрителя приковывают к экрану проблемы, с которыми сталкивается Хаус, и то, как он ведет себя в этих ситуациях. И хотя медицинские споры, в которых участвует Хаус, интересны сами по себе, чаще всего они представлены в контексте других баталий, особенно когда дело касается противоречий между коммерческим аспектом медицины и чистотой диагностики, осуществляемой с маниакальным упорством.

Администрация больницы, как средоточие конфликта, позволяет нам увидеть, где медицина и выгода противоречат друг другу. Она также проливает свет на причину, по которой Хаус прибегает к крайним мерам в попытке спасти жизнь больных: его не заботят такие вещи, как закон, выгода или деньги. Для него определяющим фактором является Ответ.

Для доктора Лизы Кадди, директора больницы, определяющим фактором является финансовое благополучие и благосостояние ее учреждения. Если бы она полностью соответствовала этому типу руководителей, Грегу Хаусу пришлось бы работать в каком-нибудь другом месте, а не в учебной больнице Принстон-Плэйнсборо. Ведь администраторы — это гарантия финансовой и юридической стабильности больницы, они ее защитники и инструмент выживания.

Ирония заключается в том, что иногда доктор Грегори Хаус, человек, составляющий славу этой больницы, представляет для нее и самую

большую угрозу. От него можно ожидать чего угодно. Он манипулирует людьми, он резок и даже груб. Внешне кажется, что единственное его положительное качество — это то, что он врач. И если коллеги, друзья и руководство часто в растерянности от поведения Хауса по крайней мере одному больному удалось разгадать тайну мотивов его поступков:

«Я узнаю эту хромоту. Я узнаю этот безымянный палец без кольца. И вашу одержимую натуру... Вы не будете спасать кого-то, кто этого не желает, вы не будете рисковать свободой или карьерой, если только у вас не будет одной-единственной вещи. Для меня эта вещь — музыка, а для вас... Да, есть то, что делает нас великими, лучшими. А до остального нам нет дела» («Меня не реанимировать», 1–9).

В этом редком случае причина, по которой больной доверяет Хаусу-врачу, заключается в том, что он знает, что Хаус одержим поиском ответа, он пойдет на все, чтобы найти этот ответ. Такая причинно-следственная связь также служит символической моделью хрупкого (а иногда и сомнительного) баланса между верой и недоверием, существующего между Хаусом и Кадди, причем именно одержимость Хауса заставляет верить ему, в то время как он раз за разом подтверждает свой успех.

Вскоре становится понятно, что именно одержимость Хауса позволяет ему достичь совершенства в своем деле. В остальном ему не везет. Но как врач, как мастер исцеления он вне конкуренции. Если бы он не был так груб, то кто-нибудь и оказал ему такую же честь, как Клэптону, и написал на стене в метро «Хаус — Бог»?[1]

Хаус не стал бы спорить с этим утверждением. Но он часто спорит с Кадди. И это нормально. Они и должны иметь диаметрально противоположные взгляды. В большинстве больничных сериалов администратор даже не является врачом, тем более деканом медицинского факультета. Он (а руководитель больницы всегда «он») может быть финансовым менеджером, которому недоступно чувство милосердия,

[1] Эрик Клэптон — певец, гитарист, композитор.

он не способен понять страдания больных или ту надежду, которую вселяют в них несколько долларов, выделенных на лечение. А врач должен быть борцом за справедливость, пламенным крестоносцем, исполненным благородных порывов и, как правило, физически привлекательным человеком, в расцвете лет. В общем — противостояние Супермена и Лекса Лютора в вечной борьбе денег против человеческой жизни.[1]

Как сказал бы Хаус: «Ерунда!»

Да, вечный конфликт между администратором и врачом добавил бы жару в этом сериале, усилил бы напряжение, которое закручивает сюжет и заставляет его развиваться. Наличие такого конфликта привело бы к тому, что зритель получил бы обычную парадигму взаимоотношений, к которой он уже привык и воспринимает не задумываясь.

Но, к счастью, создатели сериала не пошли по проторенному пути. В противостояние Хауса и Кадди заложено гораздо больше, чем стереотипное поведение агрессивного самца, наскакивающего на самку с целью добиться ее внимания. Их отношения изображены более тонко. Все начинается с какого-то раздражения друг другом и движется к полной взаимозависимости.

Хаус — это не Кларк Кент в халате врача.[2] У него замечательные голубые глаза. Конечно, традиционной фигуры супергероя и роскошных темных волос нет (скорее Уилсон обладает необходимой внешностью героя, но, увы, не характером). Хаус говорит о себе, что он калека. Его физический недостаток очевиден. Чтобы увидеть прочие недостатки Хауса, нужно в течение какого-то времени испытать на себе его злой юмор и чудовищные антиобщественные выходки.

Первое, что привлекает внимание зрителя: руководителем клиники является привлекательная женщина, а не типичный авторитарный мачо в женском обличье, что сразу же делает героиню более интересной. Второе наблюдение касается того, что Кадди прекрасно знает, кто такой Хаус. Она взяла его на работу не просто так, а потому что может

[1] Лекс Лютор — суперзлодей, заклятый враг Супермена из комикса.
[2] Кларк Кент — вымышленный герой комикса о Супермене; по сути дела — это сам Супермен в обычной жизни.

рассчитывать на него — такого, какой он есть. Она знает, что Хаус отнюдь не негодяй. Его гадкий характер не беспричинен, хотя иногда он поступает отвратительно, чтобы просто повеселиться. В его мерзком характере есть рациональное зерно, и Кадди знает, что в нужную минуту это зерно даст хорошие всходы.

К примеру, когда Хаус говорит одному из финансовых спонсоров больницы, что его жена крутит роман на стороне (такой вывод он сделал, потому что у того кожа приобрела оранжевый цвет, а жена этого не заметила), этот спонсор пожаловался Кадди. Та выступила в защиту Хауса, что хорошо характеризует их взаимоотношения:

> «Мы всегда ладили друг с другом, вы были добры по отношению к нашей больнице, но я не думаю, что в данном случае мы найдем взаимопонимание. Есть у вашей жены любовник или нет, но вы пришли ко мне в полном убеждении, что я должна уволить Хауса. Я этого сделать не могу, даже если лишусь ваших денег. Потому что этот сукин сын — наш самый лучший врач» («Пилот», 1–1).

Положение таково: администраторы необходимы для ведения дел. Их существование оправданно. Они являются связующим звеном между узкими интересами специалистов и широкими интересами бизнеса и прибыли. Если бизнес, любой бизнес, не приносит прибыли, он выбывает из сферы бизнеса. Зарплаты сокращаются, людей увольняют. Экономика, начиная от местной и заканчивая мировой, разрушается, если нет новых денежных поступлений.

Хаус понимает это. Он понимает необходимость прибыли, он понимает, что деньги питают предприятие и поддерживают его благополучие. Не понимает он, почему деньги стоят на первом месте.

Это ставит его и Кадди в интересное положение. Потому что, чтобы выполнять работу, на которую она его взяла, Хаусу приходится проделывать с больными, врачами и больницей в целом все, что типичный администратор делать не стал бы. Если он не выполняет эту работу, он не нужен. А если выполняет, то чаще всего вступает в конфликт с Системой. Кадди, администратор, наделенная более чем средним умом, учла этот парадокс:

> «Когда я брала тебя на работу, я знала, что ты ненормальный. Я буду стараться мешать твоим безумствам, но раз уж они уже сотворены... Пытаться убедить сумасшедшего не безумствовать — это само по себе безумство. Поэтому, когда я взяла тебя, я отложила пятьдесят тысяч долларов на юридические расходы — пока ты укладываешься в эту сумму» («Меня не реанимировать», 1–9).

Даже Кадди не знала, как далеко зайдет Хаус. Но по мере того как оба героя движутся по эллиптической орбите — вечное и настороженное движение, в ходе которого им больше сопутствует успех, чем неудача, — возникают «узы» доверия друг к другу.

Однако безрассудная отвага во имя медицины и нежелание действовать в рамках — это две разные вещи. Если взять сериал в целом, можно заключить, что Кадди склонна поддерживать Хауса, когда тот решает загадку опасного заболевания, но не спускает ему пренебрежение обязанностями:

> «Твой график учета рабочего времени практически пуст. Ты не приходишь к больным на консультации. Ты на шесть лет отстал по обязательствам перед поликлиникой. Единственная причина, по которой я тебя не выгоняю, — это то, что ты много значишь для больницы в целом. Но так долго продолжаться не будет, если ты не будешь выполнять свою работу. Поликлиника — это тоже твоя работа. И я хочу, чтобы ты не отлынивал от нее» («Пилот», 1–1).

Хаус, цитируя философское изречение Мика Джаггера, говорит Кадди: «Не всегда получаешь то, что хочешь». Но реакция Кадди знаменует собой важный поворот в этих отношениях. Вместо запугивания Хауса, вместо проявления агрессии она лишает его права пользования диагностической лабораторией, не ставя об этом в известность. Он узнает об этом только тогда, когда возникает необходимость воспользоваться магнитно-резонансным томографом. Испытав унижение перед больным и тремя помощниками, он врывается в кабинет Кадди, рыча, что это оскорбление и неуважение. Вместо того чтобы накричать в ответ (что обязательно сделал бы стереотипный администратор в старом кино), Кадди платит ему той же монетой:

«Твои вопли должны меня испугать? Не знаю, что тут страшного. Будешь вопить дальше? Не страшно. Хочешь обидеть меня? Да, это страшно, но я уверена, что и этим меня не возьмешь. И кстати, я почитала философа, которого ты цитировал, — Джаггера. Ты прав, не всегда получаешь то, что хочешь. Но — «Если попытаешься, получишь» («Пилот», 1–1).

У Кадди свои аргументы. Прибыль — основа любого бизнеса. Это звезда, по которой бизнес прокладывает свой маршрут, а не «первая звезда и прямо до утра» из «Питера Пэна».[1] В настоящем бизнесе мальчикам рекомендуется расти как можно быстрее, играть по правилам и добывать деньги на благо того же бизнеса.

Хаус-мятежник обращается к нашему подсознанию. В последние несколько лет мы и сами задаем себе этот вопрос, хотя его не слышно за шумом толпы общества потребителей: действительно ли количество не есть качество, действительно ли почти все, что нам преподносят как истину, является совершенной ерундой или преднамеренным обманом ради прибыли? Итак, прибыль сама по себе не есть что-то плохое. Мы понимаем, что значит прибыль для отдельного человека и для экономики в целом. Мы хотим получать прибыль от своих способностей. Мы не против того, чтобы платить за оказанные нам услуги, за проданные товары, позволяя другим извлечь прибыль за наш счет. Но нам не нравится, когда нас надувают, нас не устраивает, когда люди нам лгут или пользуются нами, чтобы извлечь прибыль, которая ими не заслужена. Или в случае медицины — когда рискуют нашим здоровьем в угоду прибыли.

Хаус и Кадди сталкиваются с проблемой, с которой ежедневно сталкиваемся и мы, хотя и по-разному. Нас выводит из себя ложь, преподносимая нам теми, кто гонится за прибылью, однако мы знаем, что, сами того не желая, являемся соучастниками этой лжи, безоговорочно ее принимая. Сериал достаточно тонко построен на этом парадоксе: Хаус — герой, потому что он делает то, что мы, как легковерные потребители, сделать не можем.

[1] Аллюзия на диалог в «Питере Пэне»: «—Где ты живешь? — От первой звезды направо и прямо до утра. — Это почтовый адрес?»

Идем дальше. Задайте неудобный вопрос: почему так много людей лжет из-за денег? С точки зрения Хауса, люди лгут постоянно, это данность. Те, кто думает иначе, страдают от своего убеждения. Если вы признаете, что люди лгут, вы не будете из-за этого расстраиваться и вас труднее будет обмануть. Хаус считает, что больные лгут, поэтому он ищет ответ не в их словах, а в типичных ситуациях, в парадоксах и даже в том, что ему удается найти в домах пациентов, — эти находки зачастую являются косвенной причиной заболевания. Мертвые кошки помогают установить отравление пестицидами. Слепые птицы помогают раскрыть причину неизвестной болезни Формана. Свинина, найденная в холодильнике, объясняет, почему мозг девушки разъедает некий паразит. То, что больной пьет совершенно безобидный чай, помогает раскрыть причину его чуть ли не смертельной реакции на медицинский препарат.

Хаус не верит. Он расследует. Это хороший подход, работающий на нас. Он полезен, когда мы делаем покупки, когда смотрим новости или когда врачи лечат больных. Если взглянуть на все с этой точки зрения — будь то смешные рекламные объявления на телевидении, заголовки новостей, от которых делается тошно, имена модных дизайнеров на этикетках, — становится понятно, что за всем этим стоит прибыль. Возмущаясь тем, что реклама товара лучше самого товара (помните — все лгут), мы наконец начинаем понимать, что в любой сфере обслуживания во главу угла ставится прибыль, а не честность.

Вот почему Хаус нам кажется героем. Правду следует искать у тех, кому наплевать на прибыль, — у таких ренегатов, как Хаус, которые идут вперед, не обращая внимания на помехи или опасности. Хаус находит истину, даже если ему приходится идти окольными путями, пробиваясь сквозь ложь, во многом сквозь собственную ложь. «Я вру больному, — говорит он, излагая Кадди собственное кредо. — Я иду на риск. Иногда больные умирают. Но если не рисковать, умрет еще больше больных, поэтому моя самая главная проблема в том, что у меня все в порядке с математикой» («Детоксикация», 1–11).

Пикантность ситуации заключается в том, что это кредо создает проблемы для Кадди, которая обязана охранять интересы Системы.

Когда Хаус лжет, к примеру, о величине опухоли больного, Кадди набрасывается на него:

КАДДИ:

Обман! Обман был единственным выходом? У нас есть правила и есть основания для их использования…

ХАУС:

Знаю, чтобы спасать жизнь. Особенно жизнь врачей, и не просто их жизнь, но ***их спокойную жизнь***. Какого хрена делать операцию больному, если он может умереть и испортить статистику!

КАДДИ:

Берген должен знать, кого он оперирует.

ХАУС:

Верно-верно. Я об этом совершенно забыл, потому что только и думал, что у моей больной есть право на жизнь.

Между Хаусом и Кадди происходит множество стычек. Но удачей сериала является то, что эти конфликты преподносятся в умеренных дозах. Создатели не переборщили, изображая администраторов монстрами, а врачей святыми. Напряженность присутствует, но она подана в меру, что делает борьбу за первенство между Хаусом и Кадди еще более интересной. Эта борьба необычна, потому что происходит на двух уровнях.

Взаимодействие на первом уровне: Кадди давно известно, что Хаус настолько часто оказывается правым, что если пытаться ему мешать, то этим подвергаешь жизнь больного еще большей опасности. Очень быстро она начинает понимать: если бы Хаус сделал так, как говорит она, больной погиб бы.

К примеру, в серии «Все включено» (2–17) Хаус вступает в сговор с Уилсоном, чтобы тот задержал Кадди на больничном бенефисе, а сам берется поставить диагноз одному из ее очень молодых пациентов. Выслушав симптомы болезни мальчика по телефону, Кадди решает, что кровавый понос — это просто желудочно-кишечное расстройство, и продолжает играть в карты с Уилсоном. Хаус, услышав симптомы, прекращает игру и направляется в больницу, чтобы осмотреть мальчика. Он пытается найти правильное решение, чуть не губит мальчика, а потом вынужден держать ответ перед разъяренной Кадди, которая, как администратор, обязана вмешаться:

«Меня вызвали родители больного, они в ярости. Это мой больной. Иди домой, катайся на своем мотоцикле, размышляй в тишине, но и близко не подходи к Иэну!» («Все включено», 2–17).

Конечно, сама Кадди тоже не может понять, от чего умирает ребенок. Никто ничего не может понять, это страшная загадка, которая оказывается не под силу целой команде врачей. К счастью, Хаус не сдается. Он не уходит домой, а тайно от всех проводит анализ ткани и клеток, полученных во время предыдущих тестов, — и узнает, что убивает ребенка. Если бы он сдался, ребенок мог умереть, это Кадди прекрасно понимает.

В серии «Если сделаешь, будешь проклят» (1–5) роль «спасителя» показана иначе. Похоже, что Хаус в поиске диагноза может погубить больную монашку. Кадди говорит ему: «Я хочу оказать тебе величайшую услугу, которую один врач может оказать другому. Я помешаю тебе убить твоего больного. Я отстраняю тебя от лечения». За дело принимается сама Кадди, но, несмотря на ее усилия, состояние монашки продолжает ухудшаться. Хаус, который к этому времени провел кое-какую разведку, узнает, что монашка пьет чай из норичника, совершенно безобидный напиток, но губительный в сочетании с эпинефрином, который ей вводили ранее. Сделав победное открытие, Хаус бросает перед Кадди козырную карту: «Теперь я хочу оказать тебе величайшую услугу, которую один врач может оказать другому. Я помешаю тебе убить твоего больного».

Пожалуй, самый драматичный и занятный по изобретательности момент мы наблюдаем тогда, когда Хаус отказывается подчиниться приказу Кадди в серии «В безопасности» (2–16). В ней Хаус использует свой обычный метод проб и ошибок, постепенно сокращая список возможных причин заболевания, однако состояние девушки ухудшается настолько, что Кадди снова вынуждена вмешаться. Она настаивает на внутрисердечной дефибрилляции, чтобы поддержать работу

сердца. А Хаус утверждает, что в действительности девочка погибает от клеща, хотя она была осмотрена и на ее теле ничего обнаружено не было. На этот раз Кадди не позволяет Хаусу подходить к девушке и отстраняет его от лечения, буквально отталкивая от каталки с больной со словами: «Все, охота за волшебным клещом закончилась. Теперь пусть этим занимаются только врачи».

Уилсон, видя как мается отстраненный от лечения Хаус, предлагает Кадди перевести девушку в палату интенсивной терапии — для более серьезного лечения, которое не может быть оказано в отделении экстренной помощи. Конечно, это уловка: когда Форман закатывает каталку в лифт, туда же заходит Хаус, преграждая тростью доступ всей свите врачей и родителей. Кадди приказывает Хаусу выйти из лифта. Тот не подчиняется, тогда она поручает заботу о девушке Форману. Но как только двери лифта закрываются, Хаус нажимает кнопку экстренной остановки, меняясь ролями с Кадди: теперь она не имеет доступа к больной. В мире Хауса плутовство всегда побеждает власть.

Конечно, Кадди быстро понимает, что остановка лифта вызвана не поломкой. Поскольку состояние больной ухудшается и сердце вот-вот остановится, Форман упрекает Хауса за упрямство: «Мы ее украли, а теперь ты хочешь ее убить?! Мы осмотрели каждый сантиметр ее тела. Это конец».

В тот момент, когда Форман отпускает кнопку экстренной остановки, Хаус трясет девушку, спрашивая, имела ли она сношения с молодым человеком перед тем, как попала в больницу. Девушка кивает и теряет сознание, Форман в ужасе. Тогда Хаус начинает что-то искать в волосах на ее лобке. Лифт со звоном останавливается, двери открываются, демонстрируя происходящее родителям девушки, Уилсону и Кадди. Думая, что Хаус занимается растлением дочери, разъяренный отец отталкивает его, но мы видим, что у того что-то зажато в руке. Это клещ, то самое существо, которое по его предсказанию, явилось причиной заболевания. Ему не верили, но клещ у него в руке, отвергать доказательство бессмысленно. Хаус заявляет: «Вот *это* было ужасно. Введите ей норэпинефрин, сердце вернется в норму. Завтра она будет полностью здорова».

Так оно и вышло. Потому что часто единственный способ спасти больного — это уловки и хитрости Хауса и его желание утвердить свое главенство на любом уровне. Когда Кадди забирает у него больных, она знает, что может произойти непоправимое.

Однако иногда необходимость следовать правилам приводит Хауса и Кадди к более серьезным конфликтам. Когда Форман заболевает чем-то, что кажется неизлечимой болезнью, которая, помимо этого, еще и заразна, Кадди требует, чтобы его поместили в изолятор и поставили в известность Центр контроля заболеваний. Ее действия означали гибель Формана, что она и Хаус прекрасно понимали. «Ты убиваешь Формана из-за какого-то *может быть*», — обвиняет ее Хаус. Он добивается встречи Кадди с отцом Формана, он увещевает ее провести биопсию в больнице, а не ждать решения Центра. Но Кадди не поддается даже тогда, когда Хаус говорит: «Не надо винить правила. И не вешай все на политику и протокол». Ответ Кадди отцу Формана дипломатичен и по-административному тверд:

> «Я хорошо понимаю, что на карту поставлена жизнь вашего сына, точно так же я понимаю, что мое решение покажется трагическим вашей семье и друзьям. Чтобы понять это, мне их присутствие не нужно. У вашего сына неизвестное инфекционное смертельное заболевание. Если мы не остановим распространение этого заболевания, могут пострадать другие люди. И этим людям я тоже сочувствую, но их присутствие здесь тоже не нужно. («Эйфория, часть 2», 2–21.)

Кадди нелегко соблюдать правила такой ценой. Этот эпизод доказывает, что если Хаус готов на всякие ухищрения, чтобы получить ответ на вопрос, Кадди также способна проявить административный характер, даже если ей для этого приходится приносить в жертву других. Это качество Кадди в чем-то сходно со способностями Хауса управлять людьми и манипулировать любой ситуацией и даже унижать любого для достижения цели. Но если Хаус находит удовольствие в том, что подчиняет людей своей воле, Кадди таких чувств не испытывает.

ФОРМАН:

Что ты здесь делаешь?

КАДДИ:

Ты мой друг. И я должна быть здесь.

ФОРМАН:

Мне жаль, что Хаус пытался использовать моего отца, чтобы манипулировать тобой. У тебя есть свое определенное мнение, и ты не станешь менять его только потому, что поговорила с отцом. Но я не прощу тебя за то, что ты пришла и спросила, как я себя чувствую.

КАДДИ:

Знаешь ли, у меня не было выбора.

ФОРМАН:

О нет, выбор был!

КАДДИ:

И наказание за нарушение правил?

ФОРМАН:

Неужели смертный приговор? Сомневаюсь. Откровенно, меня бы устроило, если бы тебя оштрафовали, отстранили от работы, дали пару лет тюрьмы, если бы это спасло мою жизнь!

Даже не осознавая того, Форман (который, по иронии, не может оценить отчаянную тактику Хауса) говорит Кадди, что *ей* следовало бы взять что-то от Хауса, пренебречь угрозой наказания для спасения жизни, что она приносит в жертву его жизнь ради неких абстрактных правил, распоряжений и финансового благополучия. Тем не менее Кадди стоит на своем, и в то время как Хаус изыскивает способ в очередной раз обойти правила, чтобы спасти положение, Кадди, как следует из этой серии, действительно готова принести жертву, когда это необходимо, но ради больницы, а не ради больного.

Такие конфликты придают сериалу неповторимую серьезность, но именно колкости Хауса и Кадди в отношении друг друга в ходе их «поликлинической» войны открывают дверь для юмора, который является вторым уровнем их шатких отношений и который оказывается важной составляющей успеха этого сериала. То, что Кадди — женщина, а Хаус — мужчина, дает дополнительную возможность для такого

общения, которое было бы невозможно между двумя мужчинами — закоренелыми антагонистами. Обсуждая с Уилсоном медицинские головоломки, Хаус замечает Кадди, которая проходит в пределах слышимости, и громко говорит Уилсону:

ХАУС:

И на ней, можешь себе представить, потрясающая теннисная юбочка и футболка в обтяжку. Мне чуть дурно не стало. [*Делает вид, что только что заметил Кадди*]. Черт, я тебя не заметил. Странно.

КАДДИ:

Ну, и как твоя проститутка?

ХАУС:

Ах, как любезно, что ты спрашиваешь. Занятная история. Она хотела стать администратором больницы, но как представила, что ей придется трахаться с такими же, передумала.

Колкости, которыми обмениваются стороны в ходе «поликлинической» войны, бывают непристойными, изобретательными и дико смешными. Войдя в помещение поликлиники, заполненное пациентами, Кадди начинает отчитывать Хауса за то, что тот на полчаса опоздал на работу. Не вступая с ней в дискуссию, Хаус обращается к присутствующим:

«Привет, болезные! В интересах экономии времени и чтобы не тратить его на пустую болтовню потом, сообщаю, что я — доктор Грегори Хаус. Я единственный врач в этой поликлинике, работающий не по своей воле. Но не волнуйтесь, потому что с большинством ваших проблем может справиться и мартышка, дав вам бутылку мотрина. Кстати, если будете особенно докучать, увидите, как я принимаю это. Это викодин. Нет, я не участвую в программе помощи больным, страдающим от боли... Но кто знает? Возможно, я ошибаюсь. Может, я слишком накачался, чтобы ясно выражаться. Итак, кто ко мне? («Бритва Оккама», 1–3).

Чтобы Кадди перестала требовать от него вести прием в поликлинике, Хаус вызывает ее на консультацию по каждому пустяковому поводу. Кадди парирует:

«Не выйдет. Заешь почему? Потому что это смешно. Ты пытаешься найти способ унизить меня, а я пытаюсь найти способ унизить тебя. Это игра. Ты проиграешь, потому что у меня преимущество на старте. Ты уже унижен» («Метод Сократа», 1–3).

Иногда игра идет всерьез. В нескольких сериях Хаусу для спасения больных приходится запрашивать донорские органы. Как правило, Кадди удается достать Хаусу необходимое. Но иногда бюджет больницы, за который она отвечает, этого сделать не позволяет.

К примеру, когда Хаус обнаружил, что у 65-летнего больного сердце разрушено бактериями, ему приходится докладывать об этом не только Кадди, но и всей комиссии по пересадке органов. Один из членов комиссии, доктор по имени Симпсон, говорит, что даже если больной получит новое сердце, все равно жить ему останется всего ничего, поэтому он не самый подходящий кандидат на пересадку.

ХАУС:

Итак, вы утверждаете, что стариков, в отличие от молодых, спасать не нужно?

КАДДИ:

Он говорит, что сердце для пересадки найти трудно. Вполне очевидно, что здесь необходимы некоторые критерии отбора.

СИМПСОН:

Ваш больной уже пожил на свете. У нас есть 18-летние, которые только...

ХАУС:

А сколько лет вам, доктор? Когда прикажете вас запихнуть в морозильник?

(«Секс убивает», 2–14)

Когда Хаус получает отказ, он не мечется в бессильной злобе по поводу несправедливости системы, он идет в обход нее. Удивительно то, что для этого он использует все ту же ненавистную поликлинику. Он находит женщину, мозг которой мертв, и просит отдать ему ее сердце — все равно оно никому не нужно, так как не отвечает стандартам, утвержденным в руководстве по пересадке органов. Муж женщины против, тогда Хаус знакомит его с дочерью своего пожилого пациента. Под натиском бурной благодарности со стороны дочери мужчина сдается и соглашается, чтобы сердце его умирающей жены отдали для пересадки.

Для Хауса это не есть нечто невообразимое, это способ экономить ресурсы. Он объясняет сбитой с толку Кадди: «Комиссия утверждает, что не возьмет ее сердце. А другая комиссия заявляет, что этому типу нужно новое сердце. Это просто какой-то брак на небесах» («Секс убивает», 2–14).

Но самое главное испытание двух характеров и их способности идти на компромисс начинается с появлением главного спонсора, Эдварда Воглера. Подарив больнице сто миллионов долларов, он становится председателем совета директоров и тут же начинает управлять больницей как коммерческим предприятием.

Да, это типичный администратор. Воглер — не врач, он бизнесмен, предприниматель, вложивший деньги в фармацевтическую промышленность. Он и Хаус сразу же невзлюбили друг друга. Но их противостояние выходит за пределы допустимого, когда Воглер начинает требовать от Хауса полного подчинения. Это его ошибка. Воглер, как он объясняет Хаусу, не занимается банальной административной борьбой с расточительством, ему нужен полный контроль над деятельностью врачей: «Это не обсуждается. И не обсуждалось. Я должен быть уверен в том, что что бы я ни попросил вас сделать, как бы вам это ни было противно, вы сделаете так, как я сказал» («Тяжесть», 1–16).

Воглер идет еще дальше, заставляя Хауса либо уволить кого-то из сотрудников, либо произнести за обедом речь, рекламируя новый препарат, который, как знает Хаус, малоэффективен. Воглер постоянно напоминает Хаусу, чтобы тот не забыл «произнести свою шутку». Дав этот замечательный совет, Воглер окончательно убеждается в своей победе над Хаусом и ликует при виде его капитуляции.

Зная, что он в руках у Воглера, и не желая поступать с коллегами так, как ему приказано, Хаус пользуется уроком, полученным от своих больных, которые проявляют мужество, признавая, что иногда поражение стоит больше, чем полная победа.

На обеде Хаус действительно произносит речь, издеваясь над Воглером и его советом. Он устраивает невероятно блеклое представление, зачитывая монотонным голосом пресс-релиз. Когда он садится, Воглер говорит: «Это не речь. [Кто будет уволен?] Форман или Кэмерон?»

Хаус улыбается, возвращается к трибуне и говорит собравшимся:

«Вам известно, откуда я знаю, что новый АКФ-ингибитор — хороший препарат? Ведь старый был не хуже. А новый — такой же, просто более дорогой. Он гораздо дороже старого. Видите ли... когда у того или иного препарата отбирают патент, Воглер и мальчики из его компании этот препарат видоизменяют и получают на него новый патент. Они делают не просто новую таблетку, а миллионы долларов. Что хорошо для всех, так? Больные? Тьфу! Кому до них есть дело! Они просто больные и убогие, видно, Бог никогда их не любил. [*Поворачиваясь к Воглеру с глупой улыбкой*] Ну, как тебе моя шутка?» («Ролевая модель». 1–17).

В отместку Воглер, пользуясь своим положением в совете директоров, начинает гонения на Хауса, Уилсона и Кадди, требуя, чтобы их уволили из больницы. Кадди набрасывается на Хауса: «Ты — великий врач, но ты не стоишь сто миллионов долларов!»

В итоге Хаус доказывает, что его нельзя купить, но и Кадди также доказывает, что *хорошие* администраторы способны найти необходимый баланс между прибылью и человеческим фактором. Когда Воглер созывает заседание совета директоров, Кадди выступает на нем со словами:

«Если вы считаете, что Хаус должен уйти, если вы считаете, что мне нужно уйти, что Уилсон должен уйти, тогда голосуйте за это решение. Но если вы сделаете это из-за боязни потерять его [Воглера] деньги, тогда он прав — он *действительно* купил вас и владеет вами. Итак, у вас есть выбор. Возможно, последний, когда вы по-настоящему можете выбирать» («Младенцы и вода в ванной», 1–18).

Совет решает восстановить свою власть и сохранить своих людей. Хаус, Уилсон, Чейз и Форман празднуют победу с шампанским в кабинете Хауса. Когда входит Кадди, Хаус ликует:

ХАУС:

Кадди — просто гений, смогла убедить четверых пожертвовать состоянием ради наших жалких задниц. Доктор Кадди! Герой дня!

КАДДИ:

Что вы делаете?

ХАУС:

Мы пьем. Кажется, это очевидно.

КАДДИ [принимая бокал]:

Я спасла тебя, Уилсона, спасла всю команду. Конечно, никого из них спасать не пришлось бы, сумей ты поладить всего с одним человеком.

ХАУС:

Благодарю вас, мисс Зануда.

КАДДИ:

Ты обошелся нам всего лишь в сто миллионов. Тебе не веселиться, а плакать надо. Я лично плачу.

(«Младенцы и вода в ванной», 1–18)

Здесь наши симпатии на стороне Кадди, которая в роли администратора становится защитником наших жизненных интересов. Понятно, что как бы дорого ни обходился Хаус, в большинстве случаев он прав в своих поступках. Но очевидно, что и Кадди является героической личностью, она пытается найти верный баланс между тем, что нужно Хаусу, и тем, что нужно для нормальной работы больницы (и соответственно для сохранения рабочих мест).

Места, которые Кадди удается сохранить, могут быть нашими рабочими местами. Места, которые она сокращает, могут быть нашими ра-

бочими местами. Причины, по которым она поступает так или иначе, могут вызывать столько же эмоций, сколько вы испытываете при виде какой-нибудь бухгалтерской бумажки, но эти же причины могут разорвать сердце врача, теряющего спонсорские деньги. Мы любим Хауса за то, что он — бунтарь, сражающийся за высокую идею. Но мы должны любить и Кадди, которая знает, когда позволить бунтарю защищать больного от смерти, а когда защищать всех нас от этого бунтаря.

Странно, но именно на таком зыбком основании возникло доверие между Хаусом и Кадди. Каждый из них уважает другого не вопреки, а благодаря тому, что между ними случаются конфликты.

ХАУС:

Кадди. Твое чувство вины. Это неправильно, и от этого ты дерьмовый врач. Но от этого ты хорошо делаешь то, что тебе поручено делать.

КАДДИ:

Ты считаешь, что извращенное чувство вины делает меня хорошим боссом?

ХАУС:

Кадди... ты видишь мир таким, какой он есть, но ты видишь мир и таким, каким он мог бы быть. Не видишь ты того, что видят все остальные, — а между одним и другим гигантская, зияющая пропасть.

КАДДИ:

Хаус, я не наивна. Я понимаю...

ХАУС:

Если бы понимала, никогда не взяла бы меня на работу. Ты страдаешь, если что-то неправильно, что означает две вещи. Ты хороший босс. И ты никогда не будешь счастлива.

(«Шалтай-Болтай», 2-3)

По мере развития событий мы все меньше видим Хауса и Кадди в роли противников и все более — как отражение совести друг друга. Кадди становится барьером на пути к финансовым неурядицам из-за доктора Хауса, который терзает больных, коллег и крутит кубик Рубика, решая медицинские загадки. А Хаус является тем чудаком, кото-

рому необходимо докопаться до сути вещей, который сводит счеты с Богом, «решая математическую задачку» («Хаус против Бога», 2–19), и который спасает жизнь людей, идя на риск и на злоупотребления.

Он раздвигает границы и находит ответы. Она направляет, защищает и дает ему свободу действий. Иногда она сама устанавливает границы. Он часто их обходит. И пока их взаимоотношения работают — больные живы, живо и равновесие между ними.

Простите меня за обманчивое название статьи (ведь все лгут, помните?). Слово «против» является лишним. Есть противоречия и различия, которые являются двумя сторонами одной медали, и кроме этого есть уважение друг к другу. Кадди и Хаус составляют великолепную команду. Потому что как Хаус рискует больными, коллегами и всей больницей, так и Кадди идет на риск, возможно, менее заметный, но столь же значимый, прикрывая Хауса, в то время как он делает все, что ему заблагорассудится, чтобы спасти жизнь больного. Она делает все, чтобы больница жила и процветала. И за этот риск *и* врач, *и* администратор заслуживают сто миллионов долларов.

Вирджиния Бейкер живет в штате Юта, где у нее есть стая птиц и кошки, которые этих птиц пугают. У нее диплом по английскому языку, но писать она научилась, читая хорошие книги. Она нигде не работает, но пишет книги, которые были награждены премиями. Ее первая книга «Джек-нож», опубликованная в издательстве «Penguin», является триллером о Джеке-потрошителе. Читает она книги или создает их — это ее любовь, они для нее как конфеты. Она считает, что если реальность — это мясо с гарниром, то хорошая книга — это шоколад на десерт.

Из сериала «Доктор Хаус» мы узнали, что ложь — норма не только в медицине, но и в жизни. К счастью, ложь помогает что-то открыть в той же мере как и скрыть. Донна Эндрюс анализирует поведение главных героев «Доктора Хауса», выясняет, когда и почему они лгут и как это помогает нам их понять.

СЕКС, ЛОЖЬ И МРТ

Донна Эндрюс

Больные лгут. По мнению Хауса, это — святая правда. Так?

Нет. По мнению доктора Грегори Хауса, «все лгут».

Больные — только часть категории «все». Часть, которая особенно раздражает, потому что их ложь мешает Хаусу делать его работу. Кстати, сначала я напечатала, «мешает Хаусу делать *их* работу», ведь честно сообщить всю информацию, которая помогла бы поставить диагноз, — работа больного. Как, наверное, это трудно — по каплям выживать из них эту информацию, и Хаус использует все возможные способы — диагностические тесты, расспросы и ... ложь.

Все крутится вокруг лжи. Как писательница детективов, я это точно знаю. Все в чем-то лгут, поэтому так сложно разгадывать загадки. Если бы неправду говорили исключительно преступники, многие детективные романы заканчивались бы на второй странице. Убийцу трудно уличить, потому что его ложь прячется за другой ложью, которая не имеет отношения к преступлению, но очень важна для тех, кто ее выдумывает.

Так что если в один прекрасный день вдруг изобретут лекарство против лжи, полицейские будут ликовать, а преступники и писатели детективов окажутся без работы. Кстати, «Доктор Хаус» тоже скорее детективный, чем медицинский, сериал. У этих сыщиков в руках стетоскопы, а не полицейский жетон и пистолет, а убийцу зачастую можно разглядеть только под микроскопом, но, как и в детективе, правда прячется за ложью.

Потому что, как сказал сам Хаус в одной из пилотных серий: «Правда начинается со лжи». Я это понимаю так: если мы узнаем, почему, когда и как люди лгут, мы ближе подойдем к пониманию того, что у них на уме.

КАДДИ:

Когда я принимала тебя на работу, я знала, что ты ненормальный.

(«Меня не реанимировать», 1–9)

Как и положено главному администратору больницы, у Кадди абсолютно корпоративное отношение ко лжи. Она категорически против того, чтобы работники лгали ей, хотя годы работы с Хаусом и безуспешные попытки его приструнить притупили ее способность возмущаться его выходками, и все, на что она способна, — это испытывать легкое раздражение.

Но если нужно отстоять больницу и персонал, она и сама готова солгать. Она заявила миллиардеру Эдварду Воглеру, который попытался взять госпиталь под свой контроль, предложив сто тысяч долларов: «Я защищаю людей, это они — капитал нашей больницы» («Законы мафии», 1–15). И хотя Хаус ее раздражает, он — ценное приобретение для госпиталя.

Иногда выступить в защиту Хауса — значит солгать за него. Чаще это означает — солгать ему. Пока было два случая, когда Кадди лгала по-крупному, оба раза — Хаусу, ради его блага (так она считает), и оба раза эта ложь имела печальные последствия.

Впервые Кадди сказала неправду, когда Хаус попросил ввести его в состояние комы, чтобы легче перенести боль во время лечения ноги. Кадди знала, что если Хаус будет без сознания, Стэйси даст разрешение на удаление его омертвевшей мышцы. Хаус не соглашался на этот компромисс — компромисс, из которого он вышел хромым, со шрамом и постоянной болью. Конечно, никто не думал, что все так закончится, но так случилось — и Кадди ни на минуту об этом не забывает. Она чувствует свою вину: «Потому что я врач. Потому что из-за

моей ошибки может умереть человек» («Пилот», 1–1). Может быть, это еще одна причина, по которой Кадди защищает Хауса и мирится с его выкрутасами. Не только потому, что он такой ценный кадр для больницы, а из-за того, что она приложила руку к тому, что он получил увечье и наркотическую зависимость.

Второй раз ложь Кадди в серии «Смысл» (3–1) исходила не от нее. Но именно она ввела кортизол парализованному больному Хауса — а потом, когда тот встал и пошел, как Лазарь, она согласилась на предложение Уилсона скрыть от Хауса этот успех. «Будет полезно, если мы скажет ему “нет”, — сказал Уилсон. — То, что он оказался прав, не значит, что он не был не прав». Возможно, Кадди и Уилсон сказали неправду Хаусу из добрых побуждений, чтобы умерить его саморазрушающее поведение, но эта ложь рикошетом ударила по Хаусу и загнала его в такую депрессию, что он оказался в руках полицейского Триттера.

Конечно, самая большая ложь Кадди — заявление под присягой о том, что она подменила анальгетики на плацебо. Пока что ложь Кадди приносила плоды — ей удавалось заставить Хауса пойти на уступки. Но после того как угроза тюремного заключения миновала и Хауса снова начали раздражать ее приказы, не выдаст ли он ее лжесвидетельство?

А пока Кадди-администратор лжет без зазрения совести, Кадди-женщина переживает из-за чувства вины. Может быть, несмотря на всю свою компетентность и внешнюю напускную уверенность, как многие сильные женщины, она страдает, полагая, что выдает себя не за того, кто она есть на самом деле, страдает от необъяснимого и неизбежного страха, что весь ее успех — ложь. В серии «Шалтай-Болтай» (2–3) она ошибается при лечении больного и в сердцах восклицает: «Я так увлеклась карьерой, у меня уже несколько лет не было медицинской практики». (Напомните, пожалуйста, Кадди, что Хаус каждый раз ставит полдюжины неверных диагнозов, и это ни разу не заставило его усомниться в себе.)

Так о чем же говорит нам ложь Кадди? О том, что она — женщина, которая разрывается между тем, чего требует от нее работа, и тем, чего требует от нее дружба и верность; между необходимостью держать Хауса в узде и в то же время дать ему слабинку, поскольку она чувствует

свою вину перед ним, хотя прекрасно понимает: дай ему волю, он всю больницу приберет к рукам.

УИЛСОН:

Красота чаще всего подстерегает нас по дороге к истине.

(«Метод Сократа», 1–3)

Ложь Уилсона распадается на две категории. Он лжет женам — это мы можем только предполагать, потому что все остается за кадром, ведь шоу называется «Доктор Хаус», а не «Доктор Уилсон». И что из того, что в серии «Прощение» (2–6) он заявляет, будто всегда «признавался им» в неверности? Сама измена — это форма лжи.

Кроме того, Уилсон лжет Хаусу, сочиняет байки о Хаусе, и эта его ложь предназначена для того, чтобы так или иначе помочь Хаусу. Начиналось его вранье вполне безобидно, как, например, в одной из пилотных серий, когда он выдал больную за свою двоюродную сестру, — в расчете на то, что Хаус согласится вести ее дело. Или когда в серии «Интоксикация» (1–11) он не сознался в том, что не Кадди, а он предложил отстранить Хауса на месяц от работы в больнице в надежде, что этим удастся хотя бы на неделю удержать его от приема наркотиков. Но постепенно его ложь принимает более серьезные размеры. В серии «Каин и Авель»/ «Мощь и немощь» (3–2) он предложил скрыть, что больной поправился благодаря Хаусу, который порекомендовал ввести больному кортизол: «Тем, что мы признаем его правоту, мы подпитываем его зависимость от наркотиков».

Неубедительная причина, чтобы лгать другу. Возможно, Уилсон это осознал, когда Хаус забросил физиотерапию и начал снова принимать викодин. А может быть, его крепкая дружба подтолкнула его солгать Триттеру, заявив, что на рецепте стоит его подпись, а не подпись, подделанная Хаусом. Оценит ли Хаус первую ложь во имя добра или будет считать Уилсона предателем и виновником всех бед, которые на него навалились впоследствии?

Понятно, что когда Уилсон лжет Хаусу и по поводу Хауса, эта ложь оказывает на его жизнь большее влияние, чем его ложь всем своим женам. Жены приходят и уходят, а карьера Уилсона и его дружба с Хаусом, хочет он этого или нет, остаются теми двумя столпами, на ко-

торых держится его жизнь. А выдержит ли дружба, если его карьера окажется под угрозой из-за неправды, которую ему приходится говорить, защищая Хауса? Время покажет. Ведь пока я пишу эти строки, эта линия в сериале еще продолжается, а последствия лжи Уилсона еще не проявились. Пока что куда бы ни завела Уилсона его ложь, он остается в сериале лгуном-альтруистом.

ХАУС [своим «желторотым»]:
Я вас учу врать, жульничать и воровать, а стоит мне отвлечься, тут же выстраивается очередь?
(«Невозможность общения», 2-10)

Вряд ли Хаус взял на работу трех молодых врачей только потому, что они самые лучшие специалисты в области неврологии, иммунологии и интенсивной терапии. Разумеется, они очень хорошие, иначе вряд ли Хаус терпел бы их долее секунды. Но мы видели, что тысячи желающих и высококвалифицированных кандидатов на стипендию ринулись на вакантное место к Хаусу в больницу Принстон-Плэйнсборо, как только пролетел слух, что Кэмерон ушла. Хаус имел возможность выбора. Почему же он выбрал Кэмерон, Чейза и Формана? Не потому ли, что они привели в движение его внутренний детектор лжи? Или потому, что он понял, как интересно ему будет разоблачать их ложь?

ЧЕЙЗ:
Ты можешь мне доверять.

ХАУС:
Если я тебе не доверяю, то как я могу доверять твоим заверениям, что я могу тебе доверять?
(«Законы мафии», 1-5)

Вопрос доверия в отношениях Хауса и Чейза возникает постоянно, потому что, похоже, Чейз лжет с большей легкостью, чем остальные подопечные Хауса. Он лжет, потому что... так удобнее... чтобы удержаться на работе... чтобы выглядеть умнее. Секс с Кэмерон, когда у нее от лекарства затуманилось сознание, не был обманом, но он доказывает, что Чейз способен на сделку с совестью. Подобное имело место, когда он сдал Хауса Воглеру.

Однако если мы положим на одну чашу весов незначительную ложь Чейза, а на другую — ложь о смертельной болезни его отца, окажется, что ему врут серьезнее, чем он сам лжет другим (И случайно ли, что Хаус именно в этом случае проявил редкую и нехарактерную для него деликатность? Не случайно, но к Хаусу мы вернемся позже). Поведение отца Чейза красноречиво говорит о том, какие напряженные и отстраненные отношения были у него с сыном. Доктор Ровен Чейз приехал из Австралии, чтобы в последний раз повидать сына, проститься, но так и не дал ему возможности сказать прощальные слова. После встречи Чейза с отцом нам становится намного понятнее отношение этого богатого бедняжки к правде, его немного высокомерный подход к ней.

А ложь Ровена прямиком привела Чейза к ошибке в серии под названием, как вы уже догадались, «Ошибка». Чейз не заметил основного симптома и оказался невольным виновником смерти пациентки, Кайлы. Эта же ложь вынудила самого Чейза сказать неправду: якобы он пришел на работу с тяжелого похмелья. Даже после того как ему пришлось выдержать разбор происшествия членами команды (это, как ему сказала Стэйси, большая ошибка. Это... может стоить ему работы), он так и не смог признаться в одной-единственной правде: в том, что отец был ему дорог, настолько дорог, что известие о его смерти выбило Чейза из колеи и сказалось на его способности сделать правильное медицинское заключение. Однако как бы Чейзу ни хотелось скрыть причину своей ошибки, как бы легковесно он ни относился к правде в мелких вопросах, он не мог допустить, чтобы родственники Кайлы думали, что он сделал для нее все, что мог. Вот поэтому он заявил, что в тот день, когда Кайла поступила в больницу, у него было похмелье, и тем самым он готов был пожертвовать своей репутацией и карьерой, чтобы сохранить достоинство.

Между тем из-за этой ошибки Чейза на неделю отстранили от работы, он получил выговор с занесением в личное дело. То, что Чейз не отказался взять на себя ответственность за случившееся, вызвало определенное уважение со стороны Хауса. После этой истории Чейз стал ему более симпатичен. Создается впечатление, что Хаусу понятнее и ближе такой тип лжи, при котором истинные эмоции скрываются.

Так что очень возможно, что в серии «Ошибка» Чейз выйдет победителем из сложившейся ситуации. Особенно если он сможет разобраться с багажом проблем, которые оставил ему в наследство отец, — чувством неполноценности и бунтарством, которые подвигли его на ложь. Тот Чейз, который находится в мире со своим прошлым, запросто может оказаться Чейзом, который вряд ли захочет пренебрегать истиной.

Предположим, что он сможет устоять перед соблазном подобрать когонибудь под стать отцу, чтобы было с кем воевать. Давайте посмотрим: Ровен Чейз — блестящий доктор с большим самомнением, изломанная личность. Кто в ближайшем окружении Чейза подходит под это описание?

Кэмерон [Хаусу]:

Я не надеюсь, что ты будешь кем-то, кем на самом деле не являешься.
(«Любовь зла», 1-2)

На самом деле надеется. Кэмерон хочется верить, что Хауса действительно заботят больные, тогда как он постоянно заявляет, что его интересует только решение загадки. Да, она сказала следующее: «Мне казалось, что все, что ты делаешь, делается ради помощи людям. Но я ошибалась. Ты это делаешь, потому что так надо» («Ролевая модель», 1–17). Но, похоже, до конца она в это не верит. То ли страсть к Хаусу затмевает ей глаза, и она видит в нем кого-то другого, то ли в силу этого чувства она разглядела в нем то, что не видят другие, — так или иначе, Хаус ей небезразличен. Ведь он не сдается, пока не столкнется с совершенно непреодолимым препятствием. Кадди ставит ультиматум. Больной отказывается от лечения. Болезнь оказывается неизлечимой. И только тогда он говорит: «Я разгадал загадку, моя работа сделана», — так это было в пилотной серии. Является ли это доказательством того, что его волнует только загадка, или же это способ притвориться, что на остальное ему наплевать? Его унылый голос свидетельствует о последнем — это только притворство.

То, что Кэмерон обманывается насчет Хауса, характеризует ее отношение ко лжи. Она ее не приемлет, свидетельством тому является попытка рассказать всем, что велосипедист в серии «Вращение» (2–6) употребляет наркотики, и частые нападки на Хауса за то, что тот не брезгует никакими средствами для достижения цели. Но и она лжет,

главным образом — сама себе, лжет по поводу своих поступков и мотивов этих поступков. Хаус подкалывает ее: «Ты живешь и ошибочно думаешь, что можешь все исправить» («Любовь зла»).

Прекрасный примером является то, что она не может сообщить больному, которому явно сочувствует, что у него рак легких («Приятие», 21). Она оттягивает этот момент, проводит дополнительные, совершенно бесполезные анализы и в итоге лжет больному в бесплодной надежде на другой диагноз. Она не просто тянет время, держа больного в неведении по поводу прогноза заболевания, она лжет себе, не в состоянии признать, что помочь она не может.

Со временем Кэмерон начинает проявлять характер, а может, это означает появление у нее некой защитной реакции. В серии «Невозможность общения» (210) она сумела понять, что больной что-то скрывает от жены (при этом Хаус восклицает: «А девочка-то выросла!»). К третьему сезону, в серии «Que Será Será»[1] она прибегает к хаусовской тактике и вводит больному какой-то препарат. В результате он не может уйти из больницы. А в серии «Согласие после получения информации» (3–3) не Хаус, а она выдает мерзкому доктору визу на путешествие туда, откуда нет возврата.

Но тем не менее все это о больных. Она еще не лгала ради себя, если только вы не сочтете, что ее всепоглощающее желание исправлять все и вся является эгоистичным самим по себе. Пока мы не видели ничего, что свидетельствовало бы о том, что новая, более рациональная Кэмерон извлекает уроки и руководствуется не только сердцем, но и умом. Возможно, она просто не взрослеет. Может быть, она просто слишком много увивается вокруг Хауса.

ФОРМАН:

Да, я похож на него. Только я не такой злой, язвительный, высокомерный — и не хромой.
(«Яд», 1-8)

Кэмерон обвиняет Формана в том, что он похож на Хауса. Кое в чем это сравнение можно назвать справедливым — но где же умение легко и свободно играть фактами, которое присуще Хаусу? Форман, в отли-

[1] «Будь что будет», слова песни.

чие от Кэмерон, не так красноречиво говорит об уловках Хауса, и совершенно ясно, что они вызывают в нем чувство неловкости.

Да, на первый взгляд Форман представляет собой исключение из правил, особенно на фоне всех остальных. В конце концов, вся жизнь Формана — как открытая книга. Не правда ли, у Формана не осталось причины лгать, особенно после того, как Хаус выяснил, что, будучи несовершеннолетним, Форман был замешан в каком-то преступлении? Очевидно, что он лжет меньше, чем любой другой персонаж сериала.

Уже одно это вызывает желание присмотреться к нему повнимательнее. Должно быть, он что-то скрывает.

Самым ярким примером того, как Форман относится к правдивости, можно, наверное, считать одну из серий пилотного показа: «Знаешь что? Нас притесняли не одно столетие, мы устраивали десятки маршей в защиту своих гражданских прав, что еще важнее, я жил как монах, учился, чтобы получить средний балл не ниже 4,0. И после всего этого тебе не кажется, что есть что-то отвратительное в том, что я получил одну из самых престижных должностей в стране только благодаря своему правонарушению в прошлом?»

Так ли это, или Форман попался на удочку Хауса, который сочинил эту возмутительную ложь, одну в ряду многих? Создается впечатление, что Хаус относится к Форману с не меньшим уважением, чем к другим молодым врачам. Например, в серии «Вскрытие» (2–2) Форман сообщает, что обнаружил опухоль, которую все тщетно пытались выявить, и Хаус говорит: «Ведь можешь, когда захочешь». Хаус сознательно сталкивает молодежь друг с другом, но он склонен выделить Формана и ставит его, а не Чейза или Кэмерон, в пример другим. И все факты свидетельствуют о том, что Хаус принял Формана на работу, потому что тот высококлассный невролог.

Фактически неважно, действительно ли Хаус взял Формана на работу из-за его юношеских грехов. Но пока Форман сам в это верит, он позволяет мнению другого манипулировать своей жизнью — или хуже того, разрешает чужой лжи вторгаться в его жизнь.

И это его сильно подхлестывает.

В глазах окружающих Форман — невозмутим, рассудителен, спокоен и сдержан, он живет в ладу с прошлым, доволен настоящим и уверен

в будущем. Вот только весь его внешний лоск и безупречность — не более чем фасад. Время от времени то тут, то там этот фасад дает трещину, и тогда нам виден тот груз, который несет Форман.

Сколько бы он ни отрицал, что он не такой злой и раздражительный, как Хаус, все равно эти слова звучат фальшиво — в нем самом достаточно раздражительности, когда речь заходит о трудных обстоятельствах его прошлого. И эту его раздражительность вполне можно понять — а может быть, даже и оправдать, но она выдает те воспоминания, которые он так яростно пытается защитить. Он полагает, что всем, чего он добился в жизни, он обязан исключительно собственным усилиям: «Мне всего приходилось добиваться самому» («Иголка в стоге сена», 3–13). «Школа, в которой я учился, была таким дерьмом». Это привело к тому, что он стал нетерпим к неудачам окружающих, не сумевших добиться в жизни такого же успеха, как он. «Мы с братом росли в одной семье. Но я сумел сделать из себя человека, а он нет» («Найти Иуду», 39). И ему очень не по нутру, что отец скептически относится к успехам сына: «Он гордится не мной, он гордится Иисусом. Если я что-то делаю как надо, это работа Бога; если я что-то делаю не так, значит, это я сам облажался» («Эйфория, часть 1», 220). Когда Форман находится в подобном настроении, он здорово напоминает Хауса — и это одна из возможных причин того, что он тратит большую часть времени на создание защитной оболочки своей хладнокровной рациональной личности.

Но, возможно, Форман начинает понимать, что он слишком увлекся мифом о Горацио Алгере.[1] В конце серии «Иголка в стоге сена» (3–13), наблюдая, как уходит Стиви, сопровождаемый многочисленной родней, а затем снова, ужиная в одиночестве, он, похоже, пребывает в большей задумчивости, нежели обычно. Форман как будто раздумывает над словами Стиви: «Вы хороший врач. Ваше имя встречается в научных журналах. Мне это нравится. Странно то, что у вас, у доктора Чейза, у Кэмерон — ни у кого нет обручального кольца. Вы одиночки».

Вызывает восхищение то, как Форман изменил свое отношение к Хаусу в серии «Дураки, которых мы любим» (3–5). Он поспорил, что

[1] Американский автор XIX века, разрабатывавший тему превращения бедняка в уважаемого и состоятельного гражданина.

медсестра Венди не будет встречаться с Уилсоном, — и заключил это пари в полной уверенности, что выиграет, потому что Венди в это время встречалась с ним самим. Мастерское надувательство! И преподнес он его с абсолютно бесстрастным видом, солгал блестяще, не сказав при этом ни слова.

Точь-в-точь в духе Хауса. Нам определенно надо приглядывать за Форманом.

ХАУС:

Реальность почти всегда обманчива.
(«Метод Сократа», 1–3)

Если учесть реалии того мира, в котором живут врачи из команды Хауса, вряд ли можно продолжать винить их за ложь. В конце концов, должно быть, и им достаточно откровенно лгали, прежде чем они получили эту работу. Они считаются дипломированными, квалифицированными врачами, получившими престижные стипендии, а по сути дела они тратят большую часть времени на работу, которую вообще-то должны выполнять медсестры, санитары и лаборанты.

В целом, при всем уважении к консультантам сериала по медицинским вопросам, необходимо сказать, что изображение медицинской системы в «Докторе Хаусе» во многом — ложь, внушающая оптимизм. Отделение неотложной помощи в учебной больнице Принстон-Плэйнсборо почти всегда пустует, оно заполнено только в редких случаях, как, например, во время возможной опасности эпидемии менингита в серии «Детки» (1–19). Оно похоже на величественный светлый храм медицинского искусства и науки, а не на помещение, которое предназначено для регулярной стерилизации и дезинфекции, чтобы предотвратить опасность биологического заражения. Когда наблюдаешь, как работает команда Хауса, создается успокаивающая иллюзия, что если вдруг по-настоящему серьезно заболеешь, над тобой день и ночь неусыпно будет работать команда блестящих диагностов.

Похоже, больше всего в сериале лгут совсем не больные, а их тела и заболевания: это болезнь, которая проявляется через атипичные симптомы неясного происхождения, потому что зачастую больной делает или выдумывает что-то, что затрудняет выявление основного симптома. (Например, победителю чемпионата по велосипедному

спорту в серии «Вращение» (2–6) было сложно поставить диагноз и обнаружить эритроцитарную аплазию, потому что в его крови имелось определенное количество допинга и потому что его помещали в барокамеру.) Это болезнь, которая прячется за другой болезнью — как правило, за такой, которая, если ее лечить обычными способами, сильно ухудшает скрытое заболевание (такой случай показан в серии с говорящим названием «Проклятый» (1–13): у ребенка одновременно обнаружили сибирскую язву и проказу). Эта тропическая болезнь не так часто встречается в пригороде Нью-Джерси. Данное заболевание является настолько редким, что даже Хаус в своей практике с ним еще не встречался. Мало того, что нельзя верить тому, что рассказывают пациенты, нельзя доверять и их телам, в которых часто не проявляются те симптомы, которые характерны для определенного заболевания. Неудивительно поэтому, что в мире Хауса ложь — обычное дело. Лгут все и вся.

Естественно, включая самого Хауса.

ХАУС:

Я никогда не вру!
(«Пилот», 1–1)

На самом-то деле врет. Но врет не больше, чем другие. Ну, может, немного больше. Но, во всяком случае, он размышляет о лжи больше, чем все остальные. Однажды, после странного визита его родителей, он признался Кэмерон: «Мой отец совсем как ты. Ему до тебя нет никакого дела, пока у тебя что-то не случится. Ходячий барометр нравственности. Он же ненормальный; с ним худо делается, когда он видит, что кто-то врет. Для бойскаутов и свидетелей в суде — качество незаменимое. Погано, когда оно у твоего отца» («Папенькин сынок», 2–5).

Хаус всеми силами восстает против одержимости отца добиваться кристальной честности любыми средствами, и тем не менее, похоже, что в нем самом сидит это желание правдивости. Циник пожал бы плечами и бесстрастно заметил: «Все лгут», а Хаус взрывается со всей страстью истинного поборника честности, чья вера предана. Но тогда, если Хаус так явно презирает ложь, почему он сам лжет так много?

Что ж, так действеннее. В серии «Внешность обманчива» (2–13) у Хауса усилилась боль в ноге, и Форман ему говорит: «Тебе надо,

чтобы все делалось в мгновение ока, что ж ты так торопишься? Не спеши». Глубокое замечание, только вот заметил ли Форман, что Хаус постоянно пытается все ускорить? «На проведение анализов надо много времени, — говорит Хаус в «Методе Сократа» (1–3). — Лечить быстрее». То же самое происходит, если говорить только правду, пытаясь следовать всем правилам, и работать, не выходя за рамки. Времени уйдет больше. Солгать быстрее. Так можно отсечь все лишнее. Хаус лжет больным, их родственникам, Кадди, другим врачам, членам комитета по пересадке органов, если считает это необходимым для спасения жизни пациента.

И хотя Хаус может утверждать, что для него важна не жизнь больного, а загадка как таковая, его отношение к тому, как он эту загадку решает, говорит об обратном.

Однако несмотря на громогласные заявления Хауса о том, что цель оправдывает средства, вполне вероятно, что он до сих пор живет по меркам своего отца и считает, что ему чего-то недостает. Возможно, ложь является основной причиной, по которой Хаус испытывает отвращение к самому себе.

А поскольку он уже и так достал всех окружающих своей ложью во имя спасения больных, то почему бы не лгать столько, сколько захочется? Ради того, чтобы избавить себя от проблем, чтобы разозлить Кадди и Уилсона, чтобы поиграть в игры разума с «желторотыми».

А может быть, для Хауса ложь — своего рода бунт против отцовской патологической честности, бунт, который приносит ему удовлетворение. Хаус с трудом терпит отца, и это раздражение объясняет, почему он одержимо срывает с окружающих одну маску лжи за другой: если лгут все, значит, и отец тоже не исключение. Было бы Хаусу удобнее считать, что человек, которому он обязан своим появлением на свет и который в детстве был с ним так строг, — обычный лицемер?

Так удивительно ли, что Хауса раздирали сомнения и противоречивые чувства в связи со смертью отца Чейза и в связи с событиями, которые за этой смертью последовали?

Тем не менее в критических ситуациях Хаус полностью утрачивает способность лгать. Он не смог выдавить из себя ни слова похвалы в адрес Воглера и его нового лекарства, потому что на Хауса оно не произвело никакого впечатления. А ведь он знал, что это может повредить ему и его друзьям. Он также отказался извиняться перед Триттером, так как не смог изобразить раскаяние, потому что он его не испытывал.

В серии «Медовый месяц» (1–22), когда Кэмерон сказала: «Я считала, что ты слишком испорчен, чтобы кого-то любить. Я ошибалась. Ты просто не способен меня полюбить», Хаус ничего не смог сказать ей в ответ. В ближайшее время — а может, и никогда — мы не сможем узнать, права Кэмерон или нет, ведь сюжет еще не закончен. Возможно, Хаус сам себя не знает. Показательно то, что он порой не может и не хочет лгать ради того, чтобы это кого-то успокоило.

Когда он наконец-то увел Стэйси у Марка, что-то — похоже, все тот же барометр нравственности, от которого не спрятаться, не скрыться, — вынудило его сказать ей правду: «Я не смогу сделать тебя счастливой» («Хочу знать», 2–11). Горькая правда — правда, которая стоила ему единственной женщины, которую он любит. Правда, которую он не смог утаить.

Самым наглядным примером того, что Хаус иногда не способен лгать, может служить серия «Вскрытие» (2–2). Команда решала, проводить или не проводить сложнейшее обследование Энди, девятилетней девочки, которая скоро должна была умереть от рака — независимо от того, сумели бы они вывести ее из нынешнего странного и острого состояния или нет. Уилсон добился того, что мать Энди подписала согласие, но именно Хаус настоял, чтобы девочке сказали правду и сообщили, какое сложное обследование ей предстоит. Он хотел, чтобы у девочки была возможность согласиться или отказаться от проведения процедуры. Такой возможности в свое время был лишен он. Хаус, если потребовалось бы, мог сказать неправду матери Энди, но он не захотел или не смог быть неискренним с самой Энди.

«Абсолютная правда заключается в том, что все лгут, и это норма человеческой природы, — говорит Хаус в серии "Три истории" (1–21). — Единственной переменной является предмет лжи». Хаус легко может легко солгать любому по любому поводу — но только если правда не разобьет ему сердце. В этом случае у него сразу кончается весь его запас лжи. Возможно, это всего лишь симптом саморазрушения, а может

быть, от отца он унаследовал правдивость, но не перенял его раздражающее лицемерие?

Почему же Хаус лжет? Потому что ложь помогает добиться результата — если только не бьет по нему самому. Потому что лгать у него получается — лишь в редких случаях он не может солгать. Потому что правда не так уж важна — она важна только в редких случаях. Я думаю, что где-то глубоко внутри Хаусу не безразлична правда. И может быть, именно поэтому Кэмерон, Уилсон, Кадди и все остальные, в том числе и мы, готовы дать ему еще один шанс.

«Пингвин, который слишком много знал» (август 2007) — восьмая книга Донны Эндрюс из серии о Мег Лэнгслоу, изданной в «Сент Мартин Пресс». Она также написала серию о Тюринге Хоппере («Идеальное убийство в Беркли»), в которой сыщиком оказывается искусственный разум. Помимо сочинительства Донна любит бродить по своему саду, время от времени читает что-нибудь из своего обширного списка книг или играет в компьютерные игры. Она является вице-президентом Средне-Атлантического отделения писателей детективных романов США, национального отделения «Сестры и преступность», пишет для союза «Преступления на бытовой почве», является членом Ассоциации частных детективов и охранников. Дополнительную информацию вы найдете на сайте http://donnaandrews.com.

Несмотря на название, «Доктор Хаус» — это производственный сериал. За немногими исключениями его действие происходит в больнице, а дома пациентов нам показывают чаще, чем дома врачей (причем обычно в дома первых влезают в поисках необходимой информации). Джилиан Хэнкок исследует отношение героев к домам, своим и чужим, и пытается увидеть то, что эти дома говорят нам о персонажах, особенно о самом Хаусе.

ХАУС И ДОМ

Джилиан Хэнкок

Ничто так не успокаивает, как дом, в котором вы живете. Войдите в дом, и вы почувствуете успокоение, даже не сняв верхнюю одежду. Цвет стен, запахи и даже свет из окон — все это действует на вас как бальзам. Оказавшись дома после долгого отсутствия — какую душевную и физическую радость вы при этом испытываете!

И каково ваше разочарование, когда вы идете за ножницами, чтобы срезать больничный браслет с руки, и обнаруживаете, что их нет том ящике, в котором они всегда лежали. А выцветшая и поеденная молью футболка, которую вы каждое утро с любовью складываете и прячете под подушку, скатана в ком. Затем вы идете на кухню и видите, что все вещи — не там, где были. И тогда вы начинаете думать, что физическое здоровье вернулось к вам за счет умственного.

Наконец, срезав пластиковый браслет с помощью ножа для разделки мяса, вы садитесь на край кровати и задумчиво вертите в руках тонкую пластиковую полоску с дырками, совершенно не подозревая, что объяснение всему происходящему буквально перед вашим носом:

9 № 3091

Идентификационный номер: 58873
Дата госпитализации: 12–31
Учебная больница Принстон-Плэйнсборо
Доктор Грегори Хаус

«Что это за больница, где стены сделаны из стекла?»

Ипохондрикам остается только мечтать о таком месте, как Принстон-Плэйнсборо; архитектура и дизайн больницы — воплощение чистоты и опрятности. Неоновая вывеска над входом в поликлинику горит стерильным голубым цветом и призвана внушить посетителям надежду. Коридоры мерцают в потоке света, идущего через атриум. Половина стен в больнице — это вовсе не стены, а огромные стеклянные панели, образующие окна и раздвижные двери. Все вместе это выглядит как человеческий террариум, в котором обнаруживается много необычных обитателей: больные с сильнейшими аллергическими реакциями, с чумой, с кровоточащими глазными яблоками, с волчанкой (...ну, может, и не с волчанкой). Каждый из таких экземпляров лежит за изумительной чистоты стеклянной перегородкой, ожидая врача, в полной готовности к тому, что его будут осматривать, колоть, а там, глядишь, и вылечат.

К счастью, учебная больница в Принстон-Плэйнсборо — это не только белоснежные халаты врачей и жидкость для мытья стекол. То, что выглядит несколько холодно и стерильно, согревается изолирующей деревянной обшивкой стен и краской цвета мха. Сквозь огромные стеклянные панели можно разглядеть то, что находится внутри и больше похоже на библиотеку, чем на кабинеты. Элементы академического стиля заметны в разных местах, они должны смягчить впечатление от пребывания в лаборатории и создать спокойную обстановку. Просто откиньтесь в кровати в своей отдельной палате и наблюдайте через окно, как на ветру раскачиваются сосны и вечнозеленые кустарники. Можно даже немножко посмотреть сериал «Главный госпиталь», страшно не будет, потому что сами-то вы — в надежных руках.

Ну что? Почувствовали успокоение? Хорошо. Потому что именно сейчас симпатичные врачи влезают в ваш дом, и вам лучше в этот момент их не тревожить.

«Мой дом — моя крепость», — говорится в пословице. Она справедлива как всегда, только сейчас вместо средневековых укреплений из камня и железа мы окружаем себя более легкими барьерами из мебели, картин, семейных фотографий, домашних животных. Пощелкайте каналами телевизора, и перед вами предстанет огромное количество всевозможных вариантов устройства дома, причем все они предлагают помощь в том, как выразить свою индивидуальность. Говорят, о книге по обложке не судят, однако о человеке можно судить по тому, как оформлено его жилище.

Но дом — это не только парадные комнаты. Это также повествование о том, кто мы есть на самом деле, это масса мелких вещей, которыми мы ежедневно пользуемся. Наш естественный позыв прибраться перед приходом гостя — это стремление спрятать то, что мы не хотели бы показывать, то есть именно то, что представляет наибольший интерес для любого следователя. Дом внезапно заболевшего человека представляет собой идеальное место для судебно-медицинской экспертизы, в нем все как будто заморожено в момент начала заболевания — со всеми следами грехов, открытых взору. Поэтому Хаус с недоумением спрашивает: почему вы усложняете работу детектива?

«Неужели полиции требуется разрешение на то, чтобы войти и осмотреть место преступления?» — кипит он, когда Форман предложил взять у больного ключи от его дома. Такая формулировка не случайна. В отличие от большинства врачей, которые видят в пациентах несчастных жертв, Хаус в каждом больном видит подозреваемого и, очень возможно, соучастника собственной болезни. Подобно частному детективу без комплексов, Хаус пойдет на все, чтобы разобраться в случившемся. Его в лучшем случае скользкие отношения с законом временами ставят его в сложное положение, но его опасные контакты с представителями закона позволяют нам понять, как сам Хаус видит себя по отношению к законам, управляющим другими людьми. Как детективы и агенты ФБР, иногда оказывающиеся в ситуациях, когда им приходится нарушать закон, Хаус считает, что ему позволено то же

самое, только в области медицины. Конечно, никакого юридического оправдания этому нет, но ситуация такова, что время решает все. Поэтому, исполненный самых благородных намерений спасать человеческие жизни, Хаус считает оправданным почти все.

Но в одиночку ему это сделать не под силу. Поэтому Хаус часто задействует свою группу специального назначения — Кэмерон, Формана и Чейза, — которые с неохотой принимаются за грязную работу.

«Доктор Хаус» является первым из больничных сериалов по числу показанных сомнительных и откровенно незаконных операций, он отличается от прочих и тем, что героям удается безнаказанно выйти из криминальных ситуаций. В причинах этих ситуаций — будь то милые, но что-то скрывающие больные, или лимит времени — еще предстоит разобраться. Так или иначе, но молодые врачи из отделения диагностики в больнице Принстон-Плэйнсборо вламываются в дома, крадут чужие вещи и съедают чужую еду гораздо чаще, чем герои прочих сериалов со времени «Закона и порядка». У них за плечами двухлетний опыт таких действий, и не похоже, что они собираются остановиться.

Еще не закончился первый перерыв на рекламу в пилотной серии, а Хаус уже потребовал от своих подчиненных нарушить закон, и с этого момента проникновение в дома людей стало одной из главных тем сериала. Судя по выражению ужаса на их лицах, с таким требованием Хаус обращался к ним впервые. Но возмущение длилось недолго — Хаус настолько хорошо вымуштровал свою команду, что к концу второго сезона даже угроза Божьей кары их не останавливает. В серии «Хаус против Бога» (2–19) у них были очень серьезные основания не влезать в дом Грэйс, больной раком (учитывая и то, что она не была пациенткой Хауса). Но даже перспектива встретить суровый взор Всевышнего не избавляет их от привычки к «взлому и проникновению», эта привычка укоренилась. Однако, учитывая количество спасенных жизней с того момента, когда наши люди в белых халатах пустились во все тяжкие, разве можно их осуждать?

Конечно, совсем зеленых юнцов на такое важное задание не пошлешь, новичкам нужна опытная рука, которая показала бы им, что к чему. И если нужен кто-то, кто совершит преступление, то это Форман, — по крайней мере, так считает Хаус. Он быстро вспомнил криминальное прошлое Формана — тот в подростковом возрасте совершил взлом. Он даже притворился удивленным, когда Форман сказал, что придется разбить несколько окон, чтобы добыть то, что нужно. «А разве ты не таким образом проник в дом Фельтегрса?» — подтрунивает он над испытывающим благородное негодование Форманом (серия «Пилот», 1–1). Но, несмотря на постоянные насмешки, которыми Хаус бьет по больному месту, напоминая о подростковых грехах, Форман в большинстве случаев берется за выполнение поручений по взлому домов, демонстрируя тем самым, что видит пользу в том, чтобы иногда нарушить закон. Не считая периодических набегов на чужие холодильники, операции Формана осуществляются вполне профессионально, и он добывает необходимую информацию независимо от того, как относится к конкретному больному, и от того, в чей дом проникает. Даже тогда, когда это — неопрятный дом коррумпированного полицейского (от которого он позже заразился смертельной болезнью, серия «Эйфория, часть 1», 2–20), он сохраняет хладнокровие и равнодушие, хотя и не удерживается от комментариев, запечатывая найденные доказательства в пластиковый пакет.

А Чейз на заданиях по взлому и проникновению в чужие дома проявил себя не самым лучшим образом, и возникает вопрос, какую роль в этом играет удача и за свое ли дело берется молодой человек. Ведь это тот же самый герой, который в серии «Любовь зла» (1–20) залезает в шкаф, полный садомазохистских приспособлений, встает на колени и разглядывает черную кожаную маску, а затем быстро тащит из «ящика Пандоры» пригрошню ментоловых леденцов.[1] Похоже, что у Чейза весьма сильно развит инстинкт выживания, проявляющийся в ситуациях, когда его карьера находится под угрозой или когда ему грозит физическая опасность, — как это произошло, когда он отказался общаться с обитателями тюрьмы в серии «Приятие» (2–1). Но в то же время он допускает самые невероятные ошибки, когда дело касается неявной угрозы.

Чейзу постоянно приходится участвовать во взломах, при этом ему везет меньше других. Так происходит в серии «Проклятый» (1–13),

[1] Ящик Пандоры здесь упоминается в связи с тем, что этим леденцам суждено сыграть в дальнейшем свою роль.

когда он прячется от полиции на дереве и падает с него. Еще более занятной была ситуация в серии «Хаус против Бога» (2–19), когда где-то за входной дверью зазвенели ключи, а у него даже не было заготовлено объяснение на такой случай. Оказалось, что бояться нечего, поскольку Уилсон, сожитель больной хозяйки, в данный момент находился в больнице и сидел за столом с Хаусом. Однако это здорово пощекотало Чейзу нервы и заставило его на пару минут сжаться от страха (а может, этому бывшему семинаристу предначертана такая карма). Было также незначительное дельце, когда Чейз и Форман залезли в дом Стэйси и обнаружили блюдо с коржиками, на которых были их имена! Формана, знавшего Хауса и остерегавшегося Стэйси, проведшей с Хаусом пять лет, это угощение не впечатлило, зато Чейз на него набросился и продолжал жевать вплоть до начала следующего эпизода. Странно, что в этом эпизоде нам не предоставили возможности наблюдать, как наш симпатичный белокурый австралиец умирает от отравления.

«Когда влезаешь в чей-то дом, лучше, чтобы при тебе была белая телка»

Трудно сказать, сильно ли будет отличаться наша оценка Кэмерон от оценки, данной Форманом. Для человека, который проявляет столько заботы о больных, Кэмерон удивительно невозмутима в своей роли взломщика. И не потому, что ей все равно, равнодушие — не ее черта. Но интересует ее жилец дома, а поскольку этот жилец уже находится в больнице, пустой дом ее не занимает. Вот почему во время таких экспедиций она в основном сплетничает о коллегах, что часто раздражает ее подельника.

Хотя подобная болтовня во время взлома в чужой дом имеет определенный смысл, все-таки главное — показать, что Кэмерон из всего окружения Хауса является самым ярким примером того, что наш дом — продолжение нас самих. В сериале жилье Кэмерон мы видим лишь бегло (милое, но в то же время невыразительное пространство), но порог дома нам показывают достаточно четко.

Когда Кэмерон продемонстрировала способность жертвовать собой, уйдя с работы во время правления Воглера, Хаус неожиданно решил

отправиться к ней домой. Кэмерон, не привыкшая сидеть без дела, в это время занималась на тренажере и встретила Хауса в пропотевшем спортивном костюме. Естественно предположить, что она пригласит его войти. Ее роль просто требует этого, ведь она все доводит до логического конца. Она без ума от Хауса. Будучи врачом, она склонна заботиться о нем как о больном. Ей следовало переодеться в свежую одежду и, кроме того, пригласить посетителя войти в дом. Но Кэмерон поступает иначе: она использует порог как козырную карту, как нечто, что опытный психолог моментально воспринимает как что-то необычное. Порог стал некой границей, на которой она диктует свои условия: либо у нее будет доступ к Хаусу и он позволит ей войти в зону своей личной жизни (это может быть свиданием), либо Хаус должен забыть и думать о ней.

То, что жилище для Кэмерон есть нечто святое, только подтверждается ее последующими отношениями с Чейзом. Во втором сезоне, в серии «Охота» (2–7), после того, как Кэлвин, больной СПИДом, пошутил, сказав, что Кэмерон слишком правильная, она решается на эксперимент. Но даже эта попытка попробовать быть менее нравственной оказалась довольно смазанной. Она припрятала таблетки, предназначенные для больного, а затем отправилась в кабинет, плотно закрыла дверь и выпила их. Непонятно, позвала она Чейза до этого или после того, как приняла их, но как только он появился на пороге, сомнений относительно того, зачем она его позвала, не осталось. Очевидно, предлогом было приглашение выпить с ней, так или иначе глаза у нее горели и была она явно под кайфом. Показательно, что, только оказавшись внутри знакомых и надежных четырех стен, она смогла отдаться своим порывам. Для нее это был компромисс, нечто среднее между образом благочестивой и добродетельной особы и развязной и похотливой девицы, которая «пришла на вечеринку, повеселилась, наглоталась таблеток, потянуло на секс», — то, по поводу чего ее дразнил ее пациент. И на один вечер она решила, что Чейзу можно довериться, так как он никому не расскажет о ее падении.

Возможно, именно эта зацикленность на собственных барьерах заставляет ее с таким упрямством рушить барьеры вокруг окружающих. Потому что больше всего Алисон Кэмерон хочется проникнуть в хорошо укрепленную и обороняемую крепость, которой является Хаус.

ЧЕЙЗ:
Вам бы понравилось, если бы я влез в вашу личную жизнь?

ХАУС:
Вовсе не понравилось бы. Поэтому у меня ее нет.
(«Проклятый», 1-13)

Влезть в душу Хауса — непростое дело.

Человек, для которого нарушить личное пространство других — раз плюнуть, свое собственное пространство оберегает с особой тщательностью. Он извлекает уроки из общения со своими больными, а его подручные испытывают на себе тот образный взлом и проникновение, которые являются его специальностью. Смерть мужа Кэмерон, приводы Формана в полицию, болезнь отца Чейза — Хаус собирает все эти факты как сорока-сплетница и упоминает о них в разговоре ради шантажа или дабы увидеть реакцию собеседника. Кадди тоже не поздоровилось, когда Хаус, Чейз и Форман раздобыли ключи и обшарили ящик, в котором она хранила нижнее белье в серии «Шалтай-Болтай» (2–3). Цель этой операции — увидеть ее реакцию. Хаусу известны многие трюки операций по взлому и проникновению, поэтому сам он делает все, чтобы не подвергнуться подобному насилию.

Бесполезно пытаться понять характер Хауса, изучая то, что его окружает. И его дом, и кабинет выглядят совершенно безлико, хотя кабинет невозможно представить без «Волшебного шара»,[1] а его самого — без трости. Кэмерон как-то заметила, что обстановка дома Хауса характерна для человека, страдающего ожирением и отрезанного от мира. Совершенно очевидно, что Хаус не смотрит передачи о том, как обустроить дом, а если когда-то и смотрел, то воспринял полученную информацию с опаской. Чтобы узнать о Хаусе больше, недостаточно порыться в его шкафах. Необходимо заглянуть внутрь этого человека.

Проникнуть сквозь внешнюю оболочку Хауса отнюдь не просто. Эта крепость выстроена из сплошного кирпича — слегка истертого, местами треснувшего; она окружена колючей проволокой и неухоженными лужайками. Даже если вы бесцельно слоняетесь за оградой этой крепости, все равно возникает неприятное ощущение, что за вами наблюдают. Это — дом Хауса, он отличен от прочих. Если границы других домов отмечены белой изгородью из штакетника, Хаус окружил себя границей, выстроенной из огромного количества маленьких белых таблеток.

[1] Шар, используемый для гадания.

Пристрастие Хауса к викодину ни для кого не секрет. Омертвение мышцы бедра доставляет ему постоянную боль. Во всяком случае, так он утверждает. Но, как нам продемонстрировала Кадди, заменившая викодин на другой препарат, таблетки для Хауса являются не столько лекарством, сколько эмоциональным допингом. Изначально викодин помогал ему справляться с невыносимой болью, однако сейчас он помогает Хаусу преодолеть любой дискомфорт. Как человек, который отгораживает и защищает свое пространство от остального мира, Хаус постарался выстроить его таким образом, чтобы отгородиться от острых углов; поначалу это было непреднамеренно, но сейчас он делает это целенаправленно, укрепляя стену отчуждения всякий раз, когда глотает очередную таблетку.

Похоже, родители Хауса так и не побывали в его доме; в большинстве случаев он просто гасил свет и притворялся, что его нет дома. Уилсон обнаружил, насколько противоречив Хаус в отношении своих гостей, когда во втором сезоне сам оказался в ловушке, сродни вращающейся двери. Хаус разрывается: с одной стороны, он ревностно стремится защитить свое пространство, а с другой — ему приятна компания другого человека. В результате жизнь Уилсона превращается в ад. Учитывая прием, который Хаус обычно оказывает попавшим в его крепость, отказ впустить Кэмерон является актом милосердия.

Хаус скрывает от посторонних и свою внутреннюю жизнь. Он не знакомит родителей со своими коллегами, скрывает от друга игру в карты, а эмоции держит в стороне от поступков. Трудно сказать, устраивает ли его такая сегментированная жизнь. Возможно, он настолько к этому привык, что не хочет ничего менять. Но дуновение ветра может сбить с пути самого опытного путешественника. Совершенно неожиданно одному человеку удалось проникнуть в святое святых внутреннего мира Хауса. И когда он это обнаружил, его охватила паника. Конечно, помогло то, что у Стэйси была карта, — когда-то они были близки.

Погоня за Стэйси Уорнер поначалу выглядела очередной нелегальной операцией. Хаус использовал старые трюки: поручил своим подручным проникнуть в ее дом, шпионил, рылся в истории ее болезни, хранящейся у терапевта. Трудно сказать, какую цель он преследовал, возможно, поначалу он сам этого не понимал. В результате он занял место в ее доме, а затем и в сердце, что стало самой совершенной операцией по взлому и проникновению из всех совершенных ранее.

Но в этой сумасшедшей погоне он упустил одну важную деталь. Проект под названием «Стэйси» отличался от прочих проектов. Сразу становится ясно, что Хаус нашел себе подходящую спутницу. Резкая, остроумная и, несомненно, признающая его талант, Стэйси была в курсе дел Хауса — в отличие от тех, кого он пытался надуть раньше. И пока он настойчиво пробивал брешь в ее обороне, Стэйси точно так же пробивалась через укрепления, возведенные Хаусом. Он, не до конца отдавая себе в этом отчет, рассчитывал заманить Стэйси в свои сети, и был искренне удивлен, когда обнаружил, что она уже ждет его, причем ждет вполне осознанно. К сожалению, пробиться к желаемой цели — это еще не все. Несмотря на то что Стэйси понимала и принимала всю сложность характера Хауса, в конечном итоге он сломался и отверг ее, вернувшись в свое одиночество.

Пребывание в замкнутом, отрезанном от мира пространстве, где все эмоции находятся под замком, действует удушающе. Но у Хауса есть место для самовыражения: это место он любит и ненавидит одновременно, это — больница.

Стеклянные коридоры и успокаивающий зеленый цвет вряд ли производят на Хауса какое-либо впечатление, когда он вышагивает по комнатам, стуча тростью по кафельному полу. В то время как его подчиненные влезают в чужие дома через окна, пробираются под покровом темноты, Хаус идет к разгадке, собирая невидимые детали мыслей и поведения больных, выстраивая картину, которую видеть дано только ему. В больнице Хаус становится героем, потому что там он может быть самим собой. Вне больницы, если он ведет себя естественно, на него смотрят как на ненормального.

Для Хауса учебная больница в Принстон-Плэйнсборо является интеллектуальным жилищем, магазином игрушек, полным головоломок,

к которым у него есть ключ. Там, внизу, в холле есть аптека, есть коллеги, жаждущие услышать его слово; больница дает ему некую основу, которой нет за ее пределами. Для кого-то это временное убежище, для других — последний приют. Для Хауса это дом.

Джилиан Хэнкок живет на краю известного нам мира, в Веллингтоне, в Новой Зеландии. Днем она занимается систематизацией информации, ночью пишет книги, свободное время проводит в сложных бартерных сделках с безжалостными пиратами, но говорить об этом не может. Когда пираты наседают на нее, она напоминает себе, что где-то кто-то исполняет интерпретационный танец, что радует ее. Как и все в Новой Зеландии, она лично знакома с хоббитом.

В пилотной серии врачи Кэмерон, Форман и Чейз гадают над тем, почему Хаус взял их на работу, точнее говоря, этот вопрос задает Кэмерон. В конце серии она получает ответ, но, похоже, он ее не устраивает. На то есть причина: работу ей дал Хаус, а он не исключение из правила, о котором сам же постоянно упоминает: «Все лгут». Лучше бы Кэмерон задала этот вопрос Шанне Свендсон.

НОВЫЙ ФРАНКЕНШТЕЙН И ЕГО ДОКТОР

Из чего состоит доктор Хаус

Шанна Свендсон

Доктор Грегори Хаус — один из самых сложных и удивительных персонажей на сегодняшнем телевидении. Он талантлив, умен, изобретателен, он выводит людей из себя, он упрям, высокомерен, остроумен, любопытен и изломан. Создатели сериала «Доктор Хаус» решили досконально изучить Хауса, окружив его людьми, которые помогают осветить различные стороны его характера. Каждый из троих помощников Хауса является воплощением какой-либо важной черты (одной или двух) его характера. Или же, если представить это иначе, команда Хауса — это своего рода чудовище Франкенштейна, еще один Хаус, созданный из отдельных частей. Это позволяет нам увидеть основные черты одну за другой, противопоставить их, затем сопоставить друг с другом по отдельности и с самим Хаусом.

Хаус высокомерен и резок с людьми, независимо от их ранга или положения. Эта черта свойственна и доктору Эрику Форману, рабо-

тающему в группе Хауса неврологом. Хаус чрезвычайно любопытен и не успокоится, пока не найдет ответ на волнующий его вопрос. Это качество мы наблюдаем и у Элисон Кэмерон, работающей в группе иммунологом. Хаус изломан, его донимает физическая боль, он зависим от анальгетиков, помимо этого у него масса эмоциональных проблем. Доктор Роберт Чейз, врач-реаниматолог, заблудшая душа, в нем также отразились некоторые черты Хауса и его сложное прошлое.

В пилотной серии нам обрисовывают характеры героев. Впервые появившись на экране, Форман сразу же начинает спорить с Хаусом по поводу его методов диагностики и не соглашается, что у больного, как утверждает Хаус, что-то более необычное, чем опухоль. Форман на этот момент в команде Хауса новичок, он лишь недавно принят на работу, но уже спорит со своим начальником по поводу устоев отдела диагностики. В отделе, где диагностируют самые необычные случаи, метафорически именуемые «зебрами», Форман спорит с Хаусом, утверждая, что нельзя в каждом случае подозревать «зебру».

Кэмерон в этой серии тоже демонстрирует свой характер. Когда она узнает, почему Хаус принял Формана на работу, она теряет покой и начинает допытываться, почему же Хаус принял ее. Она подробно обсуждает этот вопрос с Форманом, сравнивает университеты, в которых они учились, успеваемость и прочие факты жизни — даже в тот момент, когда они обыскивали дом больного в поисках информации о причинах заболевания. Не найдя ответа на свои вопросы, она идет к Хаусу.

В пилотной серии не говорится о прошлом Чейза, однако мы видим, что он находит нечто общее между собой и пациенткой, чувствовавшей себя крайне одиноко в этом мире, и приглашает к ней в больницу ее учеников. Мы также видим его отстраненность и отчужденность. Вместо того чтобы быть рядом со своими коллегами, Чейз часто стоит поодаль и говорит последним.

По ходу сюжета мы наблюдаем, как эти особенности характеров углубляются, и начинаем понимать, почему каждый из героев ведет себя так, а не иначе. Мы видим в них отражение самого Хауса.

Форман: высокомерный, резкий и неуступчивый, как Хаус

«Вы такой же напыщенный и высокомерный, как и он».

(Мать больного, обращаясь к доктору Эрику Форману, «Яд», 1–8)

Очевидно, что Хаус — во многом человек нездоровый (нога, личная жизнь, очень вероятно, печень — учитывая то количество ацетаминофена в таблетках викодина, которые он глотает, как конфетки «Тик-Так», и запивает немалым количеством алкоголя), однако его Эго нездоровым не назовешь. Причин для такого утверждения немало. Он — великолепный врач, который в силу своих уникальных способностей и интересов получил в свое распоряжение целый отдел. Ему позволено подбирать свой штат, он пользуется определенной свободой действий, он не носит медицинский халат и берется только за тех больных, которые ему интересны. И он убедился в том, что действительно представляет ценность для больницы, когда ее руководители решили отказаться от денежного пожертвования в сто миллионов долларов, но не поддались давлению со стороны и не уволили его. А все потому, что он почти всегда прав, потому что только он может разобраться в случаях, которые оказываются не под силу другим. Если бы не Хаус, больные, которым не посчастливилось попасть к нему, несомненно, погибли бы, а это дает ему право говорить и поступать так, как вздумается.

В Формане такие черты Хауса, как высокомерие и резкость, проступают более отчетливо и сильно. Он пока еще продолжает свою учебу, поэтому ему нечем подкрепить свое чванство, а пока у него есть только чванство. Как и Хаус, он должен быть во всем прав. К сожалению, на самом деле часто это не так. Но это его не останавливает, и он продолжает отстаивать свою точку зрения до тех пор, пока ему не докажут, что он ошибается, но даже тогда он заявляет, что причина ошибки не в нем: виноват анализ или другой врач, проводивший обследование. Когда Форман заболел загадочной болезнью, он продолжал спорить с Хаусом, утверждая, что тот ошибается. Противостояние с Хаусом продолжалось, хотя Форман находился чуть ли не при смерти, потерял зрение и испытывал ужасную боль. Однажды ему стало известно, что Кэмерон пишет статью об одном клиническом случае, и тогда он сам написал статью о том же самом случае, затем получил одобрительную рецензию Хауса и отправил статью в журнал, в то время как Кэмерон все еще ждала такой рецензии. При этом Форман не испытал никакого чувства раскаяния за содеянное. Он считает, что при желании она могла поступить точно так же, и что не его проблема, что она не столь расторопна, как он.

Форман — это один из трех помощников Хауса, с которым его наиболее часто сравнивают, возможно, потому, что высокомерие является наиболее заметной чертой Хауса, она бросается в глаза даже мало знакомым людям. Когда Хаус отправил Формана в поликлинику, чтобы тот отработал за него положенные часы, один пациент пожаловался на отношение Формана к нему. Хаусу попало, а администратор так и не узнала, что речь идет о двух разных людях. Конечно, те черты, которые присутствуют в нас, вполне вероятно могут раздражать нас в других людях. Формана наверняка раздражает высокомерие Хауса. Как-то он сказал, что тому не помешало бы научиться вести себя более сдержанно. Он лелеет мечту когда-нибудь занять пост Хауса, особенно это проявилось тогда, когда Хауса на время отстранили от работы.

Возможно, авторы создали персонаж Формана для того, чтобы подробнее обрисовать эту черту характера Хауса, однако похоже, что Хаус и сам мог выбрать Формана из-за данного качества. Когда Форман оправился после серьезного заболевания, в результате которого чуть не умер, отношение к людям у него изменилось. И тогда Хаусу стало не хватать их споров; он даже потребовал от Формана, чтобы тот возобновил практику диспутов со своим начальником. Хаусу нужен оппонент, которым является Форман; нескончаемый спор необходим Хаусу, это особенность сознания. Когда ему пришлось заниматься каким-то клиническим вопросом в отсутствие его обычной команды с группой, заменяющей ее, он выражал несогласие со всем, что предлагал работник, замещающий Формана.

Форман является важной частью команды еще и потому, что он умеет сказать Хаусу «нет». Он уравновешивает Хауса. Его упрямство и настойчивость в стремлении доказать, что Хаус не прав, — это опреде-

ленная сила, двигающая Хауса в правильном направлении и приводящая к верному решению. Хаус говорит, что он принял Формана на работу частично из-за его подросткового уголовного прошлого: в нем он увидел человека, настолько искушенного городской жизнью, что его не каждый проведет. Даже Хаусу это оказалось не под силу. Реакция Хауса на высокомерие Формана показывает то, как Хаус сам видит свое собственное высокомерие, и можно заключить, что Хаус вполне доволен собой и не считает нужным в себе что-то менять. Он говорит, что смирение — это важное качество того, кто много ошибается. Если вы правы, то нет причины унижаться.

Но Форман в своем высокомерии преуспел даже больше Хауса. Хаус считает, что он прав, а все вокруг идиоты, но он не особенно задумывается о них. Он даже не снисходит до обсуждения их положительных или отрицательных качеств (кроме как в медицинском смысле). А Форман склонен судить других. Он может сказать о каком-то больном, что тот не заслуживает лечения (как это было в случае с бездомной женщиной, которая, по его мнению, хотела надуть администрацию больницы в серии «Истории» (1–1); об убийце в серии «Приятие» (2–7), который, по его мнению, заслуживал смерти; или о больном с ВИЧ-инфекцией в серии «Охота» (2–7), который мог бы избежать многих проблем, если бы предохранялся во время секса). Он также судит коллег, считая Хауса — наркоманом, Кэмерон — излишне мягкосердечной, а Чейза, который, по его мнению, просто испорченный богатенький ребенок, — бездельником, которому работа до лампочки. Он не способен провести грань между человеком и симптомами болезни, что часто накладывает отпечаток на его выводы как врача.

По мере работы с Хаусом Форман растет профессионально и, как персонаж, становится менее высокомерным. Оказавшись на месте Хауса в роли начальника отдела, он осознает груз ответственности за принятие окончательного решения, когда не на кого опереться. А побывав в роли больного, он стал несколько более терпимым к больным, к их страхам, к их недостаткам, хотя с коллегами он по-прежнему держит себя надменно. Возможно, к тому моменту, когда Хаус решит с ним распрощаться, Форману хватит ума дать правильную оценку своему высокомерию.

Кэмерон: любопытная и настойчивая, как Хаус

«Это не давление, не нажим. Постановка диагноза в клинике имеет смысл, к черту Кадди.

То же самое с отделом Уилсона, он к нам имеет косвенное отношение.

Но сейчас мы в служебном помещении, потому что ты не хочешь быть в своем собственном кабинете, что означает, что Кадди здесь ни при чем.

Ты свихнулся на своем ковре, что означает...»

(Кэмерон, обращаясь к Хаусу, «Линии на песке», 3–4)[1]

Одна из черт, делающих Хауса выдающимся диагностом, это его любопытство. Он во что бы то ни стало должен разгадать загадку, медицинскую или человеческую, и именно последняя зачастую оказывается ключом к решению медицинской загадки. Самый вероятный способ подогреть его интерес — показать ему какую-нибудь аномалию, что-то, что выпадает из схемы или противоречит смыслу. И он не остановится в поисках ответа, пока не убедится, что нашел его, даже если ответ найден спустя десятилетие после смерти больного. Он не менее любопытен в отношении окружающих. Он подглядывает за ними, залезает в их шкафы для хранения одежды, крадет секретные документы, изучает чужие истории болезни, роется в мусорных корзинах и напрямую спрашивает людей, если ему нужна информация о его подчиненных или других коллегах. Его друг, доктор Джеймс Уилсон, не мог надеть на работу новый галстук без того, чтобы Хаус не полюбопытствовал, не изменяет ли тот своей жене с какой-нибудь медсестрой, не мог поговорить с новой сестричкой в холле без того, чтобы Хаус не начал искать доказательства своему предположению. Хаус стащил историю болезни своей бывшей подруги, чтобы разузнать, как обстоят дела в ее семье. Он читает записи Кэмерон, чтобы понять причины ее поведения

[1] Весь этот кэмероновский сумбур следует воспринимать в контексте того, что по ходу серии они вынуждены вести клинический разбор в каком-то постороннем служебном помещении, при этом выясняется, что у Хауса из кабинета забрали ковер для чистки, так как он был запачкан кровью.

в ситуации, когда серьезно заболели несколько младенцев. Как только Хаус видит что-то необычное, он начинает докапываться до истины. Именно поэтому он узнал о том, что отец Чейза умирает от рака, задолго до того, как это стало известно сыну, и, по-видимому, Хаус — единственный человек, который умудрился выудить информацию личного свойства у крайне скрытного Чейза-старшего.

Кэмерон — член команды, в которой проявляется та же самая черта. Она считает своей обязанностью добывать информацию об окружающих, о больных, о коллегах; в деле выуживания интересующей информации она проявляет такую же настойчивость, что и Хаус. Известно, что она меры не знает, когда дело касается получения данных о больных. Ее интересуют не только сведения медицинского характера, она роется в семейной и личной жизни пациентов. Иногда это приносит пользу, как, например, в случае, когда ей стало известно о том, что молодая спортсменка страдает депрессией, что, в свою очередь, позволило своевременно диагностировать у нее рак. Но в других случаях она чрезмерно эмоционально воспринимает то, что ее не должно касаться, и это отвлекает ее от работы.

Но больше всего Кэмерон интересует сам Хаус. Она без обиняков задает ему вопрос о том, как он к ней относится, а затем требует, чтобы он пригласил ее на свидание, чтобы она могла узнать его лучше. Она спрашивает практически каждого, кто знал Хауса раньше, о его прошлом. Она жаждет познакомиться с его родителями. Она извелась, пытаясь узнать, почему Хаусу так необходимо было сменить ковер в кабинете, — в результате последний был вынужден ей прямо сказать, что пора заниматься делом. Ее интересует личная жизнь одного больного, который чем-то напоминает Хауса.

В своем любопытстве и настойчивости Кэмерон идет даже дальше Хауса, потому что на самом деле ее заботят люди. Хаус видит в больном лишь головоломку, а поведение больного — это ключ к разгадке, и как только решение найдено, он переходит к следующей головоломке. В отличие от него, чем больше Кэмерон узнает о человеке, тем эмоциональнее она его воспринимает. Эта черта иногда влияет на ее способность принимать правильное решение. Когда Хаус высказал предположение, что один из пациентов собирается расстаться

со своей девушкой, Кэмерон насторожилась и принялась расспрашивать больного о его личной жизни. Когда же его девушка решила стать донором, отдав своему другу часть печени, возникла моральная дилемма. Кэмерон сочла, что девушка имеет право знать правду, но при этом может передумать и отказаться от операции, в этом случае больной может умереть. Забота Кэмерон о людях часто оборачивается боком. Так, она прониклась участием к одинокому больному с подозрением на рак и затем потребовала провести все анализы за исключением одного — именно того, который определенно доказал бы наличие онкологического заболевания. Ее забота, основанная на том, что она знала о больном больше, чем это нужно знать врачу, явилась причиной того, что она оказалась неспособной воспринять ситуацию так, как надо.

Возможно, ее любопытство и настырное желание получить информацию временами раздражают Хауса и других коллег, но порой им приходится отдать должное этому качеству. Хаус отметил ее пристрастие к собиранию информации о людях (но и высмеял при этом), когда вел занятие со студентами-медиками по диагностике. Форман в критический момент своего заболевания делает ее своим доверенным лицом, зная, что она, с ее настойчивостью, обязательно сделает для него все необходимое. Хаус мирится с ее любопытством и настойчивостью до тех пор, пока оно не направлено на него, хотя и не одобряет того, что сбор личных данных о других заставляет ее относиться к ним с бо́льшим сочувствием. Ее настойчивость — одна из причин, по которой он принял ее на работу. Он сказал ей, что взял ее к себе, потому что она хорошенькая, но уточнил, что для хорошенькой девушки, она работала больше, чем нужно. Она могла бы запросто выехать только на своей внешности, но предпочла этому учебу в медицинском вузе, интернатуру и ординатуру, а сейчас трудную работу и учебу по гранту. Возможно, Хаус ожидает, что она применит свою настойчивость на благо лечения больных. Даже если он отсутствует, он может рассчитывать на то, что она не оставит окружающих и найдет ответ.

Чейз: изломанный и умный, как Хаус

«Я говорю вам: мой отец ушел, мать пила не просыхая, от этого я вам более интересен?»

(Чейз, обращаясь к Хаусу, «Проклятый», 1–13)

Высокомерие Хауса и его невыносимое поведение можно объяснить тем, что он физически и эмоционально изломан. Некая недиагностированная закупорка сосудов привела к омертвению мышцы в левой ноге, что вызывает непреходящую боль, требует применения обезболивающих средств и заставляет его ходить с тростью. Последовавшее после этого эмоциональное расстройство привело к разладу в отношениях с женщиной. Теперь он даже не пытается думать о новой любви. Он часто выставляет напоказ боль и физическую немощь, бравируя ими, чтобы вызвать в людях сочувствие к себе. Это та козырная карта, которой он пользуется, когда ему нужно выбраться из какой-либо переделки или когда он хочет заставить кого-то испытать чувство вины. В эмоциональном отношении он старается отдаляться от людей или держать их на расстоянии. Он постоянно подвергает своего лучшего друга испытаниям на верность, после которых сохранить к нему дружеские чувства почти невозможно. Хотя вся предыстория Хауса нам не известна, есть некоторые указания на то, что он сам избрал для себя эту эмоциональную изоляцию. Отношения Хауса с отцом плохие; он упоминал, что тот — настолько строгий приверженец дисциплины, что его действия иначе как издевательством не назовешь. Его родители живы, он говорит, что мать его любит таким, какой он есть, однако он соглашается встретиться с ними только тогда, когда не может этого избежать. Его давние друзья говорят, что он был таким и до того, как получил травму ноги, и даже он сам признает, что отдалялся от людей со времен детства.

Часто в литературе, в кино (а иногда и в реальной жизни) происходит так, что герой, когда-то переживший травму, оказывается наделенным определенными творческими способностями или недюжинным интеллектом. Вот и у Хауса есть такое качество — он замечательный диагност. Он приходит к совершенно неожиданным логическим умозаключениям благодаря вдохновению, связывая, казалось бы, несвязанные вещи (к примеру, красные стринги у девочки-подростка наводят его на мысль сделать анализ с помощью красного красителя). Иногда ему даже не удается представить научные доказательства, которые позволили ему сделать тот или иной вывод, но, так или иначе, этот вывод оказывается правильным. Он определил причину паралича больного, но ему не удалось найти достаточно доказательств, чтобы убедить свою начальницу дать добро на лечение. Она попыталась организовать лечение, основываясь только на данных истории болезни, после чего выяснилось, что Хаус все-таки прав.

Чейз — это персонаж, представляющий такую сторону Хауса, которую можно назвать «искореженный гений». Его предыстория словно взята из произведений Диккенса, на фоне которой Хаус выглядит просто хлюпиком. Отец Чейза, известный ревматолог, никогда не мог найти времени для своего сына, а затем, когда жизнь с женой-алкоголичкой стала невыносимой, просто ушел из семьи. В результате этого его сыну-подростку пришлось в одиночку заботиться о матери. Чейз поступил в семинарию с намерением стать католическим священником, но ушел из нее и стал врачом (это произошло, как утверждает Хаус, по настоянию отца, чего сам Чейз не подтверждал и не отрицал). Отец Чейза так и не сообщил сыну, что умирает от рака, и тот был настолько ошеломлен известием о его смерти, что допустил роковую ошибку, в результате которой его больной умер. Затем он узнает, что отец вычеркнул его из завещания.

В отличие от Хауса Чейз не кичится своей болью. Он скрывает, через что ему пришлось пройти, и не ищет сочувствия у других. Он испытывает романтические чувства к Кэмерон, но (хотя, как ему говорит Хаус, он был бы ей еще более интересен, если бы она знала о его прошлом) ничего ей о себе не рассказывает и даже грубо прерывает, когда она пытается разузнать о его натянутых отношениях с отцом. Мы редко видим его где-либо, кроме работы, поэтому не можем сказать, насколько он схож с Хаусом в том, что тот держит людей на расстоянии, но что касается коллег, то их он точно сторонится. Ему наплевать на то, что они считают его лентяем, которому нет дела до работы, на то, что для них он — испорченный богатый мальчик, получивший эту

работу благодаря связям отца. Он не признается в том, через что ему пришлось пройти.

Но у него и Хауса есть общая положительная черта — творческое мышление. Он предлагает необычные решения, к примеру, рекомендует прибегнуть к рентгену вместо инвазивного теста, чтобы убедить неуступчивого больного в окончательном диагнозе; он находит способ спасти глаз больного от сгустка крови, не прибегая к другим видам лечения; он использует ультразвуковое исследование мозга, когда нельзя воспользоваться магнитно-резонансным томографом. Часто он оказывается единственным изначально правым в диагнозе, который впоследствии подтверждается, но у него в первый момент не хватает доказательств, чтобы обосновать определенные анализы или методы лечения. Он единственный, кто даже побил Хауса его же оружием, поставив правильный диагноз, когда Хаус ошибся. Причем сделал он это вполне по-хаусовски, используя лазерную указку, определив, что именно свет является проблемой больного.

Непростое прошлое Чейза и, как результат, его эмоциональные проблемы не дают ему возможности полностью проявить свой ум. Он избегает конфликтов, когда это возможно, он отступает перед проблемами, если не до конца убежден в своей правоте. Он, скорее всего, замкнется и возведет эмоциональный барьер, нежели станет защищаться. Когда его положению что-то угрожает, вместо открытой борьбы он начинает борьбу закулисную, как в случае, когда Хаусу предложили уволить кого-то из своих сотрудников. Чейз собирает компрометирующие сведения о каких-то нарушениях, совершенных Хаусом, и передает их председателю совета директоров больницы в расчете сохранить за собой работу. Возможно, у него не было уверенности в том, что его оставят, или же он не мог поверить, что найдется кто-то, на кого он мог бы рассчитывать, кто мог бы вступиться за его интересы. Чейза можно понять, принимая во внимание историю с его родителями, — это заставило его бороться за свою работу именно таким способом вместо того, чтобы пытаться доказать свою полезность команде.

Нам не известно, по какой причине Хаус взял Чейза на работу. Както походя он заметил, что причиной явился звонок отца Чейза, но это не очень согласуется с тем, что мы знаем о Хаусе и Чейзе. Хаус не из тех,

кто поддается влиянию или давлению авторитетов, и он не будет оказывать кому-либо личные услуги, поэтому маловероятно, что он принял Чейза в свою команду, потому что отец того надавил на какие-то рычаги. А натянутые отношения Чейза с отцом и чувство обиды вряд ли могли способствовать тому, что он обратился к отцу за помощью, дабы тот составил ему протекцию. Вероятно, есть более глубокие причины, объясняющие факт приема Чейза на работу, подобно тому, как симпатичная внешность Кэмерон — это не единственная причина, по которой Хаус выбрал ее.

Наблюдая за тем, как Хаус обращается с Чейзом, можно заметить, что Хаус признает как его заслуги, так и недостатки, поскольку он постоянно подгоняет его, заставляя тем самым работать больше и лучше. Он создает Чейзу препятствия и пытается изменить его психологию, постоянно называя идиотом, возможно, потому что видит в нем зародыш такого же интеллекта, как и у него самого, и приходит в негодование, когда Чейз не может реализовать великолепные идеи. Но когда Чейзу действительно тяжело, например, когда умер его отец, Хаус демонстрирует редкую для него чувствительность. Хаус бравирует своими бедами и извлекает из этого пользу, но, возможно, он делает это, чтобы нанести упреждающий удар по выражению истинного сострадания со стороны окружающих, и он уважает Чейза за то, что тот также отвергает чью-либо жалость.

Команда: Франкенштейн и его доктор

«Ну ладно, ждите у моря погоды.

[С плохим австралийским акцентом] Не выйдет, приятель, для вены слишком много крови. [Имитирует акцент героя из фильма «Домосед»] Не выйдет, Хиззи.
Если бы это была артерия, кровь бы хлестала.
[Фальцетом] Вообще-то он бы уже помер».

(Хаус, обращаясь к своей команде, «Без причины», 2–24)

Несмотря на свои пороки, а может, и благодаря им, Хаус — один из лучших известных нам врачей. Анализ индивидуальных особенностей его характера в том виде, в каком они воплощены в его помощниках, показывает, почему это так. По отдельности эти молодые врачи не могут достичь многого. У Чейза могут быть замечательные идеи, но без высокомерия Формана и без настойчивости Кэмерон он не будет их отстаивать, а это означает, что в редком случае правильный диагноз будет его заслугой, даже если он назвал этот самый диагноз в начале дебатов. Форман может быть надменным и резким, выражая свое мнение, но часто он оказывается не прав, потому что ему недостает творческого подхода Чейза и любопытства Кэмерон. Кэмерон может без конца заботиться о людях, так что, как сказал Хаус, тошно делается, но не испытав травмы, которую испытал в детском возрасте Чейз, она терпит поражение, когда сталкивается с реальным миром, а этот мир не соответствует ее идеалистическим взглядам. И она не столь смела, как Форман, чтобы пробиваться в таких ситуациях, в которых жизнь не нашей стороне.

Но поскольку Хаус обладает всеми этими чертами, он способен решать проблемы и помогать людям (хотя он и заявляет, что до людей ему нет дела). Великолепный Хаус мог преднамеренно набрать себе команду из людей, являющихся его собственным отражением. Несомненно, он специально раздувает конфликты внутри команды, так чтобы эти черты выступили четче, чтобы они проявились и доказали свою действенность. Если бы его помощники действительно работали как одна команда, объединяясь и сотрудничая, а не противопоставляя себя друг другу на каждом шагу, то, вероятно, иногда они могли бы давать фору Хаусу, они могли бы быть лучше его. Но Хаус поддерживает в них дух противоречия, так чтобы, используя их споры и доводы, он мог сам проверять себя и стимулировать свой мозг. Таким образом, ему удается быть единственным, кто может разгадать головоломку. В итоге именно его имя вынесено в название сериала. А у его помощников будет свой звездный час, и тогда про них снимут особый сериал.

Шанна Свендсон после окончания колледжа работала в справочном отделе медицинского института, и хотя она не знала реального доктора Хауса, ей довелось работать с людьми, обладающими (как бы это поизящнее сказать?) его наиболее интересными чертами. В настоящее время она главным образом занимается писательским трудом. Ей принадлежат книги «Акционерная компания "Очарование"», «Однажды на шпильках» и «Девица в стрессе». Она также соавтор серий книг «Флирт с гордостью и предубеждением», «Добро пожаловать на Вистерия-лэйн», «Так говорим мы все» и «Лакомый кусочек». Временами она пишет работы на медицинские темы. Посетите ее веб-сайт www.shannaswendson.com.

ЗАГАДКА ДОКТОРА ХАУСА – ЧЕЛОВЕКА И СЕРИАЛА

Под редакцией Л. Уилсон

Перевел с английского С. Силинский

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*О. Кувакина*
Выпускающий редактор	*Е. Маслова*
Редакторы	*Н. Александрова, Т. Середова*
Художник	*К. Радзевич*
Корректор	*Н. Викторова*
Верстка	*Е. Маслова*

Подписано в печать 11.03.10. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 18.
Тираж 30 000. Заказ 3091.
ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 29а.
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 – литература учебная.
Отпечатано по технологии CtP в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1. Телефон/факс: (812)495-56-10.